

**БИБЛИОТЕКА
БОЕВЫХ
ИСКУССТВ**

**ВАЛЕРИЙ
НАТАРОВ
ОСС!**

ХЯКУМАН
издательский дом

Библиотека боевых искусств

ВАЛЕРИЙ НАТАРОВ

ОСС!

(20 ЛЕТ В КАРАТЭ)

Москва
2004

УДК 796.853.26 (47+57) (093.3)

ББК 75.715

НЗЗ

Серия основана в 2004 году

Натаров В.А.

НЗЗ Осс! (20 лет в каратэ) – М.: ООО Издательский дом
«Хякуман», 2004. – 188 с., илл. – (Библиотека боевых искусств).

ISBN 5-98560-001-7

Автор настоящей книги, обладатель черных поясов по трем стилям каратэ-до («Вадо-рю», «Дзесинмон» и «Конно-дзюку»), в непринужденной манере и с юмором рассказывает о событиях, происходивших в мире боевых искусств в 80-е – 90-е годы в России и в Японии, свидетелем и участником которых он был.

Для широкого круга читателей.

- Подавляющее большинство героев книги – реальные люди. Собирательными образами являются лишь Юрий Ефграфович и Тимофей. Совпадение этих образов с реальными лицами является случайностью.

УДК 796.853.26 (47+57) (093.3)

ББК 75.715

© В.А. Натаров, 2001

© ООО Издательский дом «Хякуман»,
оформление, серия, 2004

ISBN 5-98560-001-7

Содержание:

Предисловие	5
Вступление	7
1978. Начало	10
1979-1982. Москва. Стилъ «Сэнэ»	13
1982-1983. Токио. Университет «Токай». Стилъ «Вадорю»	31
1983-1989. Москва. Каратэ «в подполье»	89
1990-1993. Москва. Стилъ «Сито-рю», рукопашный бой, стилъ «Дзёсинмон», Сосихан Икэда	103
1994-1997. Токио. Стилъ «Дзёсинмон»	143
1998-... Москва. «Конно-дзюку каратэ-до» (вместо послесловия)	186

Предисловие

Известный окинавский мастер каратэ Мияхира Кацую сказал как-то: "В прежние времена было принято посещать различных учителей каратэ и изучать особые, оригинальные технические приемы каждого... Теперь, к сожалению, к подобной практике относятся неодобрительно".

Благодаря профессии японоведа мне посчастливилось познакомиться с первоисточниками нескольких стилей и направлений каратэ. Если говорить о материальном результате, который можно пощупать и предъявить, то это сертификаты о получении черных поясов по трем стилям: "Вадо-рю", "Дзёсинмон" и "Конно-дзюку каратэ-до". Причем все они подписаны основателями этих стилей – Оцукой, Икэдой и Конно соответственно. Это и кубок за победу на 27-м Всеяпонском чемпионате "Дзёсинмон" в разделе "кодзин кумитэ" (личные поединки), и официальные разрешения на открытие в России филиалов клубов "Дзёсинмон" и "Конно-дзюку каратэ-до"...

Но это внешняя сторона, бесспорно, приятная, но не главная.

Что же главное? Главное – это возможность быть в уникальном пласте жизни людей, каким являются восточные единоборства, необычный для повседневности опыт, интересные встречи. Об этом я и попытался написать книгу. Замечу, что это не пособие по каратэ. Ско-

рее, это личные наблюдения за тем, что происходило вокруг меня последние 20 лет, сквозь призму каратэ.

Книгу я решил назвать "Осс!".

Осс! – это возглас, по которому безошибочно можно определить принадлежность человека к миру каратэ.

Это и философское понятие, содержание которого передают два иероглифа – "осу" в переводе с японского означает пересиливать что-либо, а "синобу" – выносить, терпеть. "Пересиливать и терпеть", быть сильнее обстоятельств, сгибаться, как бамбук, но не ломаться, оставаясь самим собой – вот в чем, на мой взгляд, состоит суть понятия "Осс!" и каратэ в целом.

Я благодарен всем Учителям, с которыми меня свела судьба на тернистом пути каратэ, за мудрость, открытость, тактичность, долготерпение.

Валерий Натаров

ВСТУПЛЕНИЕ

Многие друзья в порыве откровенности спрашивают меня: "Зачем тебе, московскому интеллигенту, заниматься этим грубым видом спорта? Теннис и горные лыжи куда больше соответствовали бы твоему имиджу".

Четкого ответа у меня нет – просто я уже не в состоянии отделить себя от каратэ, это важная составная часть моего мира.

Лучше всего в этой ситуации подходит ответ одного японского мастера, сказавшего: "Я – это каратэ, каратэ – это я". Это абсолютно понятное и исчерпывающее объяснение, но только в рамках восточной ментальности. Не желая выглядеть в глазах друзей гордецом и хвастуном, я никогда не цитирую слова этого японского мастера применительно к себе.

За последнее время я прочитал немало книжек о каратэ и других единоборствах, герои которых росли хилыми и болезненными, их обижали сверстники, и только благодаря каратэ (кунг-фу, дзюдо, боксу, самбо) они становились крепкими и отважными. Но я был крепеньким, подвижным и общительным мальчишкой и подобных историй, увы, поведать не могу.

Я рос в одном из арбатских дворов, где порой случались потасовки. Все они, как теперь выражаются в некоторых кругах, были "по понятиям": сначала шел ритуал словесных выяснений, весьма грубых и оскорбительных, потом тон резко менялся на подчеркнуто вежливый –

фактически это был сигнал к началу драки. Бить ногами запрещалось. После появления первой крови драка немедленно прекращалась. И что самое интересное, участники такой потасовки уже через час могли вместе азартно играть в футбол.

Мое первое практическое "знакомство" с приемом из арсенала каратэ произошло, когда мне было лет восемь. Мы повздорили с соседским мальчишкой Димкой, который был старше меня на три года, во время игры в хоккей, долго препирались, как положено. И вдруг он, вопреки всем дворовым правилам, сильно пнул меня ногой в живот. Было невыносимо больно, нечем стало дышать, из глаз покатились слезы. Кто бы мог подумать, что через десять лет я буду старательно разучивать такой же удар ногой, но уже под звучным японским названием "маэ-гэри" и больше не кричать на весь двор, размазывая слезы по щекам: "Ногами драться нечестно!"

Очень хорошо помню, как однажды мама – мне было тогда лет 10-11 – дала мне прочитать вырезку из газеты о каратистах. Статья была довольно большая, в ней говорилось о группе энтузиастов, занимающихся этим экзотическим видом спорта в одном из залов Москвы. Это сейчас такой информацией никого не удивишь, а в начале 70-х – задолго до бума каратэ в СССР – уже само упоминание о том, что где-то в Москве есть люди, владеющие таинственным каратэ, делали статью завораживающе интересной. В заметке расписывались сверхвозможности мастеров каратэ и особенно их невероятно быст-

рая реакция. Даже приводился пример из обычной жизни: каратист в задумчивости переходил дорогу, когда из-за угла вылетел автомобиль. Казалось бы, несчастный случай неизбежен! Но какой-то паренек, стоявший в трех метрах сзади на тротуаре, успел крикнуть каратисту: "Берегись!" – и тот моментально отпрыгнул назад, очутившись рядом со своим спасителем. Как явствовало из заметки, в благодарность каратист пригласил парня в спортзал и обучил секретным приемам. "Вот бы тебе чем заняться!" – сказала мама. Честно говоря, я тогда не отреагировал на мамину реплику. Кто знал, что довольно скоро я начну заниматься каратэ.

Как-то недавно мой друг и большой мастер каратэ Сигэру Исидзука (о нем я расскажу подробнее) сказал: "В каратэ приходят либо агрессивные люди, либо с комплексами – в надежде от них избавиться". Осмелюсь отнести себя к исключению из этой весьма условной классификации: я "зашел" в каратэ в общем-то случайно, из простого любопытства.

И вот уже более 20 лет из него не выхожу...

НАЧАЛО

1978 год. Развитой социализм, Брежнев, дефицит. Информация, поступающая из внешнего мира, тщательно фильтруется. Выезды за рубеж и общение с иностранцами внутри страны – для избранных. И вот в этой обстановке неожиданно вспыхивает и принимает лавинообразный характер интерес к японскому каратэ.

В Москве занимаются каратэ буквально все: на улицах молодые люди в ожидании городского транспорта сосредоточенно набивают кулаки о стены и заборы, в разговорах слышны слова "маваши" и "кумитэ", женские танцевальные группы перешли на исполнение номеров, сплошь состоящих из каратистских ударов и передвижений. В каждом спортзале и мало-мальски пригодном для занятий подвале шли тренировки – с утра и до позднего вечера – дети, взрослые...

Слово "сэнсэй" (учитель) также прочно вошло в лексикон московской публики, и, что удивительно, за очень короткий срок – в ответ на гигантский спрос – появилось большое количество учителей каратэ.

Реально обучавшихся в Японии или у японцев из-за "железного занавеса" между нашей страной и миром в то время было ничтожно мало, так что основная масса сэнсэев была в лучшем случае второй или третьей копией тех, кому посчастливилось получить знания каратэ из первоисточника. Кое-кто занимался каратэ в других странах, отсюда и появление в СССР таких парадоксаль-

ных названий, как "кубинское" или "венгерское" каратэ. Другими словами, при наличии широкого выбора было крайне сложно найти настоящего Учителя.

Для меня 1978 год был годом поступления в Институт стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ. Мне повезло: после успешной сдачи вступительных экзаменов приемная комиссия учла мои пожелания и зачислила в группу изучения японского языка. Могло быть и по-другому – многим из тех, кто также хотел изучать японский язык, было предложено учить китайский или вьетнамский. Отказ от этого предложения означал и отказ от обучения в ИСАА, поэтому, посетовав, несостоявшиеся японоведы брались осваивать другой восточный язык и, как правило, не жалели. Уже перед окончанием института выяснилось, что спрос на знатоков вьетнамского – гигантский, а на японистов – более чем умеренный.

Конечно же, студенты института с таким названием не могли остаться в стороне от повального увлечения каратэ. На нашем курсе в японскую группу, как ни удивительно, каратэ пришло чуть ли не в последнюю очередь – когда студенты из малайской, индонезийской и арабской групп уже похвалялись набитыми кулаками. Все объяснялось просто: объем домашних заданий на японском отделении таков, что первые полгода вообще ни до чего другого нет дела – только уроки, лингафон, иероглифы, контрольные, опять лингафон...

Для меня, убаюканного рассказами о веселой студенческой жизни (мол, живется весело – от сессии до

сессии), подобный поворот событий был несколько неожиданным, и первый семестр ушел на привыкание к новым жестким реалиям, связанным с необходимостью ежедневно заниматься – с утра до позднего вечера. Стоило дать слабину хотя бы на неделю, и ты отстающий. Уже к концу первого семестра двое из нашей группы сошли с дистанции и перевелись на другие гуманитарные факультеты университета.

Весной 1979 года мозоли на кулаках многих однокурсников стали сходить: каратэ оказался хотя и манящим, как и все экзотическое, но очень тяжелым видом единоборств, и первоначальный порыв, охвативший массы, стал угасать.

Мой сосед по парте в группе японского языка Сергей Ч. под большим секретом сообщил мне, что он уже месяц ходит на каратэ к одному очень известному в Москве сэнсэю. На перемене он отозвал меня в пустую аудиторию и показал несколько резких – как мне тогда показалось – движений руками. Подобные движения я неоднократно видел и в коридорах института, и на улице, но мне вдруг захотелось увидеть настоящего Учителя каратэ и самому попробовать, что же это за вид занятий.

1979-1982. МОСКВА.

Стиль "Сэнз"

6 апреля 1979 года я впервые переступил порог додзё – зала для занятий восточными единоборствами. Тогда я даже не мог себе представить, как далеко заведет меня простое любопытство.

Мы встретились с Сергеем у метро "Маяковская". Пройдя несколько десятков метров по улице Горького (ныне Тверская), мы свернули в подворотню. Во дворе находилось здание с небольшим спортзалом. Позже я узнал, что в среде московских каратистов он пользовался репутацией одного из лучших, не считая зала на Цветном бульваре. Тренировка начиналась поздно – в 9 вечера, было темно, и только у входа в зал можно было увидеть силуэты мужских фигур со спортивными сумками в руках. Всего у входа стояло около сорока мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Сергей сказал, что надо улучшить минутку, когда можно будет подойти к сэнсэю и замолвить за меня словечко.

Двор осветился фарами въехавших в него "Жигулей", разговоры среди ожидающих сразу стихли, были только слышны редкие и почтительные возгласы: "Сэнсэй! Сэнсэй приехал!" Из машины вышел подтянутый, хорошо сложенный мужчина лет 28, чуть выше среднего роста с длинными, почти до плеч, волосами. Одет модно – светлые джинсы и спортивная короткая куртка. Сэнсэй был сосредоточен и неулыбчив. Некоторым из почтительно

замерших учеников он пожал руки, громко и отчетливо поздоровался со всеми, жестом пригласил заходить в спортзал.

В тесном коридорчике перед раздевалкой Сергей ухитрился оказаться рядом с Сэнсэем и подтащить меня. Поклонившись, мой однокурсник спросил: "Сэнсэй! Можно мой друг тоже будет заниматься?" Сэнсэй мазнул меня взглядом и коротко бросил: "Нет!" И тут же упругим шагом отправился переодеваться наверх, на балкончик для зрителей.

"Да ерунда! – успокаивал меня Сергей. – Приноси спортивную одежду на следующую тренировку и вставай, а деньги старосте группы отдадим! Сэнсэй не выгонит, не бойся!" Я почему-то легко поверил, что так оно и будет. В тот раз я задержался лишь на несколько минут и увидел, как Сэнсэй в белоснежном кимоно с коричневым поясом зашел в зал первым и стал разминаться перед тренировкой. Вдруг он сделал резкий удар ногой в сторону. Нога легко взлетела на уровень головы, на мгновение замерла и также быстро вернулась обратно!

Я был сражен. До сих пор помню эти ощущения: мне показалось невероятным, что исполнение удара ногой по такой траектории и так высоко возможно. В тот момент я твердо решил, что обязательно буду заниматься и научусь этому удару. В 18 лет нужно не так много для принятия окончательных решений... Довольно скоро я узнал, что этот боковой удар ногой называется "сокуто-гэри" и входит в арсенал базовой техники каратэ.

В воскресенье я приехал в спортзал. В сумке у меня лежали обычные тренировочные брюки и желтая майка с коротким рукавом. Купить, или, как в то время было принято говорить, "достать", кимоно за три дня было нереально.

Сергей подвел меня к старосте группы – Саше, я сдал взнос – 10 рублей за месяц занятий. Тридцатилетний староста был сухощав, невысок, стрижен почти наголо, он весь излучал фанатичную преданность каратэ и Учителю. Саша спросил только: "А Сэнсэй знает?" Сергей поспешил уверить, что с Сэнсэем вопрос решен.

Когда группа построилась в одну линию, она заняла не только длинную, но и короткую часть периметра зала. На левом фланге вместе со мной стояло еще пять-шесть человек в тренировочных штанах и майках, босиком. Состоялась переключка – староста Саша громко называл фамилии и делал пометки в журнале. Сэнсэй стоял рядом и осматривал учеников. Когда его взгляд остановился на мне, я подумал, что сейчас меня прилюдно изгонят. Но нет! Сэнсэй что-то хмыкнул себе под нос и ничего не сказал!

На построение ушло минут пять. В конечном итоге мы заняли все пространство зала и выстроились в ряды, почти касаясь плечами соседей, слева и справа. До спины стоящего впереди было чуть больше метра. Я каким-то непонятным образом оказался в середине зала. Не буду описывать технические особенности того, что происходило в зале – непосвященным это непонятно, а по-

священным – обыденно и скучно. Скажу только, что уже после разминки я был мокрым от пота, а после разучивания базовых стоек колени дрожали. Конечно, я совершал все типичные для новичка ошибки: корпус заваливался, руки двигались не туда, кулаки сжимались не так, дыхание сбивалось. Во время упражнений в парах на растяжку вдруг выяснилось, что я небезнадежен: сказались три года занятий фехтованием в школе. Мои ноги, с виду тяжелые и крепкие, поднимались вверх с легкостью, тянуться для меня было делом даже приятным. Стоявший со мной в паре черноволосый парень в кимоно даже завистливо вздохнул: "Ух ты! Неплохо для новичка!"

В то время хорошая растяжка была чуть ли не основным компонентом в подготовке каратиста – считалось идеальным садиться в продольный и поперечный шпагаты.

Тренировка закончилась, и вместо ожидаемой усталости я вдруг почувствовал легкость. Необычные ощущения, которых не было ни после игры в футбол или хоккей, ни после занятий по фехтованию.

Через три занятия я понял, что ходить в майке на тренировки по каратэ неприлично и надо обзаводиться кимоно. Настоящих, "фирменных" кимоно не было тогда ни у кого, включая Сэнсэя.

Некоторые занимались в кимоно для дзюдо, но они были очень тяжелые и неудобные. Основная же масса имела самодельные или пошитые на заказ.

Я взял на день кимоно Сергея, и моя бабушка за сутки

пошла точно такое же, но из более легкого материала. Надо сказать, что Сергей раньше занимался дзюдо, дошел до черного пояса и вот так – в кимоно для дзюдо, связанном черным поясом, появился на своей первой тренировке по каратэ. Народ, по его рассказам, сначала онемел, решив, что перед ними предстал кто-то из легендарных обладателей черного пояса по каратэ, но потом к всеобщему разочарованию (или облегчению) выяснилось, что это не так.

В новом кимоно я почувствовал себя настоящим каратистом. Уже через месяц занятий я шел по улицам, с чувством превосходства посматривая на проходившие мимо компании: я был уверен, что в случае чего смогу постоять за себя. Слава Богу, никто не удосужился в то время проверить меня на прочность!

Дома мое новое увлечение было встречено с известной долей скептицизма: отец всячески подтрунивал, младший брат хмыкал – они, похоже, были уверены, что эта блажь скоро пройдет. Но особенно жесткой критике я подвергался со стороны мамы, и было за что: мои экзерсисы дома наносили вполне ощутимый материальный урон. В "черном списке" моих деяний при отработке ударов ногами только за первый год значились два разбитых выключателя (отработка ударов на точность – включить ногой свет) и сломанная дверца платяного шкафа (удар ногой сокуто-гэри в боковую стенку – и дверь почему-то отвалилась). Не вызывало у мамы восторга и то, что я повадился класть ногу на холодильник

при упражнениях на растяжку. Я не мог спокойно смотреть телевизор и через некоторое время начинал либо тянуться, либо качать пресс. Вероятно, я при этом громко пыхтел, потому что все члены семьи, тоже смотревшие телевизор, объединялись и возмущенно требовали либо прекратить, либо уйти к себе в комнату.

Как-то очень естественно тренировки по каратэ вписались в мою повседневную студенческую жизнь. В среду я занимался с 9 до 11 вечера, в воскресенье – с 5 до 7. Дома я фанатично тянулся, начитавшись книги Оямы¹, которую мне привез институтский приятель из Сингапура. Там был описан способ растяжки: надо разогреться в теплой ванне, а потом тянуться, затем – опять в ванну, и так несколько раз подряд. На кулаках я только отжимался, специально не набивая – не хотелось наращивать на руках уродливые шишки.

Как выяснилось, стиль каратэ, к которому я приобщился, назывался "Сэнэ", что переводили с корейского как "молодые побеги". О правильности названия и перевода тогда я не задумывался – это было неважно. Сэнсэй казался полубогом. Обладая достоинствами каратиста, он был очень общительным человеком и хорошим рассказчиком. Во время медитативных упражнений Сэнсэй бесшумно передвигался по залу, каждый раз рассказывая новую легенду о каком-нибудь непобедимом старичке – мастере каратэ и его высоких моральных принци-

¹ Масутацу Ояма — выдающийся мастер каратэ, создатель стиля «Кёкусинкай».

пах. Сейчас, двадцать с лишним лет спустя, Сэнсэй стал Президентом лиги каскадеров и известным актером.

А тогда, в 1979 году, Сэнсэй готовился к первому чемпионату Москвы. Мы же на тренировках много времени отводили на отработку ударов ногами по лапам. Именно в то время я начал постановку своего излюбленного удара "ура-маваси-гэри", который и через 15 лет позволял мне в Японии выигрывать у хороших бойцов. Среди нашей группы были странные ребята, подкладывающие в лапу железный лист, пытаюсь тем самым одновременно с постановкой удара набивать костяшки. Зрелище не для слабонервных!

Формальные комплексы упражнений – ката – тогда мне казались не очень интересными, и я их учил ровно столько, сколько было необходимо, чтобы не вываливаться из общего строя.

Скорость обучения ката была довольно большой. За год было дано 5 Хэйанов¹, соответственно, качество исполнения не могло быть высоким.

Заветной мечтой любого из нас тогда было получение красного пояса. Всего в "Сэнэ" четыре разновидности поясов: белый, красный, коричневый и черный. О последних двух никто и не помышлял, ввиду их очевидной недостижимости. Красный пояс получить было тоже непросто: нужно отзаниматься года два – два с полови-

¹ Хэйан (Пиньан) — дословно «Мир и Спокойствие» — название пяти начальных ката во многих стилях каратэ. В Японии на их разучивание отводится около трех лет.

ной, делать ката, уметь ломать доски и стоять уверенно в кумитэ.

О кумитэ нужно сказать особо. Сейчас я могу расценить кумитэ того времени как бои с минимумом правил. Представьте себе, что в первый спарринг я встал уже через полтора месяца занятий! Что я мог изобразить?! Понятно, что управлять машиной в 50 человек, едва помещавшейся в спортзале, было невозможно, поэтому Сэнсэй в обучении ограничивался лишь демонстрацией техники и ритмичным счетом. В кумитэ вообще уследить за тем, что происходило между 25 парами бьющихся мужчин, было невозможно.

Поэтому обучение кумитэ шло строго по-марксистски: практика – критерий истины. И чем больше практики кумитэ, тем выше навык. Так оно и происходило: на каждой тренировке последние полчаса – обязательно поединки. Причем подбор партнера по кумитэ проходил просто: нацепив самодельные протекторы на руки и голени, надо было быстро хлопнуть кого-нибудь по плечу и сказать: "Ну как? Ты готов?" Отказаться от кумитэ считалось дурным тоном: только серьезная травма или растяжение принимались как уважительная причина. Травм было довольно много: оно и понятно – удары наносились практически в полный контакт.

Не могу забыть случай, за который мне до сих пор немного стыдно. Как-то меня "пригласил" на поединок крепкий мужик лет 36-37. В спортзале разница в возрасте как-то не чувствовалась, и мне было все равно, на

сколько лет старше меня спарринг-партнер. Вел он бой довольно агрессивно, но еще более неумело, чем я. Во всяком случае, я один раз поймал его на встречном движении, нанеся сильный прямой удар рукой в корпус. Мужик как-то крякнул и показал, что прекращает бой. После этого он не появлялся в зале больше месяца.

Потом он пришел, но в сопровождении девушки, чуть моложе меня. Она тоже занималась каратэ, но у другого сэнсэя. Я подошел и спросил, что его так давно не было видно. Мужик с грустью посмотрел на меня. "Да понимаешь, ты мне тогда два ребра сломал. Вот дочь с собой позвал, чтобы меня защищала!" – пошутил он, но мне почему-то было не смешно, а под укоризненным взглядом его дочери и совсем стало неудобно.

Конечно, с точки зрения закалки духа и укрепления воли подобный вид практики кумитэ давал очень многое. Но минимум информации о технике боя, его стратегии и тактике, размытость критериев оценки выполняемых приемов сводили на нет усилия по освоению каратэ именно как искусства боя, а не как драки.

Среди занимавшихся в спортзале на Маяковке было много очень интересных людей, были и представители творческих профессий, в том числе человек пять музыкантов. Они играли в каком-то духовом оркестре, но почему-то позволяли себе даже отжимания на пальцах. Музыканты носили длинные волосы, но Сэнсэй их за это не осуждал, ибо сам предпочитал такой же стиль.

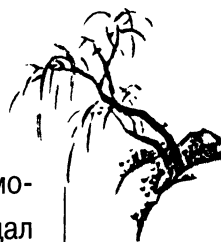
Но однажды тренировку посетил Тадеуш К., признан-

ный мастер рукопашного боя. (Периодически у нас в зале появлялись известные мастера того времени – Пак, Рукавишников, Смекалин и тоже проводили тренировки.) В тот день Тадеуш был явно не в духе. И почему-то был не в кимоно, а в тренировочном костюме и шерстяных носках, но никто, зная большой авторитет Тадеуша и помня многочисленные байки о его крутом нраве, не посмел даже хихикнуть. Хотя, откровенно говоря, выглядел он довольно нелепо в таком одеянии перед строем из 50 мужчин в кимоно.

При виде музыкантов у Тадеуша вдруг глаза налились кровью, и он прорычал на весь зал: "А это что за волосатики!!! Чтоб немедленно постриглись!" И выгнал их с тренировки.

На следующее занятие все музыканты, как ни в чем не бывало, явились, только у одного из них была как-то странно подрезана челка.

Сэнсэй готовился к 1-му чемпионату Москвы не напрасно: хотя в своей весовой категории он проиграл, в абсолютном первенстве стал победителем. В начале первой же нашей тренировки после этого события во время традиционного поклона Учителю староста Саша буквально взревел: "Первому абсолютному чемпиону Москвы – рэй!" Это был явный перебор. Кто-то хихикнул, и сам Сэнсэй рассмеялся и попросил впредь соблюдать обычный ритуал приветствия. Все жаждали подробностей о только что прошедшем чемпионате, на котором мало кому удалось побывать, но Сэнсэй был немногословен.

Он предложил вместо следующей тренировки посмотреть прямо в спортзале кинозапись турнира и обещал сделать комментарии. Сейчас, по прошествии многих лет, я уже не помню всех перипетий этого турнира. Мне трудно было судить тогда об уровне подготовки его участников: помню только свои ощущения, как это было здорово, когда несколько десятков человек жадно смотрят на экране из простыни черно-белый фильм о каратэ. У Сэнсэя была размашистая манера ведения кумитэ: он передвигался по татами широкими шагами, работал длинными связками, включающими подсечки, удары ногами в верхнюю секцию и руками в корпус. Его техника отличалась от той резкой, взрывной манеры поединка, с которой мне пришлось познакомиться позже в Японии. Но даже сейчас, двадцать лет спустя, я не считаю для себя возможным высказывать какие-то комментарии относительно тогдашнего уровня каратэ своего Сэнсэя. На тот момент и в тех реалиях он был лучшим и сумел доказать это на практике.

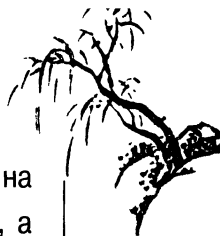
Впоследствии мы еще дважды собирались посмотреть фильмы о каратэ, но уже в кинотеатрах на окраине Москвы: один фильм был игровым, а второй – документальный – о Чемпионате мира по стилю Кёкусинкай, где впервые в группу сильнейших прорвался не японец – англичанин Коллинз. Уже много позже, в 1997 году, Коллинз был в Москве, и вместе с моими друзьями из Кёкусинкай мне довелось посидеть с ним за одним столом в ресторане и даже поговорить больше часа. А тогда все

персонажи из фильмов казались недоступными, абсолютными Мастерами.

Все просмотры фильмов о каратэ были окружены флером таинственности: о них сообщалось шепотом, собиралось дополнительно по 5 рублей. Помню, на один из просмотров в кинотеатре, где-то в районе Измайлово, в будни и днем, набился целый зал. Для кого-то организация этих просмотров стала источником приличных доходов. Правда, и риск был велик: договориться о таком мероприятии в то время в советском кинотеатре и не "засветиться" перед органами правопорядка было трудно.

Как-то весной 1980 года наша секция на короткое время превратилась в группу каратистов-актеров. Дело в том, что Сэнсэй уже тогда был связан с некоторыми проектами "Мосфильма". И однажды на тренировке он сообщил, что снимается советский боевик про десантников и наша секция будет изображать тренировку воинов, в том числе и с оружием.

Целый месяц в зал приходили какие-то киношные люди, внимательно наблюдали за процессом тренировки, удовлетворенно кивали. Потом появился актер, которому отводилась роль главного десантника. Он чем-то напомнил мне меня же самого на первой в жизни тренировке: майка, штаны, испуганный взгляд. В последнем ряду актеру отдельно ото всех показали пару ударов и простейшие упражнения из разминки. Как и все начинающие, он делал все коряво, да и, похоже, не особо ста-

рался. Зато как же эффектно смотрелся этот актер на экране, особенно когда на привале разминал стопу, а потом вдруг принял боевую стойку и даже вскрикнул. Драться дальше сценарием фильма, к счастью для него, не предусматривалось.

Во время подготовки к съемкам нас нарядили в черные десантные комбинезоны, каски, дали автоматы, и несколько тренировок подряд мы отрабатывали синхронные движения с оружием и без оружия.

Съемки фильма попали на июнь – экзаменационную сессию в институте, и нам с Сергеем от этой затеи пришлось отказаться. Фильм вышел, имел определенный успех. Недавно его показывали по телевидению: было забавно посмотреть и даже ощутить пусть косвенную, но сопричастность.

В отличие от современных секций и клубов каратэ аттестации в зале на Маяковке не проводились. За три года регулярных занятий желанный красный пояс получили человек пять: среди них староста Саша – за особый фанатизм. К его чести надо сказать, что упорными ежедневными занятиями он добился многого, его движения приобрели ту самую пластичность, которой отличается хорошее качественное исполнение техники каратэ.

Остальные же продолжали заниматься с белыми поясами, и никому в голову не приходило роптать по этому поводу и желать большего.

К началу 1982 года появились первые признаки упадка секции. Народу стало ходить меньше – около 30

В
А
Л
Е
Р
И
Й

Н
А
Т
А
Р
О
В

человек. Сэнсэй, занятый своими делами, появлялся все реже, перепоручая ведение тренировки старосте Саше. К весне начали возникать проблемы с арендой зала, плата за занятия поднялась. Отлаженный механизм занятий стал давать сбой. К этому добавились и проблемы, связанные с учебой в институте: во-первых, нас с 4-го курса перевели на занятия во вторую смену – в институте не хватало помещений, в первую смену учились только первые три курса. Это здорово выбило меня из колеи: и утром толком ничего нельзя было сделать, и вечером времени ни на что не оставалось. Во-вторых, началась процедура оформления студентов нашей группы на 10-месячную стажировку в японские университеты. Тот, кто сталкивался с процессом оформления поездки в капиталистическую страну в начале 80-х, отлично знает, насколько мучительным и бесконечно тягостным было прохождение всевозможных инстанций.

Я вообще сумел "отличиться". Сначала меня в числе еще троих студентов начали оформлять на стажировку в другой университет – "Сока". Это по тем временам было признаком большого расположения – в "Сока" студенты ездили без преподавателя, исполняющего функции надзирателя. В университет "Токай" направляли группу в 10-12 студентов, но во главе с "дядькой". Японский язык у меня тогда шел хорошо – я даже был освобожден от летнего экзамена за третий курс и получил свои "пять очков автоматом".

Началось с небольшой загвоздки на медкомиссии – по вине каратэ, а точнее, слишком тренированной сердечной мышцы. Врачам из поликлиники МГУ моя электрокардиограмма показалась не такой, пришлось ехать в спортдиспансер, где местный врач без лишних колебаний написал, что все нормально. Тогда этот "пустячок" занял неделю и поставил поездку на грань срыва, хотя я собирался не в космос, а в страну с более благоприятными условиями жизни, чем в СССР.

Оставалось пройти партком МГУ, еще пара формальностей в ЦК – и можно ехать. Но инструктор парткома МГУ усмотрел во мне чуждый элемент, недостойный высокой миссии представлять советское студенчество за рубежом (пишу эти строки, вспоминаю, и чувство омерзения накатывает до сих пор). Инструктор – маленький, плешивый человечек в коричневом костюме и галстук – встретил бы сейчас – узнал! – скороговоркой задал мне пяток вопросов по советской внутренней и внешней политике. Я на них отвечал заученными фразами, благо уже не одна инстанция была позади. Что-то во мне и моих ответах ему явно не нравилось. И тут он задал простенький вопрос: "А вы в сегодняшней газете «Правда» читали статью "Быть или не быть новому витку гонки вооружений?" Я не нашел ничего умнее, как сказать правду: "Вы знаете, сегодняшний номер еще не читал, а дома мы выписываем «Известия»!" Ну что стоило, не моргнув глазом, пересказать содержание нечитанной статьи, по одному заголовку которой любому студенту того времени

ее содержание было предельно понятно!! Инструктора мой искренний ответ почему-то обрадовал, и он сказал: "Ну все! Можете идти!" Я был в полной уверенности, что прошел партком МГУ...

А на следующий день в институте разразился скандал. Из парткома МГУ позвонили на кафедру, заклеямили их за то, что готовят в идеологическом вузе кадры, не отвечающие высоким партийным критериям востоковеда-международника, и т. д.

Дальше пошло-поехало: крики на кафедре, вызов на партком института, бесконечные разбирательства, ярлыки. И вывод: "В "Сока" точно не едешь. Иди, учись, дальше видно будет!"

Как назло, и зал на Маяковке закрылся. Секция, вернее то, что от нее осталось, перебралась в зал где-то на Преображенке, но туда я никак не попадал из-за вечерней смены в институте. Да и мое общее состояние было неважным: в институт ходил, как робот, преподаватели смотрели сочувственно. Я не чувствовал за собой вины, было обидно и очень хотелось в Японию – отучиться четыре года и не попасть в изучаемую страну казалось просто нелепым.

Три месяца подряд я не занимался каратэ, правда, регулярно бегал кроссы и тянулся. К бегу я пристрастился летом 1981 года, когда в спортивном лагере МГУ познакомился с группой энтузиастов с экономического факультета. Среди них был Сергей С. (везет мне в жизни на Сергеев!) – теперь доктор экономиче-

ских наук, один из известных российских экономистов-либералов. Он в то время тоже занимался каратэ и "качался". Мы довели бег до 10 км по утрам, много занимались каратэ. Так случилось, что Сергей по крайней мере дважды удержал меня от того, чтобы бросить занятия каратэ. Его энтузиазм был настолько заразителен, что сделать это я просто не смог, хотя уже твердо собирался вешать кимоно на гвоздь. В те дни мы три раза в неделю с Сергеем бегали по Ленинским горам по "десятке".

Небольшой "всплеск" занятий каратэ произошел летом, когда несколько факультетов МГУ, включая наш, экономический, журналистики и филологический, проходили военные сборы под Ковровом. Территория МГУ на Ленгорах стала вотчиной стиля каратэ "Сито-рю" во главе с Сато, поэтому на военных сборах оказалось много приверженцев этого стиля. По вечерам после всех обязательных экзерсисов – строевая, стрельба и прочая подготовка – собирались группки каратистов и проводили спарринги. Ребята из "Сито-рю" гордо говорили о своих синих и зеленых поясах, но было видно, что при всей академичности исполнения техники, суровой школы кумитэ, которую довелось мне пройти на Маяковке, у них не было. В поединках у них была заметна некоторая боязливость и скованность в движениях.

После прохождения военных сборов мне сообщили в институте, что меня все же решили послать в Японию,

но в университет "Токай", в составе группы – всего 11 человек.

Мне предстоял второй заход в партком МГУ. Сказать, что я нервничал – ничего не сказать. На этот раз вопросы задавала женщина средних лет. В память врезался первый вопрос: "Что послужило поводом для начала Первой мировой войны?". И от ответа на этот вопрос зависело, едет ли студент, четыре года занимавшийся японоведением и странами Востока, в Японию – или нет! На этот раз я на все вопросы ответил так, как от меня этого ждали.

Можно было собирать чемодан в Японию. Перед отъездом Сергей С. спросил: "Каратэ будешь ведь там заниматься?" Я ответил, нисколько не сомневаясь: "Обязательно!" "Завидую! – протянул Сергей. – Может, даже с коричневым поясом вернешься!"

Я вернулся с черным.

1982-1983. Токио. Университет "Токай". Стиль "Вадо-рю"

Октябрь 1982 года. Наша группа, наконец, выезжает на стажировку в Японию, и без преподавателя. Буквально за месяц до отъезда одобренный всеми инстанциями преподаватель серьезно заболел, а замену оформить не успели. Так что нас отправили одних, а надзирателя обещали прислать вдогонку – как можно быстрее. Честно сказать, никто из нас не испытывал особого страха от того, что нам будет какое-то время плохо на чужбине без старшего "товарища".

Путь в Японию оказался непростым. В Министерстве образования явно сэкономили на студентах и отправили нас не прямым авиарейсом Москва–Токио, а более изощренно, но дешево: самолетом до Хабаровска, далее – поездом до Находки и двое суток пароходом до порта Иокогама.

Плыть пароходом по уже штормящему октябрьскому морю двое суток, без опыта подобных круизов, оказалось весьма тяжелым испытанием. Во всяком случае на капитанский ужин смогла выйти лишь Жанна К., остальные слегли от "морской болезни". Уже позже, в Японии, Жанну, кореянку по национальности, местные жители часто принимали за свою. Однажды она даже выиграла танцевальный конкурс, проводившийся в одной из гостиниц на южном острове Кюсю, куда нашу группу возили

на экскурсию. Танец состоял из единственного движения – вращения бедрами под гавайскую музыку. При вручении ей приза – колечка с бриллиантом – случился конфуз. Когда Жанна громогласно представилась: "Я – Жанна, студентка из Советского Союза!", организаторы были в шоке. Зрители – в основном японцы – недовольно загудели: мало того что советская, да еще и нелюбимая японцами кореянка! Засуетился и наш преподаватель: "Как же ты кольцо через границу повезешь? И что подумают в посольстве? Может, вернуть?" В результате оконфузившиеся организаторы дали Жанне официальную справку, что бриллиант ненастоящий, чем окончательно успокоили нашего преподавателя...

...Наконец пароход вошел в порт Иокогама. Движение пароходов, танкеров и сейнеров было там настолько плотным, что казалось – еще немного и образуется пробка, точно такая же, как на автомобильных дорогах.

Когда нас привезли на автобусе к общежитию, уже было темно. Университет располагался в префектуре Канагава, в 50 км от Токио.

Нас расселили в комнаты по двое – девочки на втором этаже, мальчики – на третьем. Я почти сразу лег спать, последним ощущением перед тем, как я крепко заснул, был приятный аромат, исходящий из пакетика с сушеными травами, вложенного в наволочку подушки.

Нас разбудили в 9 утра, сказав, что через час нас ждут в учебном корпусе, расположенном через дорогу.

В октябре в Японии прекрасно: еще очень тепло, солнечно, безветренно. При свете дня удалось немного осмотреться. Трехэтажное здание общежития находилось за основной территорией студенческого городка (кампуса). Второй и третий этажи были жилыми, его обитателями, помимо нас, были японцы, китайцы, филиппинцы, корейцы, болгары и даже один новозеландец.

На первом этаже находились: кухня – одна на всех, две душевые с ваннами в японском стиле и конференц-зал с цветным телевизором. В жилых комнатах – минимум удобств: большие железные кровати, когда-то бывшие двухъярусными, а теперь верхний ярус снят, железные шкафы канцелярского типа, столы и стулья. Тогда общежитие было свежеекрашено в белый цвет и смотрелось неплохо. Спустя много лет, в августе 1999 года, я побывал в "Токае" – похоже, что общежитие со времен моей стажировки так больше и не красили: стены приобрели уже не серый, а черноватый оттенок, и здание как-то скукожилось, пострашнело.

Рядом со входом висела иероглифическая надпись: "Кокусай кайкан" – "Международное общежитие". Из-за того что сразу за общежитием располагалась свиноводческая ферма (через несколько лет ее снесли и сделали продуктовый рынок), ветер порой приносил в комнаты довольно неприятные запахи, за что общежитие в студенческой среде получило название "Курай кайкан" – "Вонючее общежитие". Зимой свиньям было холодно, и их громкое жалобное хрюканье по ночам мешало спать.

Перед входом в общежитие росло несколько пальм, а рядом была небольшая поляна, на которой мы потом много раз играли в футбол. Учебный корпус для иностранных студентов также находился за территорией основного кампуса, рядом с университетской столовой, своей формой напоминавшей здание цирка на Ленинских горах.

Сама территория кампуса была большой, ухоженной, очень зеленой, с мощенной булыжником пешеходной зоной, фонтаном и прудиком с рыбками.

Но больше всего меня поразило здание, которое находилось сразу за учебным корпусом для иностранцев.

Это был зал для занятий восточными боевыми искусствами. Попробуйте представить себе ощущения человека, который в течение четырех лет ездил через пол-Москвы на занятия каратэ и возвращался домой к полуночи и который вдруг оказался в Японии перед входом в настоящий додзё – всего в двух минутах ходьбы от общежития!

Это даже был не додзё (зал), а будокан – храм боевых искусств. Перед входом – деревянные ворота в традиционном японском стиле, за ними – брусчатая дорожка и каменная лестница, местами поросшая мхом. Рядом с воротами – большая раскидистая сакура, весной полюбоваться ее цветением приходили японцы со всей округи. Архитектура будокана сродни японским храмам – покатая крыша с загнутыми вверх краями, массивные деревянные столбы, веранда, раздвижные боковые стены.

На шестах вдоль стен зала с внешней стороны сушились спортивные кимоно – до-ги.

Внутри – два больших зала, площадью где-то 30 на 40 метров: тот, что справа от входа – для занятий дзюдо и айкидо, покрыт татами. Слева – для каратэ, кэндо, иай-до – пол деревянный, покрыт лаком и блестит так, что видно собственное отражение. На один уровень ниже располагались раздевалки, душевые и тренировочный зал со спортивными снарядами, маленьким пятакком для занятий вольной борьбой и боксерским рингом.

Я сразу понял, что в основном это вотчина дзюдоистов: при входе – портреты чемпиона мира Ямаситы и его учеников. Оказалось, что этот зал является базовым для тренировок национальной сборной Японии по дзюдо и для проведения сборов и стажировок для иностранных команд.

Великого чемпиона по дзюдо Ямаситу я увидел уже в первый день, когда он, здоровый и крепкий, весом хорошо за 100 килограммов, подкатывал к будокану на маленьком мопедике, которого и видно не было под этим богатырем.

Я решил, что через неделю-другую, освоившись, надо будет записаться в секцию каратэ.

Погружение в японскую действительность было стремительным. Занятия начались в первый же день после приезда, причем с девяти до пяти, с часовым перерывом на обед. Сразу же посыпались домашние задания: написать сочинение, выучить диалог, прочитать

и разобрать грамматические особенности куска оригинального текста, сделать письменный перевод, подготовиться к занятиям по синхронному переводу в лингафоне... При этом надо было как-то сориентироваться – хотя бы где и что покупать из еды. Это сейчас наши супермаркеты практически не отличаются по набору и качеству продуктов от японских или американских. Я до сих пор помню впечатления от первого посещения продуктового магазина – стандартного, даже заурядного по японским меркам, магазина самообслуживания. Я вошел, взял, как все, корзину, задумчиво сделал круг, чувствуя рябь в глазах от многочисленных разноцветных этикеток. Собравшись с духом, купил у выхода мороженое. С тем и вышел, пораженный увиденным.

Через три недели, уже заметно освоившись, втянувшись в занятия, перезнакомившись с обитателями общежития и уже небрежно закидывая необходимые продукты в корзинку в супермаркете, я решил, что пора заняться и каратэ.

Начал действовать по-простому. Зашел в учебную часть и спросил, как можно устроиться в вашем университете в спортивную секцию. Ответ был невнятным: какие-то общие фразы о том, что это непросто, что непонятно, кто будет нести ответственность... Какую ответственность, за что? Я так и не добился четкого разъяснения. От меня явно хотели отделаться и сказали, чтобы я зашел еще через пару недель.

Прямое обращение в секцию каратэ не дало результата. Смысл ответа был примерно таков: все вы, иностранцы, поначалу хотите в каратэ, потом бросаете занятия, а кто за это будет нести ответственность? Опять эта ответственность! Ничего не понятно!

Но все-таки получить разъяснения можно было только у самих японцев, поэтому я решил обратиться к одному из студентов, жившему в том же общежитии. Это был довольно упитанный, улыбчивый японец по имени Хироси. Он изучал русский язык, а в комнате на полке держал труды Маркса и Ленина, на которые обращал внимание всех своих гостей, при этом почему-то смущенно хихикая.

В первые дни нашей стажировки Хироси активно искал пути к более тесному знакомству с советскими студентами, и во время одной из вечеринок даже подбил наших ребят на соревнование – кто больше выпьет алкоголя. Хироси продержался минут сорок. Сильно покачиваясь, он удалился к себе в комнату, сопровождаемый укоризненными словами: "Хироси! Ты куда? Стакан давай!"

На следующий день Хироси никто не видел, а в дальнейшем на вечеринках при словах: "Хироси! Стакан давай!", он сразу исчезал. Потом еще долго его пугали этой русской фразой, которую он, похоже, запомнил намертво.

Я ввалился к Хироси с пятью бутылками пива, кучей каких-то чипсов и сказал: "Слушай, Хироси! Надо пого-

ворить!" Увидев пиво, японец явно обрадовался и изобразил готовность меня выслушать.

Без прикрас я рассказал о своих безуспешных попытках попасть в секцию каратэ и попросил Хироси помочь. Японец к концу моего не очень продолжительного рассказа уже допивал третью бутылку.

Он задумался на некоторое время, а потом сказал: "Варери-сан! ("л" японцы, даже русисты, не выговаривают). Я готов за тебя поручиться! Но и ты пообещай мне, что не бросишь занятий через месяц-другой!" "Обещаю, – сказал я с недоумением. – А почему так все сложно?!" "У нас в Японии так принято: без поручителя-японца с незнакомым иностранцем не будут иметь дела. Теперь понимаешь, что я за тебя буду отвечать?" "Понимаю, понимаю!" – поспешил заверить я, пододвигая Хироси четвертую бутылку.

"Ладно! – сказал японец покровительственно. – Завтра я все узнаю и тебе расскажу".

Хироси свое слово сдержал. Уже в обеденный перерыв между занятиями он подошел ко мне и сказал, что в 5 часов вечера нас с ним будет ждать Сэнсэй.

Оказалось, что Сайто-сэнсэй в основное время работает главным менеджером магазина для студентов, в котором продавались всякие мелочи – от канцелярских товаров и книг до маек с символикой университета "Токай".

Сэнсэй принял нас в своем офисе. Среднего роста, сухощавый, лет сорока пяти, с застывшей полуулыбкой

на красноватом лице и заметно припухшими веками, Сэнсэй, если честно, производил впечатление скорее заведомо питейных заведений, чем мастера каратэ.

Сайто-сэнсэй задал несколько коротких вопросов, сделал мне дежурный комплимент относительно знания японского языка. Он долго, правда, не мог понять, что это за стиль "Сэнэ" и классификация "красный пояс", который я себе приписал для пущей убедительности. Хироси тоже сказал что-то хорошее в мой адрес.

Немного подумав, Сэнсэй сказал:

– У нас сегодня тренировка, собственно она уже началась. Поехали! Я подвезу на машине. До-ги с собой?

– Нет, – ответил я растерянно, совершенно не ожидая столь стремительного развития событий.

– Ах, вот как? – похоже, Сэнсэй тоже был озадачен. – Хорошо. Поедем, посмотришь, а со следующего раза надо уже иметь до-ги! Тренировки, кстати, каждый день, кроме воскресенья, с 17-30 до 19-30. – При этих словах Сэнсэй испытующе посмотрел на меня. Я молча кивнул.

От студенческого магазина до будокана было езды на машине не больше минуты. Тренировка была в самом разгаре. Двенадцать молодых японцев – половина из них с черными поясами – отрабатывала базовые удары. Меня сразу удивило то, что они стояли не в ряды, а в круг, и каждый видит всех. Один из "черных поясов" – небольшой и круглолицый – зычно выкрикивал команды.

Дождавшись паузы в тренировке, Сэнсэй приблизился, получил свою порцию положенных приветствий от

учеников, после чего стал их распекать за то, что удары выполняются недостаточно быстро. Все виновато кланялись и говорили "хай!".

Вдруг безо всякого перехода он показал в мою сторону и сказал: "А это студент-стажер из СССР. Его зовут... а, ну, это... ага!.. Маарэрий! Он будет с нами заниматься! Скоро сдаст экзамен на черный пояс!" – добавил он слегка язвительно.

Я произнес положенное в таких случаях "Прошу любить и жаловать!", получил в ответ сдержанные кивки, после чего как бы перестал существовать и для Сэнсэя, который поспешил уехать назад, в магазин, и для студентов-каратистов, продолживших тренировку. Вообще Сэнсэй потом появлялся в зале не чаще раза в месяц с инспекторской проверкой, остальное время тренировку вели старшие ученики.

Посмотрев немного, я тоже потихоньку ушел из зала.

Искаженный вариант моего имени – Маарэрий, несмотря на мои усилия объяснить, что мое имя произносится иначе, так и прилип ко мне на все десять месяцев занятий каратэ в университете "Токай". В сертификате о присуждении мне квалификации по стилю "Вадорю" фамилия написана правильно, а имя – именно так – Маарэрий... Только много времени спустя я понял, что мне лучше представляться японцам по фамилии – она абсолютно точно ложится на их фонетику, легко запоминается и практически не претерпевает искажений. А имя, как

только не видоизменялось – Маарэрий, Барэри, Барирэй, Марирэй...

На следующий день в обеденный перерыв я пошел покупать спортивное кимоно – до-ги. Крошечный магазинчик для занятий боевыми искусствами находился в одном здании с кегельбаном, который украшала гигантская кегля. Буквально боком войдя в магазинчик, я почему-то вдруг разволновался и вместо до-ги попросил показать мне до-гу, то есть оружие каратэ – нунчаки, сай, тонфа и другое. Пожилой продавец терпеливо ждал, пока я разберусь, что же мне все-таки надо. Потом спросил:

– А вы кто и откуда?

– Я студент, из СССР.

Продавец вдруг обрадовался: "О! Я был в плену в Сибири!! Меня там кормили! Я остался жив!" И стал выпаливать слова: "картоська, барана, давай-давай, копай-копай!!" После чего полез в какую-то коробку и достал до-ги: "Думаю, это Вам подойдет!"

Спортивное кимоно было из плотного хлопка, с бледно-голубым оттенком (после недели тренировок этот оттенок пропал). На левой стороне куртки темно-синими нитками были вышиты в скорописном варианте три больших иероглифа – То (Восток), Кай (море), Дай (большой) – Токай Дайгаку – Университет "Токай".

"О! И надпись есть!" – произнес я. Продавец, видимо, решил, что меня это смущает. И стал объяснять, что это был такой заказ, но от него отказались, и он готов мне

отдать это спортивное кимоно со скидкой и бесплатно приложить белый пояс. Покупка состоялась к обоюдному удовольствию.

Вечером, сразу после занятий в университете, я отправился на первую тренировку.

К моему приходу явно готовились. Встретивший меня у входа в додзё студент-первокурсник, маленького роста, коротко стриженный, в кимоно с белым поясом, показал мне раздевалку и сказал, что ценные вещи я могу сдать ему на хранение, на время тренировки. Немного подумав, я положил ему в сумку свои незатейливые электронные часы. Эта сумка потом всегда стояла на лавочке в спортзале, рядом с аптечкой, и дежурный, а таковым и был встречавший меня первокурсник, отвечал за сохранность сданных вещей.

По пути в спортзал дежурный, который представился как Набэсима, коротко мне рассказал о правилах поведения, установленных в клубе каратэ. Во-первых, желательно приходить в зал раньше Сэнсэя или Сэмпыя (старшего ученика). Во-вторых, ожидать их прихода надо построившись в колонны, лицом к входу. В-третьих, вопросы можно задавать только по окончании тренировки. Я молча кивал, решив, что ничего хитрого в этих правилах нет – для начала надо больше слушать и меньше проявлять инициативы.

Похоже, что и мое место при построении в начале тренировки было предметом предварительного обсуждения и уже определено. Когда мы с Набэсимой, покло-

нившись, вошли в зал, маленький японец юркнул в дальнюю от центра зала колонну из пяти человек с белыми поясами, мне же жестами было показано, что надо занять место в одном ряду с обладателями коричневых поясов. Слева от меня располагался только один ряд – все с черными поясами. Позднее мне объяснили, что критерий для ранжирования один – курс, на котором учится студент, а не уровень мастерства. По моему возрасту меня должны были поставить в левый ряд – с черными поясами, но в апреле они заканчивали учебу в университете, а мне предстояло учиться почти год. Так я и попал в один ряд с третьекурсниками¹. Все молча и терпеливо ждали прихода Старшего ученика. Но он появился не один, а вместе с самим Сайто-Сэнсэем. Видимо, одолело его любопытство – как иностранец у них будет заниматься.

Первая тренировка оказалась тяжелой. Многократное повторение простых базовых движений под счет – например, сто прямых ударов руками (цуки) считалось легким разминочным упражнением – было непривычным и утомляющим. В "Сэнэ" удары в таких количествах никогда не практиковались, там упор больше делался на разнообразие технических приемов.

Построение в круг также не давало возможности хоть как-то перевести дух – постоянно на виду у всех, "черные пояса" внимательно смотрят за каждым движением

¹ В японских университетах учебный год начинается в апреле, стандартный период обучения – четыре года.

и тут же делают замечания. Сэмпай и вовсе периодически выходит из круга и начинает править ошибки, не особенно церемонясь с первокурсниками – вплоть до грубого крика и подзатыльников.

Общий принцип тренировок был "делать через не могу" – считалось, что только так можно поставить правильную технику и закалить дух. Любое упражнение делалось максимально возможное количество раз – а потом еще десять-пятнадцать.

Поначалу все было непривычно. После выполнения, скажем, упражнения на отработку ударов ногами – по пятьдесят раз – следовало: "Все плохо! Медленно! Все сначала!" Вот тут-то и начинались непроизвольные крики "киай", без которых выполнить упражнение до конца было бы просто невозможно. Вообще, замечание "Медленно!" (по-японски "Осой!") было одним из самых ходовых во время тренировок и врезалось в память именно в таких резких, срывающихся на визг интонациях.

В конце первой тренировки Сэнсэй подошел ко мне, слегка хлопнул по плечу и сказал вполне серьезно: "Будешь терпеть и стараться – сможешь стать черным поясом!" За время тренировки Сэнсэй сделал всего лишь несколько движений – резких, концентрированных, взрывных. Но даже непосвященному становилось ясно, что этот человек с лицом добродушного любителя выпить – гораздо опаснее тех крепких, коротко стриженных неулыбчивых ребят с набитыми кулачищами, которых мне доводилось видеть в Москве.

После тренировки я дотащился до общежития, залез в душ, потом погрузился в ванну – фуру. И о чудо! – через пять минут я чувствовал себя бодрым и свежим! Оставалось только соорудить себе ужин и сесть за уроки.

Готовить ужин приходилось в тесной кухоньке, одной на пятьдесят обитателей. Меня спасало только то, что я приходил с занятий каратэ уже после того, как китайцы и филиппинцы насытились. Правда, после китайцев всегда в мойке оставались многочисленные очистки и овощные обрезки, что вызывало у меня глухое раздражение. Хуже этого мог быть только одуряющий запах, который пронизывал все общежитие и долго не выветривался, когда китайцы готовили свой знаменитый деликатес – жареную селедку.

Я стал ходить на тренировки каждый день. По воскресеньям я отсыпался, делал уроки на понедельник, играл с однокурсниками в футбол. Будний день я начинал с утренней пробежки – около трех километров по тенистым аллеям университета. После этого следовало отбывание всеобщей повинности для советских студентов – просмотр новостей в 8-30 утра и политинформация, когда каждый по очереди должен был делать обзор японских газет. Приехавший с запозданием в месяц руководитель группы строго следил за тем, чтобы все собирались вовремя, иногда ему приходилось звонить по интерфону прямо в комнату кому-нибудь из заспавшихся студентов, и тот появлялся через минуту

в конференц-зале, с мятым лицом, всклокоченный и зевающий.

В 9-30 начинались занятия, с часа до двух – перерыв на обед. Мы часто с Сергеем Ч. ходили в студенческую столовую, расположенную в том же здании, где и магазин, в котором работал Сэнсэй. Как-то раз мы шли к этой столовой, оживленно что-то обсуждая. Вдруг, как черт из коробочки, откуда-то выскочил Набэсима, замер передо мной, отвесил поклон, громко прокричал приветствие и снова исчез куда-то. Сергей корчился от смеха, и чем больше я пытался ему объяснить установки и предписания для первокурсников, обязывающих их приветствовать старших по клубу каратэ даже на улице, тем веселее ему становилось. К концу обеденного перерыва вся наша группа только и говорила о том, что Натарову японцы уже начали бить поклоны прямо на улице.

Пример Набэсимы, которого постоянно донимали замечаниями, подзатыльниками, вечно отстающего во время кроссов, но упорно не бросающего каратэ, был для меня веским аргументом: как бы тяжело ни было мне на тренировках, есть люди, кому еще труднее. Сама фамилия этого маленького японца вызывала у меня смешанные чувства: с одной стороны, это громкая самурайская фамилия, окутанная множеством легенд, что-то вроде нашего Добрыни Никитича, а с другой – "набэ" по-японски означает "кастрюля". И когда со всех сторон раздавалось: "Эй, Набэ, протри-ка пол! Эй, Набэ, надо

стараться!" – я мысленно переводил его имя на русский, получалось очень забавно.

За редким исключением тренировки начинались с пробежек по территории университета. Мы переодевались в до-ги, строились в колонну по двое у входа в будо-кан и босиком, средним темпом бежали, издавая при этом разнообразные крики, смысл которых мне так и не удалось постичь. Бегущий впереди, как правило сэмпай, первым громко выкрикивал что-то вроде: "Сёсёррраа!", и все вместе в ответ: "Гёкудзоо!" или просто "Ээй!". По всей территории университета после занятий передвигались такие же группы бегущих дзюдоистов, футболистов, кэндоистов, легкоатлетов. Около получаса над кампусом висел непрерывный гул. Пробежки бывали укороченными и более длинными – с многочисленными ускорениями в горку и подъемом на девятый этаж одного из учебных корпусов университета, у которого вместо обычной лестницы вверх шел спиралевидный пандус. С площадки на крыше этого корпуса в ясную погоду открывался прекрасный вид на гору Фудзи, но подъем на нее сопровождался разнообразными упражнениями – прыжками на одной ноге, на двух, гусиным шагом, ускорениями – наверху было уже не до красот. Мысли были заняты только тем, как бы до конца отстоять последующую тренировку в зале.

Примерно раз в три месяца в спортзале появлялся седовласый японец лет пятидесяти, довольно крепкого телосложения, с живыми карими глазами. Его

встречали с невероятной помпой: построение происходило не в зале, а у входа в будокан, сэмпай буквально на полусогнутых ногах бежал навстречу, почтительно брал из его рук сумку, провожал в раздевалку. Это был Оцука, сын основателя стиля "Вадо-рю". Позднее, после смерти отца, он стал во главе этого стиля каратэ, и его стали называть Оцука Второй. Тогда к нему было принято обращаться Оцука-Сихан. Как мне объяснили японцы-каратисты, Сихан, в отличие от Сэнсэя, курирует несколько клубов и входит в руководство стиля.

Тренировки Оцука-Сихана я очень любил: они не были физически тяжелыми, большой упор делался на разъяснения и разучивание новой техники.

У Оцука-Сихана была очень понятная, простая, но вместе с тем образная речь. Он любил, чтобы к его тренировке были подготовлены школьная доска и мел. В середине тренировки обязательно следовало лирическое, а если точнее – "физическое" отступление с черчением на доске человеческих фигурок, расклада сил при выполнении тех или иных ударов, смещения центра тяжести. Однажды Оцука, желая продемонстрировать пример важности скорости нанесения удара, попытался написать даже формулу импульса силы: mv деленное пополам. Пристально посмотрел на написанное, явно понимая, что чего-то в формуле не хватает. "Что-то не то! – сказал он без тени смущения. – Кто поможет?" Японцы потупили глаза, а я вылез вперед, доказывая,

что советское образование – лучшее в мире, и написал над значком скорости маленькую двойку – скорость в квадрате.

"О! Точно! Молодец!" – обрадовался Оцука и продолжил объяснения. Этот эпизод поразил японцев-каратистов – больше всего не тем, что я знаю простейшие физические формулы, а тем, что вылез и поправил самого Оцуку.

"Но он ведь сам просил! Сихан – мне друг, но истина дороже!" – отшучивался я, когда японцы во время очередных посиделок непременно вспоминали этот случай.

Именно благодаря Оцуке у меня пробудился интерес к ката – комплексам формальных упражнений. Его показ скрытой техники каратэ, зашифрованной в те или иных движениях, был убедительным. Становилось понятным, что это не просто балет или танцы, а серьезное боевое искусство с возможностями практического применения. "Ката – это ДНК каратэ, – говорил Оцука-Сихан. – Раньше не было кино и видео, а техника каратэ сохранялась и передавалась от поколения к поколению – благодаря ката".

Оцука всегда присутствовал и на экзаменах на ученические разряды – кю, которые проходили непосредственно в нашем зале. Основное внимание уделялось качеству выполнения техники, поэтому по количеству техник было не так много. Когда я рассказывал потом об этом в Москве нашим каратистам – не верили!

На первом экзамене, который прошел в конце ноября как-то буднично, как часть обычной ежедневной тренировки, мне присвоили 5 кю-дзё. Как выяснилось, внутри каждого ученического разряда – кю предусмотрено дробное деление: "гэ" – низший, "тю" – средний и "дзё" – высший. "Ты почти четвертый кю! – сказал мне Сэмпай по окончании тренировки. – Старайся! До черного пояса – всего четыре шага!"

– И какой я теперь пояс? – спросил я.

– Белый по-прежнему, но официально аттестованный! – засмеялся Сэмпай, присаживаясь на лавочку в раздевалке и закуривая. Практически все японцы-каратисты курили и с удовольствием затягивались сразу по окончании тренировки, прямо в раздевалке, еще не переодевшись и с блестящими от пота лицами. Мало того что я был единственный иностранец в этом клубе, я еще и не курил. – У нас в "Вадо-рю" есть только белые пояса начиная от 9 кю и до 3, с 3 по 1 включительно – коричневый, ну а потом – черный! Ты сейчас поднимаешься вверх по ступенькам кю, и у тебя уже позади ступени с 9 по 5, впереди – с 4 по 1.

– А в черном поясе – тоже ступени?

– Да! – снова рассмеялся Сэмпай, в душе, видимо, потешаясь над моей неосведомленностью. Сначала идет первый, но уже не кю, а дан – мастерская степень, потом второй...

– А, понятно! Спасибо!

– Старайся! – вновь повторил Сэмпай. – Кстати, у нас в середине января будет Кангэйко. Ты будешь участвовать?

– А что это – Кангэйко?

– Ну это зимой будем кроссы бегать, закаляться.

– Обязательно! – ответил я, про себя думая: "Эка не-видаль – зимой кроссы бегать! Мы с Сергеем в минус 20 "десятку" пробежали – и ничего!"

Наступил январь. Бурно встречен новый 1983 год. Позади неприятные и досадные моменты, когда местная полиция в ноябре – в день смерти Брежнева – пыталась останавливать советских студентов прямо у общежития, якобы для проверки документов. Задавались бесцеремонные вопросы: что мы думаем по поводу событий в СССР. Уже снится Москва, а письма, приходящие от родных и друзей раз в неделю, становятся все более долгожданным и радостным событием.

Тренировки в спортзале шли своим чередом. Отношение ко мне со стороны японцев было ровным. Со мной здоровались, обменивались дежурными фразами – и не более того. Не было враждебности, но и дружеских проявлений – тоже. Дистанция, несмотря на уже три месяца ежедневных совместных занятий каратэ, между японцами и иностранцем не сокращалась.

Первые заметные проблески дружелюбия появились в ходе упомянутого Сэмпая Кангэйко. Я после того разговора не поленился залезть в словарь и узнать, что "кангэйко" переводится как "тренировка холодом" или как вариант – "тренировка на холоде".

В середине января, в субботу, в конце одной из тренировок Сэмпай объявил: "Со следующего понедельни-

ка по пятницу – Кангэйко! Сбор в 6 утра". И все японцы-каратисты при этих словах поежились, как будто им уже холодно.

Зима в Японии по нашим российским меркам весьма комфортное время года. Температура в окрестностях Токио обычно редко опускается ниже 5 градусов, днем сухо и солнечно. Но удивительное дело – стоит солнцу уйти, как становится очень неприятно: дует порывистый ветер, холод буквально пробирает до костей.

В 6 утра эти ощущения усиливаются недосыпом и памятью тела о теплой постели, из которой ты себя выдернул невероятным усилием воли. Это состояние длилось целых шесть дней подряд. Наконец-то последний выход на Кангэйко.

В 5-45 зазвонил будильник. Мой сосед по комнате Сергей недовольно засопел и заворочался. Я оделся в потьмах, нащупал приготовленную с вечера сумку с до-ги и выбрел в коридор. Около туалета, единственного на этаже, наталкиваюсь на фигуру в пижаме: наш руководитель группы. "Ты куда?" – ошарашено спросил он.

"Не спится что-то! Пойду потренируюсь", – ответил я, с трудом подавив зевок. "Ну ты фанатик просто!" – услышал я в спину.

На улице зябко. Темно. Добрел до спортзала. Переоделся в до-ги. Сегодня я пришел первым. А вот и японцы – все они входят в спортзал, поеживаясь, вжав голову в плечи и растопырив руки так, что становятся похожими

на пингвинов. И все уже шестой день подряд произносят только одно слово: "Самуй!" – "Холодно!". Сегодня почему-то нет двух первокурсников – Набэсимы и парня по прозвищу Арикуй – Муравьед. Он и правда в профиль чем-то напоминал это животное.

Началась разминка, очень неспешная, плавная. Удары обозначались вполсилы, их количество небольшое. "А теперь – футбол!" – вдруг скомандовал Сэмпай. Мы начали катать большой набивной мяч, разделившись шесть на шесть. При отборе мяча разрешалось обозначать удары ногами, но бить не в полную силу и концентрировано, а дурачась, неопасно, для веселья. Минут через пятнадцать такой возни сонливость окончательно прошла, и даже проступил пот.

"Все! А теперь – на улицу! Побежали!" – закричал Сэмпай. Мы построились по двое и босиком побежали по проезжей части в сторону соседнего городка Хадано, расположенного в четырех километрах от университета. В отличие от дневных пробежек, передвигались молча. Дорога извилистая, с заметными перепадами высот – вверх-вниз. Пятки ощущают холод, но это скорее добавляет куража, чем беспокоит. Замечаю, что по гладкой разделительной полосе бежать куда комфортнее, чем просто по асфальту. Постепенно становится светлее, уже видны очертания горы Фудзи с большой белой шапкой снега на вершине. А вот и солнце! Никогда не думал, что буду когда-либо встречать восход солнца на бегу, да еще в Японии!

Добежали до города Хадано, развернулись. "А теперь – наперегонки!" – неожиданно закричал Сэмпай, и я тут же вырвался вперед.

Первым добежал до ворот будокана, поднялся по каменным ступенькам и невольно сбавил скорость. Набэ и Арикуй вырыли сбоку от будокана на полянке небольшую ямку и развели в ней костер, который уже успел хорошо прогореть и дать угли. В углях уже лежало что-то, завернутое в фольгу. Вокруг ямы с костром первокурсники соорудили настил из досок. Стало понятно, что от сегодняшней тренировки их освободили не просто так, и им пришлось попотеть не меньше других. Набэ замахал мне рукой, подзывая к костру. Я встал на доски, протягивая то одну, то другую пятку в сторону огня. "А что там, в фольге?" – спросил я. "Это батат, очень сладкий!" – радостно сообщил Арикуй.

Остальные каратисты подтянулись к костру в течение пяти минут.

Все живо обсуждали, как быстро бегают иностранцы: "Наверное, потому, что у них ноги длиннее". Один японец даже припомнил, что я, пробегая мимо него, якобы крикнул "догоняй!". Я не стал с ним спорить.

Мы стояли вокруг костра, грели пятки, ели батат. И тут я почувствовал, что меня потихоньку начинают принимать в свой круг: со мной стали шутить, что-то мне рассказывать, спрашивать. Это еще трудно было назвать дружбой, но общение становилось явно неформальным,

и дистанция, установленная японцами в отношениях со мной, постепенно начала сокращаться.

И как бы в подтверждение моих мыслей один из трехкурсников – здоровый парень по фамилии Ода крикнул: "Маарэрий! Мы все идем в фуру¹ ! Пошли!"

Рядом с раздевалкой находились помещения со стиральными машинами, душами и фуру. Была и сауна, но она запиралась, и ей пользовались только дзюдоисты. Фуру при спортзале отличалось от того, что имелось в общежитии – выложенного кафелем, с современной системой поддержания температуры воды. Фуру при спортзале являло собой большую железную квадратную емкость, высотой около метра и размерами два на два метра. Горячая вода заливалась при помощи обычного шланга.

В это фуру мы, предварительно помывшись в душе, набились сразу, чуть ли не всем каратистским клубом. Из железной бочки над поверхностью воды торчали десятки черноволосых голов и одна русая.

На просмотр утренних новостей я появился, пыша жаром и здоровьем, и мое розовое и свежее лицо разительно отличалось от неспавшихся и слегка помятых лиц других советских студентов.

Тренировки вошли в свое обычное русло. Приходить в спортзал стало гораздо приятнее: после Кангэйко на мое появление стали приветливо реагировать все – не

¹ Ванна в японском стиле – глубокая, с горячей водой. В нее погружаются, предварительно помывшись.

только Набэ, но и "черные пояса". С третьекурсниками – безобидным здоровяком Одой, шустрым Ёсукэ и тщедушным Такэдой – отношения вообще стали приятельскими. Мы постоянно обменивались шутками, японцы стали чаще спрашивать меня о жизни за "железным занавесом". Реакция на словосочетание "Советский Союз" была у всех примерно одинаковая: "Мрачная страна, ядерные ракеты, угрюмые люди". Видимо, желая сделать мне комплимент, мои "однокурсники" подчас говорили: "Может, ты не советский? И не мрачный вовсе – даже наоборот, веселый и улыбчивый!" Оставалось еще шире улыбаться и говорить: "Да у нас все такие!" и тут же видеть ответные улыбки, полные скепсиса. Честно говоря, мне быстро надоело убеждать японцев в чем-либо: в конце концов, я такой, какой есть, учу японский, занимаюсь каратэ, думайте что хотите. Мне кажется, что японцам в клубе каратэ где-то импонировала моя сдержанная манера поведения: я был корректен со всеми, но в друзья ни к кому не набивался, без острой необходимости вопросов не задавал. Что касалось тренировок и техники каратэ, то японцы без усилий с моей стороны рассказывали и показывали все, что меня интересовало. Движения ката буквально вытачивались: меня останавливали после каждого движения, правили технику до мельчайших нюансов – скорость поворота головы, направление взгляда, чуть ли не положение мизинцев рук и ног. И так каждый день – начиная от простейшей базовой техники до техники кумитэ – постоянный контроль и кор-

ректоровки со стороны "черных поясов", всегда находившихся рядом – слева, справа и передо мной.

Однажды на тренировке появился японец лет тридцати пяти – довольно крепкий, в хорошо выглаженном до-ги с потертым черным поясом. Он был небрит: неопрятная недельная щетина резко контрастировала с его аккуратной одеждой. Взгляд у японца был колючий, холодный. На куртке его до-ги я прочитал фамилию Маэда.

Маэде отбили положенные поклоны. Он медленно встал – осмотрел всех, что-то спросил у Сэмпая, бросив взгляд в мою сторону удовлетворенно хмыкнул. Потом выяснилось, что Маэда поинтересовался, понимаю ли я по-японски.

После этого он провел тренировку – самую тяжелую тренировку, которую мне пришлось испытать на себе в этом додзё. Маэда был на взводе, он кричал, что все мы делаем плохо, медленно, заставлял все начинать сначала, подсказывал к каждому и сверлил злобным взглядом – в общем, нагнал страху. Сам он за это время не выполнил ни одного движения. Я уже начал скептически думать: орать-то все мастера, а что сам-то умеешь? Как бы прочитав мои мысли, Маэда вытащил на середину зала здоровяка Оду и показал на нем пару комбинаций для свободного поединка – кумитэ. Мой скепсис в момент улетучился. Оказалось, что Маэда в то время носил титул чемпиона мира и неоднократного победителя всеяпонских чемпионатов по стилю "Вадо-рю". У него был свой спортзал – в десяти минутах езды на поезде от университета.

Ода и Ёсукэ, которым довелось там побывать, рассказывали, что у Маэды не тренировки, а сущий ад.

По окончании тренировки ко мне подошел Ёсукэ.

– Ну как, устал? – спросил он.

– Еще как! Ноги не двигаются!

– Это что! Скоро гассюку – вот где будет тяжело!

– А что это, гассюку? И как скоро?

– Ну это тренировки – их много – в течение всего дня.

А будут в конце марта – всю неделю во время весенних каникул. Да, кстати, вот уже и расписание есть. Держи.

И Ёсукэ протянул мне листок. На нем было написано, что гассюку (по смысловому значению иероглифов я понял, что это дословно "совместное проживание", или "сборы") пройдут с 27 марта по 2 апреля включительно, и на каждый день запланировано по три тренировки.

Место проведения – университет "Токай".

Жить предстояло в отдельном двухэтажном корпусе, расположенном на противоположной от моего общежития стороне кампуса, сразу за воротами. "Так, надо отпрашиваться у отца-руководителя! А ведь может не отпустить – пусть рядом, но без надзора на целую неделю!" – подумал я. А Ёсукэ сказал: "Да! Жаль, что в этот раз гассюку в университете! Обычно мы едем к океану!"

"Э! – подумал я. – Да мне еще, оказывается, повезло! Кто бы меня отпустил одного на неделю? С посольством, наверно, стал бы наш руководитель согласовывать. А у них там ответ известный: «Нельзя! Коварный враг не дремлет! Вас сюда учиться направили, а не каратэ заниматься!»"

Но наш руководитель на удивление легко отпустил меня на неделю, уточнив только месторасположение корпуса, в котором я буду находиться.

26 марта вечером я собрал нехитрые пожитки в сумку, в том числе до-ги, спортивный костюм и кроссовки, прихватил несколько аудиокассет с последними хитами и выдвинулся на гассюку. В клубе каратэ считалось модным передвигаться по кампусу медленно, чинно, с отрешенным взглядом, даже шустрый Ёсукэ взял на вооружение эту манеру, и за спиной раздавалось благоговейное перешептывание: "Это каратист!" Но я никак не мог понять прелестей такого чинного перемещения в пространстве, поэтому пересек территорию кампуса своей обычной быстрой, слегка подпрыгивающей походкой.

Подойдя к искомому корпусу, я притормозил, ища глазами вход, и тут из окна второго этажа раздался голос Ёсукэ: "Маарэрий! Поднимайся! Наша комната здесь!"

Корпус отдаленно напоминал общежитие, из которого я пять минут назад вышел. На первом этаже находились фу-ро, туалет, а в коридоре стояла доска для объявлений, где уже красовалось расписание нашего гассюку. Комната оказалась небольшой – метров двенадцать, а жить мы должны были ввосьмером. Матрацы уже лежали на полу – в два ряда по четыре, практически закрывая собой всю площадь та-тами. Подушки лежали таким образом, что спать предстояло голова к голове, почти доставая ногами стены. В углу у окна оставалось немного места, куда Ёсукэ поставил маленький магнитофон. Я занял матрас посередине.

– Ёсукэ! Я принес несколько кассет с хитами! – сказал я.

– О! Давай!

Ёсукэ равнодушно слушал кассету. Подошли остальные, расселись на матрацы. В это время заиграла композиция "I love corrida" – вовсе не хит сезона, странным образом записанная в конце кассеты. Японцы вдруг оживились, стали на все лады подпевать: "Ай рабу корридаа!" Только песня закончилась, все стали просить Ёсукэ поставить ее сначала. Потом еще и еще. И так случилось, что всю неделю в свободное время японцы включали только эту композицию. Остальные кассеты так ни разу и не попали в магнитофон.

В шесть утра нас разбудили громким стуком в дверь. Первая тренировка – разминочная, в спортивном костюме. Мы построились по двое напротив корпуса. После нескольких минут ожидания появился Сэнсэй в сопровождении еще нескольких незнакомых мне японцев в возрасте от 30 до 50 лет.

Стоявший рядом со мной здоровяк Ода прокомментировал: "Это old boys, или сокращенно Оу-Би, ветераны клуба. Они приезжают на гассюку понаблюдать, ну и вспомнить молодость".

По лицам ветеранов было видно, что прошлый вечер был посвящен воспоминаниям, и выпито при этом было немало. Ни один из "старых мальчиков" не был в спортивном костюме.

Сэнсэй сказал какие-то приличествующие случаю слова, призвал проявить бодрость духа, и мы под руко-

водством Сэмпая побежали трусцой. Утренняя тренировка была целиком легкоатлетической: после 30-минутного кросса с уже привычным подъемом на девятый этаж одного из учебных корпусов мы переместились на стадион, где сначала бегали ускорения, а потом начали делать упражнения на пресс и отжиматься на кулаках. В режиме обычной тренировки мы отжимались где-то по 40-50 раз. Здесь же после выполнения привычного числа отжиманий последовала команда: "Еще десять раз!", а потом еще десять, и еще, пока мы, уже крича и извиваясь, не сделали-таки сто отжиманий! Никогда не думал, что когда-нибудь смогу это сделать, и более того, уже много позже, будучи в неплохой форме, я так и не смог повторить такое количество отжиманий подряд. К концу "разминочной" тренировки моя майка была мокрой насквозь.

Наскоро умывшись и переодевшись, мы пошли в небольшую столовую, арендованную для нас на всю неделю сборов. За столами с нехитрой едой в японском стиле разместились строго по ранжиру. Я с третьекурсниками встал рядом с указанным нам столом. За соседним столом – второкурсники, чуть поодаль, ближе к выходу – первокурсники. Один стол был накрыт с большим вкусом и разнообразием – ожидали прихода Сэнсэя и "ветеранов". Наконец они появились в дверном проеме, и вместе с ними – все так же небритый Маэда. По команде Сэмпая мы отвесили поклон входящим, подождали, пока они чинно рассядутся, затем сели сами. Несколько минут сидели молча, никто не притрагивался к еде. Сэнсэй

сидел, выпрямив спину, закрыв глаза. Все терпеливо ждали. И вот Сэнсэй открыл глаза, неспешно взял палочки и скомандовал: "Угощайтесь!"

Ода тут же схватил палочки и жадно заработал ими, придвинув прямо ко рту чашку с рисом. Я, еще не пришедший в себя после утренней тренировки, ел вяло. "Ты что, Маарерий! На завтрак дается десять минут! Поспеш!" – быстро проговорил Ода и устремился к большому чану с рисом, из которого можно было накладывать добавку сколько угодно. Остальные японцы не отставали от Оды и то и дело подкладывали себе рис. И действительно, ровно через десять минут по команде Сэнсэя завтрак закончился. Вновь вставание. Поклоны уходящим первыми Сэнсэю и его свите.

С двенадцати до двух – дневная тренировка, уже в спортзале. Базовая техника. Сотни повторений одних и тех же движений на месте и в передвижении. Крики "Медленно! Плохо! Сначала!" висят над спортзалом густым туманом. На столике рядом с аптечкой – большая фляга с тонизирующей водой "Rockary sweat".

К концу тренировки от пота промокло не только до-ги, но и пояс.

Обед прошел с тем же ритуалом, что и завтрак. Правда, времени на еду – минут двадцать. С трех до пяти – отдых. Лег на свой матрац и тут же заснул под звуки "Ай рабу коррида" – это хорохорился Ёсукэ.

К пяти часам снова в спортзал. Мышцы уже слегка побаливают, и в голове дурнота после дневного сна.

После интенсивной разминки мышцы опять становятся эластичными, сон выветривается. Вечерняя тренировка – самая длинная, два с половиной часа. Много работы в парах, подготовка к кумитэ, шлифовка ката.

Ужин, принятие фуру. Наконец можно прилечь и расслабиться. За стеной слышен шум – оказывается, "ветераны" поселились рядом с нами. Вошел Ёсукэ, видно, тоже устал. Раздал всем какие-то тетрадки, мне тоже.

– Маарерий! Здесь надо каждый вечер писать свои впечатления о прошедшем дне тренировок и что ты планируешь для себя на следующий день!

Вот, подумал я, угораздило же меня! Мало того, что каждую неделю пишу на занятиях всякие сочинения, еще и в каникулы пиши!

Благоразумно сделал паузу и посмотрел через плечо в тетрадь Оды: "Мне Сэнсэй сказал сегодня: надо резче бить удар маз-гэри! Спасибо Сэнсэю за замечание, завтра я уделю этому удару особое внимание. Осс!"

Уловив общую идею, я под одобрительные возгласы: "Смотри-ка, Маарерий иероглифы пишет!" написал нечто подобное, разбавив эмоциями: "Я рад тому, что могу принимать участие в гассюку и всем спасибо – в первую очередь, Сэнсэю, да и "ветеранам" тоже. Осс!"

Ёсукэ собрал у нас тетрадки и отнес в соседнюю комнату. Через минуту оттуда послышался здоровый гогот "ветеранов". Ёсукэ вернулся еще более сумрачный, в руках у него был список, озаглавленный "Гоёкики" – дословно "Исполнение пожеланий".

– Маарерий! – сказал Ёсукэ. – Ты иностранец, и мы решили тебя в этот список не включать. Это список дежурств – выполнение разных поручений "ветеранов" – ну сбегать за сигаретами там, пиво купить.

– Сегодня дежурит Арикуй! – громко объявил Ёсукэ. Арикуй хотя и был первокурсником, но ему досталось место в комнате третьекурсников, и у него не было возможности даже на минуту сбросить с себя маску почтительности и заботности.

К одиннадцати стали готовиться ко сну. Ода курил в своем углу, Арикуй перематывал кассету и вновь ставил "Корриду", Такада чистил ниткой зубы, а Ёсукэ достал какой-то флакон с мутно-зеленой жидкостью и стал ожесточенно втирать ее в жесткие густые волосы. Поймав мой вопросительный взгляд, Ёсукэ сказал: "А ты не пользуешься жидкостью для укрепления волос?" Я отрицательно мотнул головой. Тогда в Москве о таких штуковинах мало кому было известно, а в продаже их и вовсе не было. Ёсукэ протянул флакон мне: "Попробуй!" Я накапал себе на голову эту жидкость, как показал Ёсукэ, и тут же почувствовал приятное жжение. Появилось чувство бодрости.

Легли спать. Где-то через час раздались глухие удары в стену из соседней комнаты. Арикуй медленно поднялся, натянул тренировочные штаны и майку. Он вернулся минут через двадцать. "Ну что?" – шепотом спросил его Ёсукэ. "За сигаретами и пивом ходил", – ответил Арикуй, вновь устраиваясь спать. Но не успел

он лечь, как снова раздались удары в стену. На этот раз Арикуй вернулся почти сразу. "Маарерий! – позвал он. – Ветераны зовут тебя к ним в комнату!" "Ладно", – ответил я и нехотя оделся. Зайдя в соседнюю комнату, я обнаружил группу "ветеранов" во главе с Сэнсэем за низеньким столиком. Японцы полулежали на татами в непринужденных позах. Стол был уставлен бутылками и стаканами. Над столом висело сизое облако сигаретного дыма. Мне приветливо замахали руками, призывая присесть к столу.

Рядом со мной оказался небритый Маэда. Он был настроен добродушно, улыбался, хлопнул меня по плечу и налил мне большой стакан виски – неразбавленный, до краев.

"Извини, водки нет! Вы, русские, говорят, стаканами пьете! Давай!" Где-то на мгновение мелькнуло искушение повторить подвиг известного литературного персонажа и выпить, а потом сказать: "После первой не закусываю!" Но вместо этого я поставил стакан, сказав, что русские бывают разные, я, например, водку не люблю, а когда занимаюсь спортом – вообще не пью. На лицах у японцев было написано удивление.

"Ты – странный русский! – произнес самый молодой из них, представившийся как Судзуки. – А по-японски хорошо говоришь!" И все разом закивали, подливая друг другу пиво.

Маэда ткнул пальцем в Судзуки и сказал: "Вот он – очень сильный! Он в этом году стал чемпионом Японии!" Судзуки смущенно засмеялся. Выяснилось, что Судзуки

всего несколько лет назад закончил "Токай", но каратэ не бросил, как это делает большинство выпускников, и даже добился больших успехов в каратэ, параллельно делая карьеру в вертолетостроительной компании.

На меня обрушился град вопросов: а сколько тебе лет? как давно занимаешься каратэ? а кем будешь по окончании университета? приедешь ли потом в Японию? не военный ли твой отец? Потом достали мою тетрадку и громко зачитали вслух мои впечатления о тренировке, деланно восхищаясь моими иероглифическими навыками.

Через какое-то время я почувствовал, что засыпаю прямо за столом. То ли японцы это заметили, то ли им развлечение "беседы с иностранцем" поднадоело, но меня вежливо выпроводили спать, чему я был только рад. На прощанье Маэда сунул мне в руки непочатый стакан виски. "Держи! Вдруг передумаешь и захочешь выпить перед сном!"

Я ввалился к себе в комнату, пристроил куда-то в угол злополучный стакан и повалился спать. И вновь меня посетил образ крепкого духом советского персонажа, которому немцы выдали, восхищенные его мужеством, краюху хлеба. Было три часа ночи.

Следующий день прошел как в тумане. Спас дневной сон.

Интенсивность тренировок явно возросла. После четвертого дня тренировок я понял, что у меня не осталось сил даже дойти до спортзала. Японцы стонали, но двига-

лись в сторону зала. Моя походка из быстрой и пружинистой превратилась в медленную и торжественную.

Музыку в перерывах никто уже не включал, разговоры тоже практически прекратились. "Слушай, Ёсукэ! А зачем это все нужно? – не выдержав, спросил я. – Такие колоссальные перегрузки разве полезны?"

"Понимаешь, когда это закончится, и ты восстановишь силы, ты увидишь, насколько велик прогресс в твоём каратэ. Но и это не самое главное. Ты поймешь, что способен преодолевать себя, быть сильнее обстоятельств, и когда в твоей жизни возникнут серьезные испытания, ты вспомнишь, как тебе было трудно на гассюку, но ты выдержал, и тебе это поможет!"

Я тогда не очень поверил словам Ёсукэ, но сейчас, по прошествии лет, полностью убедился в правоте японца.

На пятый день вместо дневного сна, я дошел до нашего общежития. Как странно было видеть скучающие лица советских однокурсников, лениво потягивающих пиво и бесконечно смотрящих телевизор! "О! Привет! Что-то ты похудел! – приветствовали они меня. – Кстати, хорошо что зашел. Нам завтра надо днем ехать в муниципалитет продлевать вид на жительство".

Тут-то меня и посетила мысль: а не пропустить ли под это дело дневную тренировку завтра? Отдохнуть, ведь пятый день уже, сил никаких не осталось!

Придя назад, я сказал японцам, что завтра днем мне надо ехать в муниципалитет. "То есть на дневную трени-

ровку ты не придешь?" – сказал Ёсукэ, а Ода только хмыкнул. Я промолчал.

Процедура в муниципалитете города Хирацука, что в двадцати минутах езды на автобусе от университета, несколько затянулась. В университет я вернулся без десяти пять. Меня одолевали сомнения: был повод не ходить на тренировку, но если поторопиться, я вполне мог взять до-ги и появиться вовремя. Первый вариант казался очень соблазнительным. Но ноги сами принесли меня сначала за до-ги, а потом и в спортзал. Было три минуты шестого. Сэнсэй еще не появился, и все стояли в рядах, как обычно. Мое место никто не занял. Когда я вошел, японцы оживились: "Пришел, пришел!" – раздались радостные голоса. "Ты молодец! – воскликнул Ёсукэ. – Мы думали, ты больше не появишься". Мне сразу стало как-то легко, и я подумал, что сделал правильный выбор.

Зато на вечерней тренировке мне досталось. Последние полчаса, когда уже никто толком не мог передвигаться, здоровый, как трактор, двадцативосьмилетний "ветеран" Осима, неоднократный чемпион Восточного побережья среди студентов (есть и такой чемпионат), решил преподать нам уроки кумитэ. Сначала он поиграл, как кот с мышкой, с маленьким Набэсимой, потом еще с несколькими второкурсниками. И вот он посмотрел на меня.

Видимо, Осиме не очень понравилось, что иностранец, да еще с белым поясом, машет перед его носом но-

гами. Японец явно рассвирепел и в одной из контратак попал мне кулаком прямо по переносице, отправив меня в нокдаун: я упал, тут же вскочил, но было нестерпимо больно, так что я снова сел на татами.

Нос распух и болел, шестой день тренировок дался мне непросто.

После этого эпизода Осима стал демонстрировать знаки дружеского расположения, персонально правил мне технику ударов, попутно разъясняя пагубность ведения поединка в стиле "Сэнэ" – с прыжками и обилием ударов ногами. Собственно, более наглядно, чем поймать меня на контратаке ударом руки в нос, вряд ли можно было объяснить уязвимость избранной мною тактики поединка.

И вот настал последний день гассюку. Последняя тренировка. Пять часов вечера. Бреду к спортзалу. Ни эмоций, ни сил – ничего.

У входа в спортзал стоят Ода и Ёсукэ. Радостно улыбаются. "Маарерий! Сюрприз! Вместо последней тренировки идем в боулинг – в тот, где большая кегля на крыше!"

От радости я аж подпрыгнул. И откуда силы взялись!

"Ура! Пошли!" Остальные, оказывается, уже ушли в боулинг.

– Да, Маарерий! В восемь сегодня гуляем по случаю окончания гассюку, в ресторанчике рядом с кафе "Вольво". Не опаздывай! – сказал Ода.

– Хорошо! Обязательно!

– Да, кстати, Маарерий! Хотел тебя спросить – что ты

выкрикивал, когда нас после 50 отжиманий заставили делать все заново?

– Да так, русские слова, – уклончиво ответил я, вспомнив, что только с помощью русских непечатных слов я смог выполнить еще 50 отжиманий.

В боулинге было оживленно, там собрались только студенты: Сэнсэй со свитой, похоже, готовились к вечерней программе. Покатав в свое удовольствие шары где-то в течение часа, мы разошлись, предвкушая веселую вечернюю попойку.

В китайском ресторанчике, в котором мы собрались, было много невероятно вкусной еды и пива. Ёсукэ как самого шустрого поставили к микрофону вести праздник. Атмосфера была полностью противоположна той, что была во время угрюмых трапез в ходе гассюку. Все сидели за столами вперемешку – первокурсники, "ветераны". Подливали друг другу пива, благодарили за гассюку. Ода ткнул меня в бок:

– Маарерий! Держи пиво, иди, налей Сэнсею, поблагодари его!

Взяв бутылку, я подсел к Сэнсэю.

– Сэнсэй! Позвольте Вам налить пива?

– О! Маарерий! Молодец! Знаешь японские традиции!

Сэнсэй поднял двумя руками пустой стакан, подождал, пока я наполню его пивом до краев, потом, не много отпив, взял из моих рук бутылку и налил мне. После этого мы чокнулись, и я сказал слова благодар-

ности. Процедура мне понравилась, и я стал перемещаться от "ветерана" к "ветерану", потом подлил Набэ и Арикую.

Позже начались песнопения. Меня тоже вытащили к микрофону, и я а капелла исполнил "Пусть бегут неуклюже..." Японцы хлопали в такт, а Ёсукэ даже попытался изобразить присядку.

По окончании общего веселья мы с Ёсукэ и Одой зашли в соседний бар, выпили по джин-тонику. Вышли из бара в обнимку, громко разговаривая и нахваливая друг друга: мы – отличные ребята, мы одолели гассюку...

Вернувшись в общежитие, я рухнул на кровать и проснулся только в полдень. В последний день весенних каникул ласково светило солнышко, было тепло и сухо. Наши собрались играть на полянке в футбол с болгарами. Растолкали и меня. Я с огромным трудом добрал до поляны, молча встал в ворота и тут понял, что не хочу двигаться. Я честно предупредил своих, что если мяч будет лететь в меня, я его, пожалуй, отобью, если рядом с ногой – даже не пошевелюсь – пусть влетает в ворота! Простояв таким пугалом полчаса и пропустив три мяча, я снова пошел спать.

Окончательно я пришел в себя за неделю: как раз был объявлен перерыв в тренировках. На первом занятии после гассюку я почувствовал, что Ёсукэ был абсолютно прав: качество выполнения техники каратэ заметно улучшилось, движения стали естественнее, свободнее и в то же время – резче и концентрированнее. На состоявших-

ся вскоре экзаменах я получил коричневый пояс – второй кю. С апреля в университете начался новый учебный год, мои друзья-каратисты и я стали самыми старшими в клубе каратэ и теперь на построениях занимали первый ряд. Пришедшие в клуб новички демонстрировали нам признаки почтительности и громко с поклонами здоровались при встречах на улице.

В последующие два месяца – с середины апреля по середину июня – мы тренировались в ставшем для меня привычным ежедневном режиме. Моя техника день ото дня улучшалась. Более того, я стал замечать, что мне не хватает шести занятий в неделю, и добавил к ежедневным утренним пробежкам воскресный кросс, а также самостоятельную тренировку по каратэ.

В воскресенье я выбегал часов в девять утра и по тропинке вдоль речушки Канамэ за сорок минут добегал до известного среди советских студентов магазина уцененных товаров "Дайкума", что примерно в восьми километрах от университета. Потом возвращался назад, и на поляне рядом с Будоканом делал ката и отрабатывал удары по макиваре¹. Иногда я спускался в тренировочный зал, где можно было поколотить по всевозможным грушам и мешкам. К полудню я возвращался в общежитие – его обитатели только начинали пробуждаться после субботних вечеринок – и вливался в обычную студенческую жизнь.

¹ Макивара – приспособление для отработки ударов. Как правило, врытая в землю упругая доска, ударная поверхность которой обмотана веревкой из соломы.

В середине июня, буквально в один и тот же день, в моей токайской жизни произошли два знаменательных события. На очередном занятии по японской устной речи преподаватель Исии-Сэнсэй сказала:

"25 июня состоится очередной ежегодный Всеяпонский конкурс японского языка для иностранцев. До отборочного тура допускаются все желающие иностранцы, проживающие в Японии не более трех лет. В финальную часть выходит пятнадцать человек, которые по очереди должны выступить с пятиминутной речью на японском языке перед аудиторией в две тысячи человек. Финал конкурса будет транслироваться на всю Японию. Организаторы – МИД Японии, телевидение Эн-Эйч-Кей¹, газета "Асахи". Я понимаю, что вам очень трудно конкурировать с теми, кто работает и учится в Японии два или три года, но я рекомендовала бы попробовать..."

Исии-Сэнсэй назвала фамилии трех наших студентов, в том числе и мою.

Я был удивлен. Дело в том, что за месяц до этого прошел подобный конкурс на лучшую речь на японском, но в рамках университета "Токай". Я, по моим понятиям, выступил там средненько, хотя все отметили необычный заголовок и тему. Моя речь называлась "Начинающим – поклон!", где я рассказывал о своих впечатлениях от занятий каратэ, делая особый упор на взаимоотношениях

¹ Эн-Эйч-Кей (по-японски Nippon Hoso Kyokai) – Общественное телевидение Японии, аналог Первого общегосударственного канала.

между старшими и младшими, отдавая должное терпеливости последних.

В выступлении я делал вывод, что младшие, вытерпев отпущенные на их долю испытания, через пару лет, став старшими, будут отыгрываться на младших, подвергая их точно таким же испытаниям: пинкам и подзатыльникам во время тренировок, дежурствам "Чего изволите?" во время сборов. Речь заканчивалась ехидной фразой: "История повторяется, не правда ли?"

Оставив нас троих в аудитории, Исии-Сэнсэй сказала: "Вам надо будет через три дня отправить на отборочный тур конкурса письменный вариант своего выступления, аудиозапись, анкету и фотографию. Если вы пройдете в финальную часть конкурса, я буду заниматься с вами дополнительно: вы все довольно скованно держитесь у микрофона".

Как водится, я оставил подготовку к отборочному туру на последний вечер. Вернувшись с тренировки, я сначала старательно переписал текст выступления на специально разлинованные листы для письма иероглифами – гэнкоёси. Получилось восемь листов. Потом я стал начитывать текст на магнитофон. Прослушал запись. Не понравилось. Переписывал раза четыре, потом понял, что выше головы не прыгнешь, и успокоился. Ближе к часу ночи я, наконец, заполнил анкету, сложил ее вместе с текстом и кассетой в конверт и тут только хватился, что у меня нет фотографии!

Утром вместо пробежки пришлось идти к станции по-

ездов под названием Онэ: там был автомат по срочному изготовлению фотографий. Название станции было немножко смешным и особенно веселило китайцев: иероглифы, из которых состояло название станции, можно было прочесть и как "Дайкон" – редька.

В автомате по изготовлению фото я, толком не выпавшийся, сел как-то криво, опустив подбородок на грудь, смотрел в экран исподлобья. Когда я увидел получившуюся фотографию, то сам себя не узнал. Но дело было сделано. Я запихнул фото в конверт и отдал его перед занятиями для отправки в учебную часть.

В этот же день на тренировке Сэнсэй сообщил мне, что 26 июня в Токио, в зале при штаб-квартире стиля каратэ "Вадо-рю", состоится квалификационный экзамен на черные пояса.

– Думаю, тебе надо попробовать. Ты ведь уезжаешь в конце июля?

– Да, – ответил я. – Спасибо. Я попробую.

– Ну, если не сдашь, можешь считать, что коричневый пояс первый кю тебе гарантирован – ты очень старался. Но я вижу, что могу разрешить тебе выйти на экзамен на черный пояс 1-й дан.

Я вновь поклонился и поблагодарил. Ёсукэ и Оде Сэнсэй тоже разрешил сдавать экзамен на черный пояс.

– Маарерий! У тебя есть единственный шанс! Ты ведь скоро уезжаешь! – сказал Ёсукэ. – Это мы можем через полгода попытаться снова. Хотя лучше сдать с первого раза, – мечтательно произнес он.

Честно говоря, я воспринял новость об экзамене на черный пояс как нечто нереальное, поэтому сильных эмоций предстоящее событие у меня тогда не вызвало. Характер тренировок, несмотря на предстоящий экзамен, не претерпел изменений: много базовой техники, отработка условленных комбинаций в парах (якусоку кумитэ) и ката. В конце тренировок – свободный поединок, но в щадящем режиме, а не битва до последней капли крови.

Двадцатого июня я получил письмо из оргкомитета по проведению конкурса японского языка среди иностранцев. В письме говорилось, что моя речь наряду с речами других 97 претендентов была подвергнута тщательному изучению и признана достойной финальной части. Таким образом, я в числе других пятнадцати финалистов 25 июня буду выступать в концертном зале на Касумигасэки¹. В результате состоявшейся жеребьевки мне достался номер 1.

Из отобранной Исии-Сэнсэй тройки советских студентов в финал прошел я один.

Итак, 25 июня меня ждало выступление перед японской общественностью, а 26 – экзамен на черный пояс по каратэ.

Всю оставшуюся неделю я репетировал под руководством Исии-Сэнсэй свое выступление. Речь пришлось

¹ Касумигасэки – центральная часть Токио, где расположены МИД и другие правительственные учреждения.

учить наизусть: условиями конкурса запрещалось пользоваться текстом. Исии-Сэнсэй начала с того, что сама исполнила мой монолог. При этом она имитировала обращение к большой аудитории: двумя руками она как бы опиралась на трибуну, смотрела куда-то вдаль, постоянно поворачивала голову влево и вправо, словно переводя взгляд с одного слушателя на другого, улыбалась. Отдельные куски текста произносила более громко, другие – тише, усиливая впечатление от рассказа движением рук. Мне понравилось!

Потом Исии-Сэнсэй стала требовать от меня такого же артистизма. Это было сродни разучиванию ката. Раз по двадцать на дню я исполнял этот монолог, из них раз пять – непосредственно Исии-Сэнсёю. Она терпеливо слушала, делала замечания. Во время генеральной репетиции Исии-Сэнсэй даже попыталась воссоздать обстановку на сцене со слепящим светом софитов, направив на меня мощную лампу.

Выступить первым оказалось довольно нервным делом. Я отчетливо помню нарастающее чувство тревоги и волнение перед объявлением моего выхода. Поднявшись на сцену и встав за большой широкий стол перед микрофоном, я посмотрел на зал, почувствовал на себе яркий свет и вдруг успокоился. Без запинки я отбарабанил заученный текст, в двух местах даже сорвав смех и аплодисменты. Несколько следующих речей я слушал невнимательно, приходя в себя. Из выступлений остальных участников конкурса мне стало ясно, что попадание

В
А
Л
Е
Р
И
Й

в 15 лучших – это максимум, на который я мог рассчитывать. Особенно здорово говорили корейцы и тайваньцы. Четыре из пяти призовых мест заняли именно они. Выиграл конкурс 27-летний англичанин, около трех лет изучавший в одном из токийских университетов современную японскую прозу.

Н
А
Т
А
Р
О
В

Потом был банкет, песнопения, поздравительные речи, тосты.

Я долго не мог отделаться от какой-то журналистки из японской радиостанции, которая назойливо подсовывала мне микрофон, прося поделиться впечатлениями от прошедшего конкурса. Я сказал ей несколько дежурных фраз и потихоньку исчез. Впереди было утро 26 июня – экзамен по каратэ.

Я подготовил до-ги и собирался лечь спать, как в комнату зашел, предварительно постучавшись, наш руководитель группы.

– Ну, как конкурс?

– Вошел в 15 лучших! – бодро отрапортовал я.

– А призового места не удалось занять?

– Нет.

– Ну все ясно! Это потому, что ты из социалистической страны. Я сейчас готовлю итоговый отчет о стажировке: через месяц домой. Так я там напишу, что, несмотря на блестящее выступление советского студента, жюри не сочло возможным присудить ему призовое место, отдав предпочтение студентам из капиталистических стран.

Мне оставалось только пожать плечами.

В семь утра я был на станции Онэ. Вскоре подошли Ёсукэ и Ода.

Вновь я ехал в Токио, на этот раз работать не головой, а руками. И ногами.

Через час мы подходили к серому бетонному зданию, напоминающему школу. У входа уже толпилось более сотни японцев – как детей, так и взрослых.

– А дети что тут делают? – спросил я своих спутников.

– У них есть "детский" черный пояс, который, если продолжать заниматься, по достижении 18 лет позволяет сразу выйти на экзамен на "взрослый" черный пояс. Вот наш Сэмпай именно так получил 1-й дан, – ответил Ёсукэ. Он был необычайно сосредоточен.

Народу тем временем прибывало.

– Ого! – удивился я. – Сколько людей!

– Экзамен проходит раз в полгода, и сюда съезжаются не только со всей Японии, но даже из-за границы! – пояснил Ёсукэ.

Словно в подтверждение его слов у входа в спорт-комплекс появилась группа из трех иностранцев, по виду европейцев. Они радостно замахали мне – тогда в Японии "белые", даже незнакомые друг с другом, считали хорошим тоном приветствовать друг друга. Мы перекинулись с ними парой фраз на английском. Оказалось, что ребята приехали на этот экзамен аж из Перу! Один собирался сдавать, а двое – группа поддержки.

Внутри здания, прямо в холле, были расставлены столы для регистрации претендентов и сбора взносов за экзамен. Размер взноса был для моего студенческого кармана весьма чувствительным – девяносто долларов. В случае успеха надо доплатить еще семьдесят – за оформление сертификата и пояс.

Сдав деньги, я получил маленький матерчатый квадратик с порядковым номером – 32. Этот номер крепился на до-ги, и на время экзамена эта цифра заменяла мне имя и фамилию.

Экзамен проходил в большом зале. В одной половине зала можно было потихоньку разминаться – но только до начала экзамена, а потом сидя ожидать своего выхода на его вторую половину.

Места за столом экзаменационной комиссии заняли семь японцев, в основном пожилых. В лицо я знал только одного – приехавшего к нам в зал Оцуку "Второго". Пожилой японец посередине, как сказал мне шепотом преисполненным почтения Ода, был сам основатель стиля "Вадо-рю" Оцука-старший.

Сдача экзамена оказалась делом нудным и утомительным, состоявшим в основном из бесконечных ожиданий своего выхода на татами перед светлые очи корифеев "Вадо-рю".

Первые два часа экзамен сдавали дети. Ровно в полдень был сделан перерыв на обед. Ёсукэ принес откуда-то три коробочки с бэнто – "походным" вариантом японского обеда, сказав, что деньги нам выделили некие спонсоры

клуба каратэ. Только в начале второго очередь дошла до нас. За предыдущий день я изрядно поволновался, так что чувствовал себя, если не спокойно, то отрешенно.

Вызывали по двое. Надо было выйти, занять место в очерченном мелом круге – лицом к комиссии. Всего предстояло повторить эту процедуру четыре раза. Первый раз – базовая техника на месте и в передвижениях, второй – ката, третий – исполнение комбинаций каратэ – якусоку кумитэ, и четвертый – свободный поединок. Причем, во второй раз могли и не вызвать, если комиссия "зарубит" уже на этапе исполнения базовой техники.

Круги на полу были начерчены не просто так: если по окончании ката не удалось в него вернуться, это считалось серьезной ошибкой. Получивший "ноль" за ката ждал очередного экзамена еще полгода.

Каждый выход длился не больше трех минут, но перерывы между ними – по полчаса – утомляли гораздо больше, чем само выступление.

Мои выходы не очень отложились в памяти – помню только облегчение, когда увидел, что после ката вновь вернулся в центр круга.

Во время свободного поединка мы с 31-м номером сначала энергично обменивались ударами руками, не очень заботясь о защите, потом бой приобрел более осмысленный рисунок. Похоже, экзаменационную комиссию наш поединок – "белый" против японца – заинтересовал, и нас долго не останавливали.

Ода, вышедший на кумитэ сразу за мной, в пылу боя разбил своему противнику нос, у того потекла кровь. Неконтролируемое действие, повлекшее травму, автоматически означало дисквалификацию. Ода знал, что он провалил экзамен. Ёсукэ чисто прошел все четыре круга. Иностранец из Перу был хорош в базовой технике, но очень неубедителен в кумитэ.

После нас приступили к сдаче экзамена претенденты на второй и третий даны.

И только к пяти вечера экзамен завершился.

Нас построили, потом стали объявлять результаты, выкрикивая номера тех, кто сдал экзамен. Я стоял, задумавшись, как вдруг услышал: "Номер 32!" Я громко крикнул "Хай!", и тут все начали на меня оборачиваться. Оказалось, пока объявлялись результаты детского экзамена. Мне стало как-то неловко, поэтому, когда через некоторое время я вновь услышал: "Номер 32!", ответил тихо и неуверенно, настолько, что мой ответ не был услышан, и член экзаменационной комиссии, оторвав глаза от списка, посмотрел на меня и вновь четко произнес: "32!". Тут я не сплоховал и гаркнул "хай!" как надо, ощутив при этом мощный прилив радости.

Из претендентов на первый дан сдали экзамен две трети, на второй дан – только половина, а из четырех претендентов на третий дан сдал лишь один, заслужив продолжительные аплодисменты всего зала.

Потом мы вновь отстояли очередь – сдавали

деньги. В отличие от утренней процедуры, когда все были напряжены и неразговорчивы, на этот раз очередь весело гудела. Ко мне подскочил радостный перуанец, мы хлопали друг друга по плечам, пожимали руки. "Ты здорово бился в кумитэ!" – сказал перуанец. Я ответил поклоном с нарочито громким "Осс!" Все вокруг весело рассмеялись. Дети, еще несколько часов назад сосредоточенные и молчаливые, сейчас с визгом носились по залу, устраивая свалки, и никто не обращал на них внимания.

Ёсукэ жил на полпути из Токио к университету – на станции Сагами-Ооно, и оставшийся путь мне предстоял вдвоем с Одой. Он был расстроен и как ни старался, никак не мог выглядеть беспечным.

Я чувствовал, что выражать какое-либо сочувствие с моей стороны будет нелепым и невежливым, поэтому молчал.

На нашей станции Онэ мы с Одой зашли в какую-то забегаловку, заказали рамэн¹. В заведении громко работало радио, и вдруг я услышал... свой собственный голос. Да, это был репортаж о прошедшем конкурсе японского языка и фрагмент моего интервью с назойливой журналисткой.

– И когда ты все успеваешь, Маарерий? – спросил Ода.

Я ответил что-то маловразумительное, и мы, доев рамэн, попрощались. Я пошел к себе в общежитие. Было

¹ Рамэн – лапша с бульоном.

В
А
Л
Е
Р
И
Й

Н
А
Т
А
Р
О
В

темно, долгий путь в горку навевал тоску. Никакой особой радости я уже не чувствовал, скорее, некую опустошенность и усталость.

– Ну, как? Сдал? – спросил Сергей Ч.

– Да.

– Молодец! Не зря я тебя привел в каратэ! – обрадовался Сергей. – Эх, если бы я тоже ходил с тобой, сейчас тоже получил бы черный пояс. У меня ведь сначала лучше, чем у тебя, получалось! И растяжка была лучше!

– А кто мешал? – пожав плечами, ответил я и пошел мыться в фуро.

До возвращения домой оставалось чуть больше месяца.

– О! Маарэрий! Черный пояс!!! – приветствовали меня на следующей тренировке. – Поздравляем!! Теперь в Москве свой клуб откроешь?

– Какое там! Мне еще учиться и учиться! Черный пояс – это аванс! – отвечал я, нисколько не лукавя. Так что оставшийся до отъезда в Москву месяц я тренировался в том же жестком режиме.

За три дня до моего отъезда перед последней тренировкой ко мне подошли Ёсукэ и Ода.

– Маарерий! Мы хотим тебя пригласить сегодня в ресторан – на прощальный ужин. Поехали в Токио?

Я сразу же согласился, даже не вспомнив о том, что наш руководитель группы строго запрещал нам ездить в Токио по одному, да еще и без уведомления. По правде говоря, все советские студенты уже давно перемеща-

лись по одиночке, заранее договариваясь друг с другом, якобы они были в Токио вместе.

Строгость нашего руководителя группы в некоторой мере была оправдана. За год до нас имели место неприятные случаи. Одного студента, выскочившего ночью из общежития за сигаретами, остановил полицейский патруль, а у него, как назло, не оказалось с собой документов. Его продержали в полицейском участке час, а потом выпустили. Это считалось ЧП: мало ли что наш студент наговорил или, не дай Бог, подписал! Другой студент загулял в Токио и не успел на последнюю электричку. Он появился в общежитии только утром, а тогдашний руководитель группы, опасаясь обвинений, что недоглядел, успел позвонить в посольство и заявить о пропаже студента. Парня отправили домой раньше положенного срока.

Доехав до станции Синдзюку¹, я, Ода и Ёсукэ засели в пивной ресторан, где можно было, один раз заплатив определенную сумму, неограниченно пить пиво и есть мясо, которое мы готовили сами прямо на жаровне, смонтированной в наш стол.

Подвязав фартуки с фирменной эмблемой заведения, мы увлеченно жарили мясо, подкладывая друг другу готовые куски, пили пиво, непринужденно разговаривали. Вышли мы из ресторана где-то около полуночи.

¹ Синдзюку – район в западной части Токио, где расположено множество развлекательных заведений на любой вкус.

Ода сказал, что у него есть дела в Токио, многозначительно подмигнул, показав при этом мизинец – жест, означавший, что его ждет подружка, и исчез. Мы с Ёсукэ поехали назад. До нашей станции поезда уже не ходили, через пять минут отправлялся последний поезд, который шел только до Сагами-Ооно, станции, где жил Ёсукэ.

Я почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

"Кажется, влип!" – подумал я, вспоминая невеселые прошлогодние истории с советскими студентами...

– Не расстраивайся, Маарерий! – сказал Ёсукэ. – Сейчас доедем до моего дома, а оттуда я довезу тебя на машине!

Я благодарно кивнул.

Ёсукэ жил рядом со станцией. Он выкатил из гаража неповоротливую "Тоёту Краун". Все же Ёсукэ был здорово навеселе, потому что при выезде из гаража зацепился краем переднего бампера. Он даже не вылез посмотреть, что произошло, пробормотав только: "Ладно! Поехали!"

Через двадцать минут мы подъехали к общежитию.

– Ладно! Будь здоров, Маарерий! Не забывай нас!

– Счастливо, Ёсукэ!

Дойдя до бокового входа в общежитие (центральный закрывался ровно в одиннадцать, а остальные были открыты круглые сутки), я обернулся. Ёсукэ озабоченно осматривал бампер машины, основательно покореженный.

Мое отсутствие и позднее возвращение никем не было замечено.

Ночь перед отъездом нашей группы на родину гуляло все общежитие. Танцы, музыка, толпы народа перемещались то на улицу, то опять внутрь, на поляне запускались петарды и жарились шашлыки. Угомонились только к пяти утра.

Я испытывал смешанные чувства. С одной стороны, уже через полгода наступило пресыщение японской экзотикой, нестерпимо тянуло домой. Но когда отъезд стал реальностью, вдруг оказалось, что уезжать жалко. "Эх, было бы здорово съездить в Москву на каникулы, а через месяц-другой – снова в "Токай!", – подумал я с грустью.

В восемь утра за нами пришел автобус. Сонные, мы загружались в него, прощаясь с теми из студентов общежития, кто нашел в себе силы выйти нас проводить. Когда расселись, то оказалось, что одного студента не хватает: куда-то запропастился Андрей С. Андрей был парнем пунктуальным, любил выступать на политинформациях, всегда оповещал руководителя группы о своих перемещениях – его за это часто ставили в пример.

"Да выпил лишнего, и спит где-нибудь под кустом!" – сострил кто-то.

Прошло еще полчаса. Надо было выезжать, иначе мы не успевали на пароход. Нам предстоял непростой обратный путь, снова тремя видами транспорта: пароход – поезд – самолет. Руководитель группы, помаявшись, позвонил в посольство. Его там, видимо, успокоили, и велели везти группу в порт. Едва мы доехали до Иокогамы, преподаватель вновь бросился звонить в посольство. Он

В
А
Л
Е
Р
И
Й

Н
А
Т
А
Р
О
В

вернулся к нам белый как полотно, его губы дрожали:
"Андрей попросил политическое убежище в американ-
ском посольстве. Эту новость уже передали по японско-
му телевидению".

1983-1989. МОСКВА.

Каратэ "в подполье"

Поступок Андрея С. неизбежно означал одно: мы все, за исключением одного парня – сына высокопоставленного генерала КГБ, не можем рассчитывать на получение работы, связанной с выездом за рубеж. Нашего руководителя группы ожидала отправка на пенсию. Начались унижительные разбирательства в институте, цель которых была: доказать, что до поездки в Японию Андрей С. был хорошим, за границей переродился и предал Родину. Значит, виновато не руководство института и парткомы всех уровней, а руководитель группы и студенты-стажеры, не выявившие предательские помыслы своего товарища.

Нас постоянно вызывали в кабинеты к заведующему кафедрой, к декану, к ректору – всей группой и по одному. Какие-то люди в штатском убедительно просили нас вспомнить в подробностях, как вдруг исчез Андрей С., почему никто не заметил его отлучки. Особенно не давал покоя людям в штатском тот факт, что Андрей С. ушел налегке – не прихватив с собой ни сумки, ни чемодана – оставив все в комнате. Больше всех в этих разбирательствах доставалось парню, жившему с Андреем всю стажировку в одной комнате.

Преподаватели к нам стали относиться как к проклятым – при виде любого из нас опускали глаза и не здоровались. Студенты же из других групп запустили

В
А
Л
Е
Р
И
Й

Н
А
Т
А
Р
О
В

шутку, что среди нас был только один умный человек – Андрей С., получивший лучшее распределение года – вид на жительство в США. Только ленивый не подходил к нам и не спрашивал: "А вы-то что вернулись?"

Не обошлось и без заседания институтского бюро ВЛКСМ, на котором на нас обрушился "специальный гость" – партиец из преподавателей, требовавший, чтобы наша группа признала вину за произошедшее и искренне раскаялась. Раскаяния не состоялось. Комсомольские активисты ограничились обсуждением. Более того, секретарь бюро ВЛКСМ Валера Я., прошедший стажировку не в тепличном "Токае", а на передовой в Афганистане (он учил язык дари), жестко сказал, глядя на партийца, что наказывать нас не за что и к этому вопросу больше нет смысла возвращаться. Партиец ушел, багровый от злости.

Но повышенное внимание к нашей группе объяснялось не только дурной историей о предателе Андрее С. Без ложной скромности скажу, что интерес к нашей группе подогревался стремительно набиравшим обороты слухом о том, что один из "японцев" приехал с черным поясом по каратэ. Поначалу думали, что это Сергей Ч., мой сосед по комнате. Когда все же "вычислили", что это я, по коридорам института стало трудно спокойно передвигаться: постоянно приходилось общаться со "знатоками" каратэ – эти люди по большей части что-то пытались мне втолковать, махали перед носом рука-

ми, почти не слушая, что я им говорил в ответ на их множество вопросов.

На доске объявлений даже появился плакат: "Ура! Наш студент – «черный пояс» по каратэ". Комсомольские активисты требовали от меня публичного выступления. В свете их лояльной позиции в "деле о покаянии" отказать было невозможно.

В аудитории, называвшейся в то время "Третий круглый зал", собралось человек девяносто, пришли даже студенты из Японии, стажировавшиеся в МГУ.

Где-то час я рассказывал о том, о чем вы уже прочитали, возможно, не так складно и подробно. Честно говоря, я решил, что после этого выступления меня оставят в покое. Как бы не так!

Наступил еще более тяжелый этап – зазывание на вечеринки. В гости я ходил избирательно, но, тем не менее, непременно сталкивался со стереотипной ситуацией. Хозяин радостно хлопал меня по плечу: "А вот и Валера – наш черный пояс по каратэ!" После этих слов на меня устремлялись взгляды всех гостей, которые, видимо, ожидали, что я сразу начну демонстрировать невероятные удары.

Меня утомляли занудные разговоры о каких-то фантастических советских мастерах каратэ, с которыми все, кроме меня, были знакомы. Мне трудно было отвечать на одни и те же вопросы: кто сильнее – боксер или каратист, смогу ли я сломать три кирпича, поколотить пятерых сразу.

Некоторые джентльмены, изрядно выпив, пытались переводить дискуссию в практическое русло. Здесь обычно было два варианта: на мне или пытались продемонстрировать что-либо из своего "арсенала" каратэ, или просили ударить туда, где у тренированных людей мышцы пресса. Я отшучивался, призывал проводить подобные эксперименты на трезвую голову в спортзале. Люди, как правило, обижались, считая, что я не хочу снизойти до них.

Окружающие хотели видеть во мне лишь "черного пояса" – это было в интеллигентной среде необычным явлением, а редкими языками в нашем институте кого удивишь? Я же считал себя в первую очередь японоведом, пять лет потратившим на изучение языка, культуры, литературы, искусства Японии.

Неизбежно наступил и период приглашений меня в различные спортзалы и секции. Обычно сэнсэи этих залов предпочитали знакомиться со мной в отсутствие своих учеников – на всякий случай, чтобы не потерять перед ними лицо. Не успевал я переодеться и слегка размяться, как следовало приглашение к кумитэ – в точности так, как в "Сэнэ". За год моего отсутствия в Москве стало чуть ли не нормой заниматься каратэ в спортивной обуви – кедах или кроссовках. Бились люди со мной не по спортивным правилам, а практически в полный контакт. Для меня это было пройденным этапом и особого интереса не представляло. Но отказываться-то нельзя! Приходилось тратить на побоища минут пятнадцать-

двадцать – на большее у наших сэнсэев не хватало физической кондиции. Потом я показывал пару ката, и мы расходились, чтобы больше никогда не встретиться.

Общий вердикт в отношении моего каратэ был таков: у парня очень чистая японская техника, здорово делает ката, но бой ведет как-то интеллигентно, строго по классике – не доводит до конца удары, останавливает их.

У нас было разное понимание допустимого контакта: я не доводил удары до конца, но и себя бить не позволял. Сегодня я понимаю, что тогдашний уровень знаний и представлений о каратэ в СССР не позволял адекватно воспринять то каратэ, которому меня научили японцы и которому я стал следовать.

Между тем у меня сохранялось огромное желание продолжать заниматься каратэ. Каждое утро я пробегал 5-6 километров, делал базовую технику, ката. Объявился и Сергей С., уже аспирант, с которым мы стали, как и прежде, бегать кроссы – десять километров по Ленинским горам. С учетом приобретенных мною в Японии новых навыков наши двухчасовые занятия каратэ стали более изощренными и тяжелыми.

Так, на огромном асфальтовом пустыре, где сейчас построен стадион для игры в бейсбол, мы отрабатывали технику в передвижениях. От начала до конца поля получалось 50 ударов. С каждой разновидностью удара каратэ мы проходили это поле как минимум дважды. После таких самоистязаний на асфальте под палящим солнцем

мы купались в одном из университетских фонтанов и только потом шли в душ.

Я подумывал о том, чтобы найти единомышленников по стилю "Вадо-рю" или по любому другому классическому стилю, и начал присматриваться к группе Сато-Сэнсея из МГУ, как вдруг на каратэ обрушились репрессии.

Каратэ в СССР официально запретили. Статья УК РСФСР прямо указывала меры наказания за преподавание этого "опасного вида" единоборств. Чем каратэ опаснее бокса, дзюдо или самбо – никто не объяснял. Ряд заметных фигур советского каратэ, включая и главного Сэнсэя стиля "Сэнзэ" Штурмина, оказались в тюрьме, получив по несколько лет. Заниматься каратэ законом не возбранялось, но у кого заниматься, если преподавателю грозит нешуточный срок тюремного заключения?

И каратэ ушло в подполье. Меня по-прежнему приглашали в разные спортзалы, но уже тайком. О том, чтобы надеть до-ги и пояс, не могло быть и речи. Собирались под видом просто игры в футбол, в кедах, тренировочных штанах и майках. Мячи и другие предметы "камуфляжа" раскладывались в непосредственной близости, и если вдруг в зал заглядывал незнакомец, то все начинали сосредоточенно изображать из себя любителей игровых видов спорта.

В этих условиях заниматься вместе с незнакомыми людьми, да к тому же что-то показывать из техники ка-

ратэ стало небезопасным, поэтому мы с Сергеем С. решили не испытывать судьбу и продолжить занятия в "узком составе" – вдвоем. Мы по-прежнему занимались на территории МГУ, в закрытых от постороннего взгляда уголках рядом со стадионом. Если погода портилась, мы перемещались к Трехзальному корпусу, где имелись ниши между колоннами: сверху не капало, да и со стороны нас не было видно, особенно в осенние дни, когда темнело рано.

Трудности возникали зимой, после больших снегопадов. Приходилось сначала расчищать снег между колоннами Трехзального корпуса, потом брать песок из ящика пожарной безопасности и посыпать пяточок два на два метра.

Связи с Японией у меня не было. Во время стажировки нам запрещали сообщать свой домашний адрес, поэтому мы все оставляли адрес МГУ. Естественно, никаких писем мы не получали, а в свете событий с Андреем С. искать контакты с японцами самостоятельно было чревато для любого из нас еще большими осложнениями в институте. Правда, одно письмо в токайский клуб каратэ я через отъезжающих из Москвы стажеров-русистов все же отправил, но ответа так и не получил.

Поздней осенью 1987 года Сергею удалось найти небольшой зал в подвале одной из школ в Черемушках. Зал едва ли подходил для занятий спортом: низкие потолки, духота, на полу – старые маты, в которых нога утопала по щиколотку, освещалось все тусклой лампочкой.

К тому же выяснилось, что одновременно с нами в зале будет заниматься группа молодых ребят из Узбекистана, охраняющих своих соотечественников на Черемушкинском рынке. Делать было нечего, зал мы честно поделили пополам. Узбеки отрабатывали удары уличного боя, много кувыркались и прыгали, при этом ни разу не заходили на нашу половину. Лампочка часто перегорала, иногда и вовсе отключалось электричество, так что и мы, и узбеки, всегда держали фонари и свечи. Занятие каратэ при свечах не казалось экзотическим развлечением.

Однажды после занятий мы не могли открыть входную дверь: то ли детишки, голоса которых мы часто слышали рядом с подвалом, вставили в замок булавку, то ли механизм замка заржавел, но ключом дверь открыть не удалось. Пришлось мне задействовать навыки каратэ: от удара маэ-гэри какато (прямой удар ногой пяткой вперед) замок вылетел, дверь распахнулась, и в стороны врассыпную бросились испуганные детишки. После этого случая узбеки стали здороваться с нами двумя руками.

К весне мы ушли из этого "зала", решив, что лучше уж по-прежнему заниматься на улице. В плохую погоду мы перебирались к Сергею домой. У него к тому времени родился сын, так что мы старались не шуметь, и тренировки сводились к отработке базовой техники стоя на месте. В то время тысячу прямых ударов руками мы выполняли в полном молчании за 18 минут.

В тот период мне неожиданно представился случай надеть до-ги. Один мой приятель, работавший в Цент-

ральном Совете спортобщества "Динамо", предложил мне посетить зал на Петровке, где тренировались люди из силовых структур. На них запрет на занятия каратэ, естественно, не распространялся. На мой вопрос, какой стиль каратэ там практикуется, приятель ответил, что это кубинское каратэ. Я еле удержался от смеха. К счастью, выяснилось, что каратэ все же японское – стиль "Дзёсинмон", основанный мастером Хосю Икэдой. Как "кубинский" этот стиль начал распространяться в начале семидесятых годов после того, как два кубинца, поучившись несколько месяцев у Икэды, вернулись на родину и стали активно пропагандировать "Дзёсинмон". Каратэ на Кубе прижилось, и даже сам Фидель Кастро провозгласил лозунг: "Каратэ – оружие революции!"

В 1978 году эти два кубинца приехали в Москву, где в течение трех месяцев обучили тридцать инструкторов из силовых ведомств. По завершении семинара кубинцы, движимые братскими социалистическими чувствами к коллегам, пятерым или шестерым присвоили сразу коричневые пояса. Каким-то чудесным образом через год некоторые из этих поясов стали черными. Никто из этих инструкторов в Японии, разумеется, не был, и не то что основателя своего стиля, но и живого японца в глаза не видел. Они-то и составляли сердцевину клуба каратэ на Петровке, где в меру своих представлений, почерпнутых из вторичного источника, учили каратэ своих товарищей по оружию.

На согласование моего прихода в зал на Петровку потребовалась неделя. И вот я, переодевшись в до-ги, стою перед входом в спортзал, ожидая прихода главного Сэнсэя. Я надел белый пояс, считая, что в незнакомый зал, где практикуется другой стиль каратэ, приходить с черным поясом неприлично. По крайней мере, так меня учили японцы.

Через приоткрытую дверь я мог рассмотреть сам спортзал: большой, просторный, светлый, с зеркалами и множеством мешков и других приспособлений для отработки ударов, с отличным покрытием.

Наконец откуда-то сбоку от меня появился Сэнсэй. Он был в черном кимоно с черным поясом, на шее у него висело полотенце. Это был мужчина лет тридцати шести, крепкого телосложения, на его красноватом лице грозно топорщились усы. Он двигался неспешно, солидно, придирчиво оглядывая все вокруг. Звали Сэнсэя Юрий Ефграфович. Когда он приблизился ко мне, я поклонился, а мой приятель попытался меня представить. Не отреагировав ни на мой поклон, ни на слова моего приятеля, Сэнсэй ткнул пальцем в надпись на левой стороне моей куртки и рявкнул: "Символику убрать! Тогда и придешь!"

"Это всего лишь название университета – здесь написано Университет «Токай»", – удивленно воскликнул я.

"Убрать, я сказал!" – вновь взревел Юрий Ефграфович, и, повернувшись к нам спиной, пошел в зал.

Я, стиснув зубы, молча пошел переодеваться. При ятель старался как-то меня успокоить, но я ему просто сказал, что у такого дурака я заниматься не собираюсь. Я слово свое сдержал. Когда много позже судьба причудливым образом свела меня со стилем "Дзёсинмон", я ни разу не тренировался под руководством Юрия Ефграфовича, пройдя весь путь в "Дзёсинмон" – от белого до черного пояса – в японских додзё.

Переодевшись, я все же решил задержаться и посмотреть, что же происходит на тренировке. Начало было убийственным. Сэнсэй закричал: "Стройся! Равняйся! Смирно!" "Э! – подумал я. – Только под военные команды не хватало заниматься каратэ!" Исполнения техники самим Сэнсэем я так и не дождался. После расчета на месте Сэнсэй перепоручил ведение тренировки одному из учеников, а сам отправился в сауну. Я ушел, жалея о потерянном времени, размышляя о причудливых метаморфозах каратэ на советской почве.

Я продолжал заниматься каратэ на улице. Как-то в конце весны 1987 года мы с Сергеем, спрятавшись от посторонних глаз за легкоатлетическим стадионом, отработывали атаки руками. К нам приблизился высокий крепкий парень восточной наружности, в шортах и безрукавке, сел на корточки метрах в пяти и стал внимательно наблюдать.

Через некоторое время, когда в нашей тренировке образовалась пауза, он подошел к нам, вежливо поздоровался и попросил разрешения посмотреть еще.

В
А
Л
Е
Р
И
ЙН
А
Т
А
Р
О
В

К нам частенько подходили разные люди. Некоторые бесцеремонно пытались выяснить, кто кого обучает – провокаторы. Кто-то назойливо набивался в друзья и даже предлагал спортзал. Мы всех сразу отсекали. Но на этот раз подошедший был корректен, ненавязчив, доброжелателен, излучал внутреннее спокойствие, уверенность.

Парня звали Даулет, он приехал из Алма-Аты учиться в аспирантуре МГУ. Про себя он скромно сказал, что десять лет занимался кунг-фу, стилем "Богомола", в небольшой группе у китайского мастера. Трудно было удержаться и не попросить Даулета что-нибудь показать из техники кунг-фу. До этого мне приходилось бывать в московских залах, где практиковали китайские виды единоборств, но выполнялось это совсем по-любительски.

Даулет легко согласился. Техника, которую он показал, впечатляла. При росте метр девяносто и весе под сто килограммов Даулет непринужденно выполнял сальто, кувырки и падения прямо на асфальте, длинные серии из подсечек и ударов ногами и руками. Было очевидно, что это не балет, а реальная, очень опасная техника, в исполнении настоящего мастера. Хотелось понять, как этой технике можно противостоять.

Мы договорились встретиться на следующий день. Даулет оказался открытым, интеллигентным человеком, мы легко нашли общий язык. Сергей, защитивший к тому времени кандидатскую диссертацию, много помогал Даулету в его аспирантских изысканиях, они стали большими друзьями.

Техника кунг-фу была непривычной, мышцы работали несколько по-другому, чем в каратэ. Поначалу я опасался, что изучение кунг-фу разрушительно скажется на моем каратэ. Ничуть не бывало, скорее, исполняемые мною комплексы из арсенала кунг-фу выдавали во мне каратиста – движения были резче и акцентированнее, не было "перетекания" из одного движения в другое.

Собственно, я и не стремился отринуть каратэ в пользу кунг-фу, напротив, старался ввести понравившиеся новые приемы в технику каратэ. Особенно много я отработывал разнообразные подсечки, способы уходов от атак. Некоторые ката, показанные Даулетом, я делаю до сих пор.

От поединков с Даулетом я получал эстетическое удовольствие. Он работал мягко, его движения были выверены. За два года регулярных поединков Даулет не нанес мне ни единой травмы, хотя наш спарринг шел на полной скорости и без подыгрывания друг другу.

На самом деле, в нашей троице универсальными качествами спортсмена обладал Сергей, хотя он это всячески скрывал, восхищаясь нашими с Даулетом поединками. Я не любил "железо", а Сергей при весе шестьдесят пять килограммов жал от груди несколько раз 120 килограммов, подтягивался на турнике сорок раз за один подход. Даулет регулярно "качался" и плавал, но терпеть не мог бег. Его терпенье хватало от силы на пять кругов по стадиону, тогда как мы с Сергеем довели наши забеги до 20 километров.

Мы занимались втроем до 1989 года. Периодически попадали в какие-то спортзалы, участвовали в поединках.

Даулет за время учебы в аспирантуре успел стать кинозвездой. Он снялся в тягучем казахском историческом фильме, где демонстрировал технику работы с разными предметами и необычайно эффектную ката с падениями и кувырками. Как и положено настоящему актеру, Даулет перед съемками сел на диету и похудел на десять килограммов. В середине 1989 года Даулет вернулся к себе в Алма-Ату. Наши с Сергеем тренировки пошли на спад. К тому времени запрет на каратэ был отменен, можно стало заниматься в спортзалах и в до-ги, но заедал быт: все свободное время, которого после работы оставалось немного, приходилось тратить на стояние в очередях за продуктами. К тому же я поступил в аспирантуру, а Сергей стал все активнее работать в правительственных структурах. Теперь мы тренировались вместе от силы два раза в неделю, а зачастую – только раз.

1990-1993. МОСКВА.

"Сито-рю", рукопашный бой, "Дзёсинмон".

Сосихан Икэда

Как-то осенью 1989 года я, заехав к родителям, встретил соседа – своего ровесника по имени Борис. Он работал где-то во Внешторге, занимался связями с Кореей. Пока вместе спускались в лифте, разговорились. Борис занимался каратэ у одного из учеников Сато-Сэнсэя, стилем "Сито-рю", некогда популярным в Московском университете. "Хочешь, приходи к нам?" – предложил Борис. "Хорошо", – легко согласился я. Перемещаться по чужим залам было для меня делом привычным. На всякий случай я уточнил, можно ли прийти в до-ги. "Конечно! А как иначе? – удивился Борис. – У нас все легально. Запрет на каратэ снят".

Я взял с собой на тренировку до-ги, прихватив на всякий случай как белый, так и черный пояса. Спортзал находился в обычной школе в районе метро "Проспект Вернадского". Группа была довольно большой – человек тридцать. Борис подвел меня сначала к Сэнсэю – среднего роста, улыбчивому, интеллигентного вида человеку, который сначала подробно расспросил, где мне приходилось заниматься, внимательно выслушал.

"Вы можете тренироваться у нас как наш гость. Думаю, что Вам надо заниматься с Вашим черным поясом, который Вы заслужили. Если Вы вдруг надумаете

перейти в наш стиль – тогда другое дело”, – сказал Сэнсэй.

Меня поставили в первый ряд – других "черных поясов", кроме меня и Сэнсэя, не было. Борис носил коричневый и готовился к экзамену на черный пояс в следующем году. Первое впечатление от "Сито-рю" – интеллектуальное каратэ. Физические нагрузки – оптимальные, без многократных повторов "через не могу". Основной упор – на чистоту техники. Большое количество отработок в парах – якусоку кумитэ. Практически к каждой ката предусмотрено по пять-шесть обязательных якусоку кумитэ, призванных разъяснить смысл выполняемых в ката движений. Кумитэ – довольно мягкое, бесконтактное, гораздо более комфортное, чем в "Вадо-рю", не говоря уже о "Сэнэ".

Тренировки в "Сито-рю" давали ощущение, что я занимаюсь настоящим японским каратэ. Это и не удивительно: благодаря Сато-Сэнсэю российская школа "Сито-рю" имела крепкие связи с Японией. Господин Сато долгие годы работал в Москве, будучи представителем торгово-промышленной палаты Японии в нашей стране. Все свое свободное время он отдавал пропаганде каратэ.

Я прозанимался в этом зале в качестве гостя около года, так и не решившись перейти в этот стиль. Честно говоря, однажды уже достигнув планки черного пояса, а после этого прозанимавшись семь лет без какой-либо перспективы сдачи экзамена и официального получения

более высокой квалификации, вливаться в новую большую структуру в качестве начинающего мне было неинтересно. Меня вполне устраивала возможность приходить на тренировки в роли "независимого эксперта" и разучивать технику стиля "Сито-рю". За год занятий я выучил ката Сэйэнтин, Сантин, Бассай-дай, Бассай-сё, Годзюсихо, Рохай.

Сэнсэй периодически просил меня выйти перед всеми и продемонстрировать какую-нибудь ката. Благодаря этому я мог регулярно повторять ката как из арсенала "Вадо-рю", так и из кунг-фу. Атмосфера в клубе "Сито-рю" была непринужденной, дружеской, так что делал я это охотно.

В клубе "Сито-рю" было много интересных людей. В основном классическим каратэ занимались люди интеллектуальных профессий. Среди всех своим темпераментом и шумной манерой общения выделялся Жора. Он носил зеленый пояс, но в кумитэ выглядел очень прилично. Жора работал в какой-то военной структуре, где ему приходилось разучивать приемы рукопашного боя. В доме в Чертаново, где жил Жора, был небольшой подвал, оборудованный под спортзал. Там Жора тренировался сам и обучал рукопашному бою и каратэ всех желающих.

Меня Жора зауважал после того, как в кумитэ я, пронеся удар ура-маваси-гэри над его головой, тут же перевел его, не опуская ногу на пол, в маваси-гэри, звонко шлепнув Жору по уху.

Я тут же был удостоен приглашения в спортзал, где Жора мне показал арсенал приемов рукопашного боя. Он рассказал, что в его конторе раз в полгода приходится сдавать экзамен, тянуть билет с вопросами, на пример: " 1. Защита от прямого удара рукой. 2. Бросок – передняя подножка. 3. Защита от удара ножом снизу. 4. Защита от угрозы пистолетом. 5. Конвоирование задержанного".

Таких билетов, по рассказам Жоры, было около тридцати. На экзамене полные от неподвижного образа жизни, лысеющие мужчины в возрасте от 30 до 45 лет, кряхтя и матерясь, надевали на себя поверх тренировочных костюмов разноцветные куртки-самбовки – красные, синие, зеленые, кое-как обматывались поясами. Им предстояло по очереди встать спиной к ассистенту, по команде прыжком повернуться и выполнить защитное действие от той атаки, которую он будет проводить. По словам Жоры, зрелище было не для слабонервных – на плановые занятия сотрудники не ходили, поэтому во время экзамена изобретали нечто свое, от чего профессионалы часами сотрясались от смеха.

Техника рукопашного была простой, понятной и в то же время очень эффективной. Схема везде одинакова: блок, затем удар, который Жора называл "отвлекающим", далее – бросок и добивание или болевой прием.

В течение полугода раз в неделю я ездил в спортзал к Жоре и довел многие из показанных мне приемов до автоматизма.

В 1991 году моя жизнь резко изменилась. Я перешел работать в "Литературную газету" с перспективой выезда в Японию в качестве собственного корреспондента.

Я продолжал заниматься каратэ – по большей части самостоятельно, для души. Регулярно пробегал семь-восемь километров. Потом тянулся, делал ката, привязывал к дереву лапу и отрабатывал удары руками и ногами. Если по каким-то причинам я не занимался каратэ больше трех дней, то ощущал дискомфорт, становился раздражительным.

В начале сентября 1992 года, когда я уже освоился в газете, опубликовал два десятка статей и начал ощущать себя матерым журналистом-международником, меня разыскал мой приятель из спортивного общества "Динамо". Мы не виделись с ним с тех пор, как по его протекции я неудачно посетил спортзал на Петровке. Приятель рассказал мне, что после событий 1991 года произошли серьезные изменения и в спортивном мире – спортивное каратэ "Динамо" вышло из-под эгиды силовых ведомств и зарегистрировалось как самостоятельная организация с помпезным названием "Европейско-Азиатский союз Дзёсинмон¹". В него вошли клубы каратэ – бывшие филиалы общества каратэ "Динамо" практически из всех бывших республик СССР. Возглавил этот Союз после долгой подковерной борьбы и отлучения конкурентов, объявленных "предателями стиля", небезызвест-

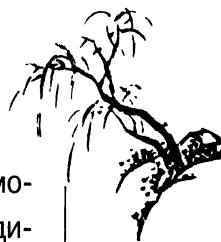
¹ Стиль «Дзёсинмон» (дословно «Врата спокойного духа»), создан в 1969 году Хосю Икэдой на основе древних окинавских стилей каратэ

ный мне Юрий Ефграфович. Тем не менее Союз был весьма зыбким, республиканские организации "Дзёсинмон" всячески пытались выйти из-под контроля Москвы. Авторитет Юрия Ефграфовича, не подкрепленный военизированными, хорошо отлаженными структурами общества "Динамо", пошел на убыль. В этой ситуации нужен был сильный ход, и он был найден: приглашение основателя стиля каратэ "Дзёсинмон" Икэды в Москву.

Добившись приезда мастера, следовало монополизировать право на контакт с ним, и тогда Юрий Ефграфович мог заставить республиканские организации с ним считаться, как прежде. Как рассказал мне приятель, переписка с Икэдой заняла более полугода: сказывались типичные для японцев осторожность и постоянные колебания в принятии решений. Но вот пришел долгожданный ответ: Икэда приезжает в середине сентября вместе с супругой Микико.

Собственно, приятель мне звонил за тем, чтобы узнать, не могу ли я поработать переводчиком с японского языка. "Нужен человек, который не просто владел бы японским языком, но и разбирался в каратэ". График работы в еженедельной газете позволял договориться и исчезнуть дней на пять-шесть. Пообщаться с Икэдой мне было крайне любопытно, денег катастрофически не хватало – а за перевод пообещали заплатить, и я согласился.

Я вновь был представлен Юрию Ефграфовичу. На этот раз он был в цивильном костюме. За прошедшие с той

памятной встречи годы лидер российского "Дзёсинмона" сильно постарел, начал как-то сутулиться. Я, видимо, тоже изменился: во всяком случае Юрий Ефграфович меня не узнал, а я счел неприличным напоминать ему обстоятельства нашей первой встречи. В конце концов, нам предстояло деловое сотрудничество, зачем его начинать с неприятных воспоминаний?

В аэропорт Шереметьево-2 выдвинулась представительная делегация из десяти человек во главе с Юрием Ефграфовичем. Он явно нервничал, повторяя: "А вдруг не прилетит?" – и тут же сам начинал себя успокаивать: "Нет, должен прилететь, ведь был факс из Японии". Было заметно, что Юрий Ефграфович возлагает на этот приезд очень большие надежды, но в успехе предприятия до конца не был уверен.

Российскому лидеру "Дзёсинмон" уже доводилось встречаться с Икэдой. Это было во время международного турнира на Кубе, куда Юрий Ефграфович привозил команду каратэ "Динамо". В устах Юрия Ефграфовича история знакомства с Икэдой звучала как легенда о назначении "крестным отцом" Икэдой "капитано Юрио" главным на российских просторах. Согласно легенде, кубинец, проводивший в свое время первый семинар по каратэ в Москве, ввел русского в полутемный гостиничный номер Икэды. Тот сидел в кресле и курил сигару. Юрия тоже усадили в кресло, и в давящей тишине он просидел около получаса под пытливым взглядом японца. После этого Юрию жестом показали, что он может

идти. Утром кубинец сообщил Юрию Ефграфовичу, что Икэда утвердил его в качестве своего заместника в европейско-азиатском регионе, ни больше ни меньше.

Скорее всего, правда этой таинственной встречи состояла в том, что Икэде захотелось просто взглянуть на русского, о котором через переводчика ему рассказывал кубинец. Но когда в комнате собрались кубинец, русский и японец, не владеющие ни одним из иностранных языков, разговаривать было просто невозможно. А популяризация истории о получении каких-то полномочий – это дело совести самого Юрия Ефграфовича. Его окружению эта история явно нравилась, ученики тоже преисполнялись почтением.

И вот наконец, после нервного выкуривания множества сигарет и выпивания нескольких чашек кофе в VIP-зале Шереметьево-2, лицо Юрия Ефграфовича, обычно суровое и не улыбочивое, вдруг просветлело: он увидел, что в дверях показались Икэда и его жена Микико.

"Обычный японец", – подумал я. Росточка маленького, сухонький, лет около пятидесяти. Явно южанин: черные выющиеся волосы и темная кожа. Затемненные очки и тоненькая ниточка усов над верхней губой делали Икэду похожим на японского гангстера – якудза. Жена Микико – тоже небольшая, подвижная, с постоянной улыбкой на лице, которую иностранцы (не японцы) зачастую ошибочно воспринимают как радостную или зовущую к общению.

Икэда похлопал застывшего в подобострастном поклоне Юрия Ефграфовича по плечу: "О! Юри-сан!"

Я подошел, представился, сказав, что буду переводить. Икэда протянул мне руку: его рукопожатие было коротким, отрывистым, настороженным. Едва коснувшись моей руки, он тут же отдернул свою руку, бросив на меня испытующий взгляд: "Жили в Японии? Занимаетесь каратэ?" – спросил Икэда, скорее из вежливости. "Да, около года, учился в университете. Каратэ тоже немного занимался", – ответил я довольно сухо. Мне казалось неприличным и неуместным, будучи приглашенным в качестве переводчика, начинать знакомство с подробных излияний о себе и тем более – о моих занятиях каратэ. Не успел я договорить, как услышал взволнованный шепот Юрия Ефграфовича: "Что это он тебя расспрашивает?" "Да так, обмен дежурными фразами", – ответил я, и он немного успокоился.

Пребывание Икэды в Москве обещало быть весьма насыщенным. За пять дней предстояло провести несколько тренировок, турнир по каратэ и показать гостю Москву во всей красе. Со стороны Юрия Ефграфовича прозвучал также намек, что он хочет о многом поговорить с Икэдой с глазу на глаз и что мне предстоит выполнить невероятно деликатную миссию.

Икэду поселили в гостинице "Узкое", на южной окраине Москвы. Живя там, гость не мог составить о Москве никакого впечатления вообще, так как из окон он видел лишь вековые деревья, а выбраться в центр самостоя-

тельно было непросто. К тому же Юрий Ефграфович распорядился поставить у дверей Икэды двоих охранников, мотивируя это соображениями безопасности. Таким образом, без ведома Юрия Ефграфовича Икэда не мог никуда выйти сам, да и к нему никто не мог зайти.

Икэда не роптал, однако при первой же беседе с Юрием Ефграфовичем дал понять, что он, находясь за границей, привык иметь больше степеней свободы.

– Я так люблю не спеша пройти по незнакомому городу, посмотреть все своими глазами.

– Что Вы, Сосихан¹! (Икэда настаивал, чтобы его называли именно так – Гранд-Мастер.) В Москве сейчас очень опасно! – забеспокоился Юрий.

– Неужели опаснее, чем в филиппинских джунглях? Я несколько лет назад совершил двухнедельный переход, и ничего.

– Гораздо опаснее! У нас по вечерам стреляют, грабят – особенно иностранцев.

– Ну Вам виднее. Я же Ваш гость, – примирительно сказал Икэда и больше к этой теме не возвращался.

Первый ужин затянулся до часа ночи. Окружение Юрия Ефграфовича буквально бомбардировало Гранд-Мастера вопросами. Особенно отличался высокий нескладный Николай, занимавшийся в российской федерации больше организационными вопросами, чем практикой каратэ. Вопросы о космической энергии, дзэн-буддизме, энергетике каратэ и тому подобные были

¹ Сосихан – дословно: Верховный Учитель, или Гранд-Мастер.

сформулированы так заумно и вычурно, что мне приходилось по несколько раз переспрашивать, что же Николай имеет в виду. Икэде эти вопросы быстро наскучили, он отвечал односложно, иногда с трудом пряча зевок: сказывался к тому же и длительный перелет из Токио.

Первые два дня пребывания Гранд-Мастера отводились на экскурсии. К тому же его приезд совпал с Днем города, и Юрий Ефграфович решил, что Икэда будет обездолен, если не увидит парада на Бородинском поле. Два дня бесконечных экскурсий для меня были весьма утомительными: приходилось говорить без умолку. Представьте японца с супругой, вокруг которых постоянно находится семь-восемь русских, из всех сил старающихся угодить высокому гостю и безостановочно что-то говорящих – под мой перевод. К концу дня хотелось просто помолчать хотя бы минут десять, побыть в тишине. Но нет. Начинался ужин, затягивавшийся в лучшем случае до полуночи. После того как Икэде все же удавалось вырваться и уйти спать, Юрий Ефграфович собирал ближнее окружение в "штабном" номере, где шли разговоры о том, что "Дзёсинмон" – лучший в мире стиль каратэ, кубинцы – лучшие учителя, а Икэда – бог, сошедший на московскую землю. Все эти разговоры шли, естественно, под водку, которую Юрий Ефграфович, похоже, мог пить как воду. Меня тоже пытались втянуть в эти бесконечные посиделки, но я под предлогом, что мне нужно иметь свежую голову для переводческой работы, садился в

машину и уезжал. К восьми утра я снова должен был быть в гостинице.

Наконец дошло дело и до каратэ. Первая тренировка под руководством Икэды была назначена в спортзале спонсоров – Люберецкого коврового завода. Юрий Ефграфович лично утверждал списки тех, кто может принять участие в этой тренировке.

"Так, этого я вычеркиваю – еще не готов к общению с Гранд-Мастером. А этот что записался – он же предал "Дзёсинмон"!" Пройдясь таким образом по списку, Юрий оставил три десятка достойных. Из оказавшихся в числе счастливых половина специально приехала из разных республик бывшего СССР, и вычеркнуть их Юрий не мог. Так что страдали в основном московские любители каратэ, успевшие привыкнуть к тому, что если в гости приезжает какой-либо японский мастер, то можно свободно прийти на его тренировку. Платные семинары появились в Москве гораздо позднее.

На первой тренировке Икэда сам не сделал ни одного движения. Он провел самую обычную, рядовую тренировку, заставив изрядно попотеть всех, включая и вставшего в первый ряд Юрий Ефграфовича, при выполнении базовой техники и пяти начальных ката.

В атмосфере чувствовалось взаимное разочарование. Икэде явно не понравилось, что у ведущих мастеров российского "Дзёсинмона" столь грязная базовая техника, о чем он практически открытым текстом и сказал: "Я рекомендовал бы вам с большим вниманием отно-

ситься к базовой технике". Российская сторона, не увидев от Икэды никаких чудес или хотя бы новых заумных ката, тоже была не в восторге, хотя тщательно это скрывала.

Последовавший за тренировкой банкет от имени спонсоров был развлечением для всех, кроме меня. Особенно испортили мне много крови представители Армении. Их тосты были бесконечными, они пытались шутить, было не смешно, но очень им хотелось, чтобы Икэда в ответ на их "шутки" рассмеялся. Мало того, что мне постоянно приходилось редактировать нетактичные и грубые для японцев фразы самого Юрия Ефграфовича, тут еще и армянские шутки расшифровывай.

Приходилось искать понятные японцам параллели, а в одном случае я, переведя буквально, что очередной раз сказал армянин, от себя добавил: "Гранд-Мастер! Это он так шутит. Посмейтесь, пожалуйста!" Икэда кивнул и громко рассмеялся. Всем вокруг вдруг тоже стало смешно.

Икэда наклонился ко мне и тихо проговорил: "Натаров-сан! Вы уж полностью мне все эти приветствия не переводите. Достаточно общего смысла. А где надо рассмеяться – подскажите, ладно?"

На следующий день был назначен турнир по каратэ. Все ждали не столько самих соревнований, сколько показательных выступлений Гранд-Мастера.

"Я завтра хочу, кроме прочего, показать технику "ао-такэ-вари" – "рубка зеленого бамбука", – сказал Икэда. – Для этого мне нужна небольшая помощь".

В номере Гранд-Мастера собрались Юрий Ефграфович, его два лучших инструктора – Зураб и Алексей и я. Зураб был невероятно здоров – когда-то лежал штангу в 150 килограммов, и, как и большинство сильных людей, был очень добродушен. Алексей приходился каким-то родственником Юрию Ефграфовичу, тот был его первым и единственным учителем каратэ, и Алексей буквально светился от обожания и преданности Юрию Ефграфовичу.

Для выполнения техники "аотакэ-вари" Икэда попросил подготовить несколько пар колец из тонкой папиросной бумаги, диаметром сантиметров пятнадцать, а также две опасные бритвы. С собой Икэда привез бамбуковую палку длиной около восьмидесяти сантиметров и толщиной около восьми. Икэда попросил встать Зураба и Алексея напротив друг друга, держа перед собой двумя руками опасные бритвы – острой стороной вверх. На бритвы были надеты бумажные кольца.

"Теперь, – сказал Икэда, – я вставлю между колец эту бамбуковую палку, а вы постарайтесь держать бритвы так, чтобы палка была параллельно полу. И не делайте резких движений: бумага очень тонкая, а бритва – острая".

Первые две попытки соорудить своеобразный висячий мост из тонких бумажных колец и бамбука закончились неудачей: под тяжестью палки бритвы легко прорезали бумагу. Ассистентам пришлось сосредоточиться, Икэда вновь плавным движением водрузил бамбук меж-

ду колец. Получилось. Это была конструкция, готовая вновь рухнуть от любого подрагивания руки ассистента.

"Хорошо, – удовлетворенно сказал Икэда. – А завтра я разрублю этот бамбук сверху вниз деревянным мечом так, что бумажные кольца останутся целыми".

Все недоверчиво переглянулись. Я переспросил Икэду, чтобы убедиться, правильно ли я все понял. Гранд-Мастер подтвердил, что именно деревянным мечом – бокэн и так, что кольца не будут разрезаны бритвами.

– Но это же против всех законов физики! Этого не может быть! – изумился Юрий Ефграфович.

– Завтра увидите, – невозмутимо ответил Икэда. – Только на всякий случай подготовьте несколько пар запасных колец: последний раз я выполнял эту технику пятнадцать лет назад. Да, и еще. Завтра я попрошу Зураба быть моим ассистентом. Сначала Зураб будет очередно наносить одиночные удары руками, а затем ногами – любой из ударов. Я покажу способы защиты.

– Вам не надо прорепетировать с Зурабом, Гранд-Мастер? – спросил Юрий Ефграфович.

– Нет, этого не требуется.

Все вновь молча переглянулись. Делать показательные приемы на публике с абсолютно незнакомым ассистентом и без предварительной подготовки? Такого никому из нас видеть не приходилось.

Как и на подавляющем большинстве турниров по каратэ, зал легко вместил всех желающих, занявших лишь треть мест в спорткомплексе ЦСКА. Собственно, сам

турнир мало кого интересовал, кроме самих спортсменов и их близких друзей. Остальные ждали Икэду.

На открытии турнира Гранд-Мастер появился в традиционном мужском кимоно и гэта¹. Сказав несколько слов на церемонии открытия, Икэда попросил минут сорок на подготовку к выступлению. Все это время публику развлекали показательными выступлениями детей и ведущих инструкторов. Зураб своим кулачищем сокрушил неотесанную доску толщиной сантиметров шесть, вызвав восхищенные вздохи женской части зрительного зала.

Меня Икэда попросил быть рядом с ним, так что я мог наблюдать весь процесс его разминки. Она сводилась к некоторым весьма несложным упражнениям. Основное время Гранд-Мастер потратил на медитативные упражнения, которые я без разрешения на то со стороны Икэды описывать здесь не вправе.

Для начала Икэда исполнил две ката – очень сложных и длинных. В зале стояла полнейшая тишина. Затем Гранд-Мастер жестом пригласил Зураба. Стокилограммовому парню здорово досталось: как только Икэда его не прикладывал к татами! Рассмотреть, что именно проделывает руками и ногами Гранд-Мастер, было невозможно. Четко виден был только результат: повергнутый в доли секунды на татами здоровенный Зураб. Потом Зураб рассказывал, что после начала собственной атаки он

¹ Гэта – национальная японская обувь.

видел только что-то вроде вспышки перед глазами, а дальше – болевые ощущения на грани переносимых: еще чуть-чуть сильнее, и болевой шок.

Дальше Икэда показал несколько техник работы с шестом – бо¹, один и в паре с Микико. Ее техника отличалась отточенностью и четкостью. Ката с бо в исполнении Микико выглядело как недостижимый эталон мастерства работы с до-гу².

Наконец диктор, роль которого взял на себя любознательный Николай, приглушенным голосом произнес: "А сейчас Гранд-Мастер исполнит редкую окинавскую технику "аотакэ-вари". Смотрите очень внимательно!" Зал замер в предвкушении зрелища.

Зрителям сначала демонстрируются бумажные кольца, затем – опасные бритвы, которые легко перерезают бумагу. Алексей и Зураб сосредоточенно слушают указания Икэды, бережно сооружают хрупкую конструкцию, которую мне довелось видеть накануне вечером. Пока все идет нормально, бамбуковая палка висит на бумажных кольцах. Бритвы слегка подрагивают в руках ассистентов. Несколько видеокамер нацелены на Гранд-Мастера, который стоит, закрыв глаза, рядом с бамбуковой палкой, сжимая двумя руками бокэн. Острие меча смотрит в пол. И вдруг – взрыв энергии: стремительный взмах мечом, короткий крик сливается со звуком удара,

¹ Бо – круглый или продолговатый в сечении шест длиной 182 см.

² До-гу – обобщающее название боевых предметов, применяемых в каратэ.

бумажные кольца взлетают вверх, а бамбуковая палка падает на татами. Зал видит, что на полу лежат две половинки бамбуковой палки. Раздаются громкие аплодисменты. Ассистенты поднимают бумажные кольца и, похоже, сами не верят своим глазам: они целы! Поняв наконец, что произошло у них на глазах, зрители начинают подниматься со своих мест. Звучит продолжительная овация.

Я же все время неотрывно следил за лицом Икэды. В тот момент, когда бамбуковая палка разлетелась по полам, на лице Гранд-Мастера появилась печать опустошенности и невероятной усталости, по вискам заструился пот, руки безжизненно повисли и с трудом удерживали деревянный меч. Похоже, что за долю секунды он выплеснул почти весь свой энергетический запас.

Гранд-Мастер ушел за кулисы под непрекращающийся шквал аплодисментов. На трибуне он появился минут через двадцать, свежий, бодрый и улыбающийся. Сами соревнования Икэде толком посмотреть не удалось: он постоянно раздавал автографы.

Я потом неоднократно просматривал видеозапись техники "аотакэ-вари". Даже в замедленном просмотре виден только момент взмаха меча и конечная фаза. Сделать раскадровку, чтобы понять, как же все-таки Икэда выполняет эту технику, так и не удалось.

На следующий день в программе пребывания Икэды стояло два пункта: утром – проведение специальной

тренировки для руководящего ядра "Дзёсинмона" и вечером – выезд на шашлыки. На "секретную тренировку" было допущено только восемь человек.

– А можно я тоже в до-ги приду? – напрямик спросил я Юрия Ефграфовича. – Стоять и просто переводить скучновато.

– Ладно, – милостиво разрешил он.

Мы приехали в какой-то НИИ на углу улиц Волгина и Миклухо-Маклая, где находился спортивный комплекс с небольшим и очень уютным спортзалом.

Я надел все то же до-ги с синими иероглифами, черный пояс и с поклоном вошел в зал, где уже разминался Икэда. Он с интересом посмотрел в мою сторону, но ничего не сказал. Юрий Ефграфович как-то задумчиво изучал надпись на моей куртке. Мне даже показалось, что он мучительно вспоминает, где он уже видел эту надпись, но тоже ничего не сказал.

Тренировка была весьма познавательной. В основном эта была работа в парах. Что удивительно, многое из того, что показал на тренировке Икэда, было близко по исполнению той технике, которой поделился со мной Даулет. Прежде всего это была техника одновременной работы руками при переходе от защиты к контратаке. Я машинально сделал серию движений, которую мне показал Даулет. Стоявший в это время рядом Икэда произнес удивленно: "О!"

В конце тренировки Икэда показал те типичные ошибки в базовой технике, которые он подметил в ходе

первой тренировки и призвал "элиту российского "Дзё-синмона" приложить усилия к их устранению. После общего завершающего поклона Гранд-Мастер произнес небольшую речь, поблагодарил Юрия-сана за усилия по организации турнира и поездки в целом, а потом вдруг сказал: "Я был сегодня приятно удивлен, что наш переводчик, оказывается, имеет хороший уровень каратэ, не уступающий здесь присутствующим. Я думаю, Натаров-сан, Вам надо в дальнейшем тренироваться вместе с этой группой". Микико согласно закивала, а я смущенно замолчал, не зная, переводить ли мне эту фразу или нет. Юрий Ефграфович обернулся и вопросительно посмотрел на меня. Икэда, увидев мои колебания, сказал: "Не стесняйтесь! Переведите мою фразу дословно!"

Делать нечего. Я ровным голосом, как будто речь и не обо мне вовсе, перевел. Юрий Ефграфович вновь обернулся, взгляд его был недобрый.

К предстоящим шашлыкам Юрий Ефграфович разработал целую стратегию. Суть ее состояла в том, чтобы на фоне красивого заката среди сосен, у озера, поев и попив вдоволь, поговорить с Икэдой с глазу на глаз о том, что главный и единственный представитель "Дзё-синмона" на постсоветском пространстве есть Юрий-сан. От Икэды надо было обязательно добиться подтверждения того, что все контакты с Японией будут осуществляться централизованно. Причины для опасений у Юрия Ефграфовича были: к Икэде в ходе турнира неод-

нократно подходили представители Армении, Болгарии, Эстонии, а также Екатеринбурга, и настойчиво звали Гранд-Мастера к себе в гости. Ребята из Екатеринбурга открытым текстом заявляли, что они в состоянии принять Икэду сами по высшему классу – пусть только скажет когда. Юрий Ефграфович, слыша такие речи, нервничал и требовал от меня подобные высказывания не переводить.

Все было замечательно: озеро, сосны, лужайка, костер, хорошее вино, нежный шашлык, приготовленный Зурабом, тихий сентябрьский закат. Икэда отошел к кромке воды и наслаждался среднерусским пейзажем.

Я тоже отошел в сторонку. "Валерий! Где Валерий?" – услышал я зычный голос Юрия Ефграфовича.

– Я здесь, – нехотя отозвался я.

– Пора! Сейчас будет самое важное! Смотри, как я сейчас все виртуозно проделаю!

– Ну пошли, – я безразлично пожал плечами.

– Гранд-Мастер! Красиво, не правда ли? Это и есть очарование русской осени, скорее бабьего лета. Мы, русские, очень любим эту пору. Как сказал поэт Некрасов..." – Юрий Ефграфович говорил нараспев, странно вытягивая шею, похожий в это время не на каратиста, а скорее, на поэта-декадента. Я переводил, подхватив эту завывающую манеру, судорожно на ходу корректируя фразы так, чтобы японец смог прочувствовать очарование теплых осенних дней. Икэда молча кивал, продолжая глядеть куда-то вдаль.

– Может быть, мы немного пройдемся? – вдруг безо всякого перехода сказал Юрий Ефграфович. – У меня есть к Вам, Гранд-Мастер, важный разговор.

– Хорошо, – согласился Икэда, с неохотой отрываясь от зрелища заката. – Что Вы хотите сказать?

И Юрий Ефграфович без прикрас рассказал о ситуации в российском "Дзёсинмоне", о возможном расколе, о предателях стиля и даже о "еврейском заговоре": евреи в лице некоего Линдера будто бы активно внедряют своих людей в российский "Дзёсинмон" с тем, чтобы его возглавить. Всю эту труху я добросовестно перевел, уже не в силах как-то смягчать формулировки.

– И чего же Вы хотите? – спросил Икэда, явно озадаченный услышанным.

– Чтобы все официальные контакты с Вами шли только через меня.

– Это разумно, – ответил Икэда. – Вы стоите во главе большой организации, и в целях сохранения ее единства я готов согласиться с тем, что любые запросы ко мне – будь то от Болгарии, Армении или Екатеринбурга – должны в первую очередь направляться Вам.

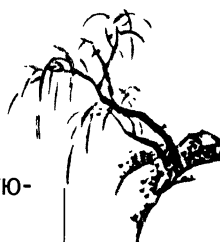
– Да, именно это я имел в виду, – поспешно произнес Юрий Ефграфович.

– Хорошо. Завтра во время церемонии прощания я скажу об этом. А сейчас я хотел бы немного побыть один.

– Конечно, конечно, – буквально пропел Юрий-сан.

Мы оставили Икэду в одиночестве.

– Ну как? Ты слышал, как я мастерски провел беседу?

Сначала о природе, потом о деле! Учись! – торжествуяще произнес Юрий Ефграфович.

Икэда действительно во время прощания призвал все региональные организации всячески поддерживать Юрия-сана и все контакты с Японией, включая возможные приглашения, строить через Москву.

– Вот, например, Армения хочет пригласить меня к себе. Я рад этому. Но сначала они должны послать письмо Юрию-сан, он свяжется со мной, и мы решим, в какие сроки мы с ним сможем к вам приехать, – разъяснял Икэда.

Все, особенно армяне, приуныли: придется и дальше терпеть Юрия Ефграфовича.

Икэда пообещал приехать в Москву и на следующий год, дружески похлопав по плечу Юрия Ефграфовича. Тот зарделся от удовольствия и начал низко и подобострастно кланяться.

Икэда улетел в Японию.

– Ты слышал, что сказал Икэда? Так что приходи, будешь у меня тренироваться. Ты теперь наш, дзёсинмоновский! – сказал мне Юрий Ефграфович по дороге из аэропорта.

– Я подумаю, – уклончиво ответил я, не испытывая ни малейшего желания отстраиваться в ряды под Юрия Ефграфовича. – Кстати, у нас с вами остался нерешенным финансовый вопрос.

Юрий Ефграфович поморщился, как от зубной боли.

– А я думал, ты теперь наш. Понимаешь, мы сейчас

здорово потратились на турнир, полностью с тобой рассчитывать не можем. Вот, держи. Здесь сорок долларов. Позвони мне завтра, все уладим.

Перевод с японского языка в то время, даже по дружбе, стоил никак не меньше ста долларов в день. Это при нормированном рабочем дне – с 9 до 18. Ночные посиделки, которых набегало в день еще по шесть часов, обычно оплачивались по двойному тарифу. Простая арифметика показывала, что мне была выплачена мизерная сумма, никак не сопоставимая с объемом проделанной работы. "Ну и черт с тобой, – подумал я. – Зато с Икэдой познакомился".

В то время уже начали намечаться контуры моей командировки в Японию, и у меня зародилась мысль, что, возможно, у такого мастера имело бы смысл позаниматься каратэ.

Тем не менее, я позвонил Юрию Ефграфовичу. Он под разными предлогами откладывал нашу встречу, которая произошла спустя две недели после моего первого напоминания о себе.

Мне был торжественно вручен конверт, в котором оказалось... пятьдесят долларов.

Больше года я ничего не слышал ни о Юрии Ефграфовиче, ни о делах российского "Дзёсинмона". У меня хватало своих проблем, связанных с командировкой в Японию. Дело уже дошло до запроса визы и тут застопорилось. Каратэ я занимался самостоятельно, иногда заезжая к приятелям в спортзалы: к Борису или Жоре.

В ноябре 1993 года мне позвонил сам Юрий Ефграфович. Без длинного предисловия он сообщил мне, что в Москву вновь едет Икэда, на этот раз со своим любимым учеником. "Выручай! Без тебя у нас ничего не получится. Да и Икэда будет рад тебя видеть! – довольно напористо заговорил Юрий Ефграфович. – А о деньгах не беспокойся, не обидим!"

Я испытал двойственное чувство. С одной стороны, можно было обидеться и наотрез отказаться, припомнив, как мало мне в прошлый раз заплатили. Но с другой стороны, Икэда ехал на этот раз на сборы – неделя тренировок под его непосредственным руководством!

Кто-то может повертеть пальцем у виска, но я согласился.

Опять вот так, не оговаривая точного размера своего гонорара.

Начало ноября 1993 года выдалось неожиданно снежным и холодным. Мели самые настоящие метели, снег плотным слоем лег на землю.

На этот раз общаться предстояло на подмосковной спортбазе "Олимпиец", недалеко от аэропорта "Шереметьево". С большим трудом на своем "жигуленке" продираюсь сквозь пургу, кляня себя за то, что так и не удосужился заменить изрядно полысевшие покрышки. Вот и "Олимпиец" – с виду типичный подмосковный дом отдыха.

Вновь вижу знакомые лица: Юрий Ефграфович, Зураб, Алексей, армяне, эстонцы, болгары. Ребята из Ека-

теринбурга. Подъехали представители из Татарстана, Молдовы, Киргизии. Представительность вполне объяснима: в конце сборов Икэда запланировал проведение квалификационного экзамена, и у участников сборов появилась редчайшая возможность получить пояс не из рук Юрия Ефграфовича, носителя техники "кубинского" каратэ, а непосредственно от основателя стиля "Дзёсинмон".

Перед самым отъездом в аэропорт выяснилось, что рейс Токио–Москва, на котором ожидалось прибытие Икэды, отложен на сутки.

Вновь, как и в прошлом году, Юрий Ефграфович погрузился в тягостные раздумья, а не передумает ли ехать Икэда. Ровно через сутки Гранд-Мастер прилетел в Москву. На этот раз его встречали на "шестисотом" "Мерседесе". Машину любезно предоставил спонсор по имени Влад, который раньше, давным-давно, занимался в первой группе инструкторов, прошедших подготовку под руководством кубинцев, потом бросил и каратэ, и службу в органах, и открыл свое охрannое бюро. В 1993 году спрос на охранников был огромный, и дела Влада шли очень хорошо. Влад был общительным, постоянно улыбающимся, веселым парнем, пересыпающим свою речь шутками-прибаутками. Он говорил с легким украинским акцентом, много жестикулировал и на любой вопрос неизменно отвечал: "Да легко! Нет проблем!"

Юрий Ефграфович всячески пытался подчеркнуть нерушимость своей дружбы с Владом, настоящим че-

ловеком, которому ничего не жалко для блага "Дзёсинмон". За то время, что я не имел счастья общаться с представителями этого стиля, в головах Юрия Ефграфовича и его ближайших помощников родилась идея, что "Дзёсинмон" – это не просто стиль каратэ, это – образ жизни. Поэтому правильнее будет его называть "Движение "Дзёсинмон". Судя по тому, кто собрался на нынешние сборы, за последний год никаких количественных и качественных сдвигов в развитии российской организации не произошло. Видимо, много энергии было потрачено на разработку концепции "Движения".

Вновь зал VIP Шереметьево-2. Появляется Икэда, он совсем не изменился. Только вместо летнего пиджака на нем легкий плащ. За ним показывается довольно высокий японец лет тридцати восьми, коротко стриженный, в круглых очках. Он с явным любопытством осматривает встречающих. Ученика Икэды зовут Конно. Гранд-Мастер представляет его как одного из ведущих мастеров стиля по бо-дзюцу (технике владения бо). Разумеется, черный пояс по каратэ. У него есть свой спортзал и два десятка учеников. Зал носит скромное название "Конно-дзюку" (школа Конно). В машине я оказываюсь рядом с Конно.

– Вы профессиональный Сэнсэй каратэ? – спрашиваю я Конно.

– Нет. Вообще-то я писатель. Пишу книги в приключенческом жанре.

В
А
Л
Е
Р
И
Й

Н
А
Т
А
Р
О
В

У Конно очень понятный, литературный японский язык, интеллигентная манера речи.

– Наверно, страшно лететь в такую холодную страну?

– Нет, я ведь уроженец Хоккайдо. Пейзаж для меня вполне привычный. А кстати, Натаров-сан, научите меня простым русским словам – как поздороваться, поблагодарить.

Я объясняю "здравствуйте" и "спасибо" и в шутку добавляю, вспомнив студенческие годы: "А когда хотят выпить, говорят: "Стакан давай!""

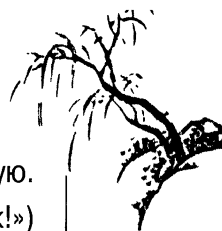
Конно с ходу повторяет все русские слова, практически без акцента, лишь чуть-чуть споткнувшись на обилии согласных в приветствии.

Сидевший слева от Конно Икэда радостно засмеялся: "Ну Конно, ты молодец!", а Юрий Ефграфович обернулся ко мне с переднего сиденья и тихим голосом серьезно произнес: "Ты поаккуратнее с ним! Что-то быстро он русские слова запоминает. Может он вообще русский знает? Похож на шпиона или полицейского!"

Эта подозрительность Юрия Ефграфовича в отношении Конно не покидала его до самого отъезда японцев из Москвы.

На ужине, поднимая первый бокал за приезд, Икэда неожиданно произносит: "Стакан давай!" Все развеселились.

Я говорю Икэде: "Ого! Да Вы полиглот побольше, чем Конно!"

"Нет, что Вы, просто эта фраза похожа на японскую. Вот послушайте: "Сита канда ва! («Я прикусила язык!») Похоже, правда?"

Спорткомплекс "Олимпиец" уже несколько лет работал в режиме простой, недорогой подмосковной гостиницы. От спортивных сооружений уцелел только большой спортзал. И бассейн, и стадион на улице выглядели так, будто они подверглись бомбардировкам.

Резкие холода как всегда явились полной неожиданностью для администрации гостиницы, поэтому в номерах не топили, и было нестерпимо холодно. Пришлось организаторам сборов завозить обогреватели. В комнаты Икэды и Конно поставили по три штуки. Мне достался один. Но как обогреть спортзал? Термометр на стенке показывал всего плюс четыре! Непонятно где удалось раздобыть устройство, внешне похожее на большую турбину самолета. Оно громко монотонно гудело, выбрасывая перед собой струю теплого воздуха. От этого гула через десять минут начинала пухнуть голова, слов вообще было не разобрать. Пробная тренировка – без Икэды – показала, что босиком заниматься, конечно, можно, но преодолевая большой дискомфорт.

Когда сказали об этом Икэде, он сразу же предложил заниматься в кроссовках. Правда, сам он такого варианта для себя не предусмотрел, поэтому Зурабу пришлось съездить в магазин "Рибок" и купить Гранд-Мастеру кроссовки. Заодно был доставлен и армейский полушу-

В
А
Л
Е
Р
И
Й

Н
А
Т
А
Р
О
В

бок, потому что в своем легком плаще Икэда не смог бы и носа на улицу высунуть.

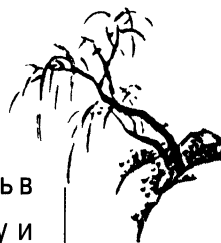
Вновь буквально под двери Икэды была посажена круглосуточная охрана. Первым заступил на пост высокий парень в камуфляжной форме, с армейским штык-ножом на боку.

"Помнишь, я говорил Икэде про агентов Линдера? – сказал мне Юрий Ефграфович. – Так вот он – один из них!" И Юрий кивнул в сторону этого парня.

Между тем парень вел себя абсолютно лояльно к Юрию Ефграфовичу, согласно кивал курчавой головой, когда тот о чем-то его просил, легко и непринужденно поддерживал контакт с окружающими, заразительно смеялся и всегда пребывал в хорошем расположении духа.

Звали его Тимофей. Мы с ним разговорились.

Тимофей занимался "Дзёсинмон", но не у Юрия Ефграфовича, а у другого инструктора из того же первого "кубинского" выпуска, недавно получил черный пояс первый дан. Окончив заочный юридический институт, некоторое время работал на таможне. Как я понял, у Тимофея есть свой зал и полтора десятка учеников. В отличие от подавляющего большинства собравшихся, Тимофей мог более или менее сносно выразить свою мысль на английском, что позволило ему напрямую общаться с Конно. Они как-то сразу понравились друг другу, что встретило глухое раздражение со стороны Юрия Ефграфовича: "Агенты Линдера охмуряют нашего японца".

Предполагалось провести по две тренировки в день в течение четырех дней, а на пятый – одну тренировку и экзамен.

На первую тренировку я надел до-ги, но быстро убедился, что тренировки в форме семинара, когда идет много разъяснений, не позволяют совмещать занятия с переводом. Поэтому со второй тренировки я облачился в теплый тренировочный костюм. Перекричать гул турбины было практически невозможно, поэтому во время разъяснений все окружали Икэду плотным полукольцом.

Снова львиную долю времени Икэда потратил на чистку техники – от базовых движений до высших ката. Конно только удивленно крутил головой, приговаривая, что в Японии Гранд-Мастер такой черновой работой давно не занимается.

"Стиль "Дзёсинмон" состоит из трех неразрывных частей: собственно каратэ, будзюцу (техника работы с предметами) и сэйтай (энергетическая саморегуляция). Это одна из главных особенностей стиля. Поэтому в "Дзёсинмон" есть чем заняться и после завершения активного этапа спортивного каратэ, вплоть до глубокой старости, – разъяснял Икэда. – Я покажу вам основные комплексы сэйтай, а также займемся, если не возражаете, базовой техникой работы с бо".

Я перевел, все согласно закивали. "Пожалуй, рано вешать кимоно на гвоздь, – подумал я. – Если все же доеду до Японии, то непременно займусь, но не с наскака, а

не спеша, по порядку. В оригинале, в отличие от "кубинской" версии в русском исполнении, оказывается, есть много притягательного". Все дни сборов я внимательно наблюдал за тем, как строят объяснения Гранд-Мастер и Конно. Я находил в их манере много сходства с манерой Оцуки "Второго": та же тщательность, корректность, доброжелательность. Нельзя брать уроки у человека, если не чувствуешь исходящего от него доброжелательного отношения.

В течение четырех дней шли тренировки. Они были не очень насыщенными с физической точки зрения, но объемом новой информации, особенно по технике бо и сэйти, был значительным. Конно действительно виртуозно владел бо, при этом он умел просто и доходчиво разъяснять, как лучше и быстрее освоить ту или иную технику. Часть занятий, которая была по священа сэйти, сознательно не описываю. Замечу только, что более или менее уверенно я стал обращаться с техникой сэйти только после трех лет регулярных занятий непосредственно в Японии.

С завершением тренировок моя работа в качестве переводчика не заканчивалась. После ужина каждый вечер проводились встречи с делегациями из других республик. Начало в восемь вечера, завершение как получится, но не раньше часа ночи. Схема – стандартная: Икэда и Конно усаживаются в кресла в холле гостиницы, по правую руку – Юрий Ефграфович, по левую – я. Вокруг журнального столика на стульях размещаются чле-

ны той делегации, чья очередь общаться с Гранд-Мастером.

Поначалу все были скованны: робкие вопросы, как правило, невероятно заумные, в стиле любознательного Николая, об энергетике, космосе, дзэн-буддизме. Потом Икэда предлагал открыть бутылку, которую приносили в качестве подарка члены делегации. Гранд-Мастер произносил ставшее уже привычным "Стакан давай!" Атмосфера становилась непринужденной, а вопросы – житейскими, простыми.

Потом Икэда приносил баночку с каким-нибудь японским "деликатесом", типа протухших бобов "натто" или не в меру пикантных кусочков маринованной рыбы, угощал окружающих, с интересом наблюдая за реакцией. По правде говоря, не все японцы это едят, но наши мужественно ели и еще нахваливали. Икэду это страшно забавляло: "Надо же! Нравится! А новозеландцы сразу выплевывают!"

Конно по большей части на этих встречах помалкивал, лишь иногда вставляя короткие реплики. Однажды речь зашла о кунг-фу, о Китае, и Конно изобразил, как говорят китайцы. Получилось очень смешно.

– А русских – сможете изобразить? – спросил кто-то.

– Попробую. – И Конно, нахмутив лоб, точь-в-точь, как Юрий Ефграфович, стал издавать нечленораздельные звуки. Интонации были переданы удивительно верно!

Уже позже, в Японии, я имел много возможностей

убедиться в том, что точное подражание кому-либо или чему-либо является характерной чертой японцев в целом. Конкурсы подражаний – "моно-манэ" – в Японии собирают десятки тысяч участников, а мастера этого жанра имеют в своей коллекции до двухсот подражаний различным певцам и актерам, включая зарубежных.

Как-то перед одной из таких встреч с делегацией произошел казус. После ужина мы поднимались на лифте с Икэдой, и вдруг лифт застрял. Я, понажимав на все кнопки и ничего не добившись, вызвал диспетчера. Мы молча ждали, когда же лифт поедет. Вдруг Икэда поднял на меня глаза и сказал, показывая на меня пальцем: "Хороший у Вас галстук, Натаров-сан!" Я от неожиданности хмыкнул и ответил: "А как же! Сделано в Италии!" Мой ответ довел Икэду до истерического хохота. Он стал тыкать в мои ботинки, потом в рубашку: "А это тоже сделано в Италии? Ха-ха-ха!!!" Через пять минут лифт поехал, и мы благополучно из него выбрались.

В последующие дни при виде меня Икэда спрашивал ехидным голосом: "На Вас сегодня новый галстук! Он тоже сделан в Италии? Ха-ха-ха!!" Мне эта шутка была не до конца понятна, но, появившись на очередной встрече в другом галстуке, я, опередив вопрос Икэды, сам сказал: "А этот галстук сделан в Японии!" И мы оба весело рассмеялись.

Но вот настал пятый день. Икэда предупредил всех, что в первую очередь он будет на экзамене обращать

внимание на то, удалось ли устранить технические погрешности, на которые он указывал.

На время экзамена механизм для подогрева воздуха решено было выключить. За столом посередине сидел Икэда, слева – Конно, справа – я. При просмотре видеозаписи создается иллюзия, что именно в таком составе комиссия и принимает экзамен: мы втроем сидим в пиджаках и галстуках, чинно и спокойно, а вокруг суетятся люди в спортивной одежде. Юрий Ефграфович был в доги, он тоже собирался сдавать экзамен и рассчитывал получить если не пятый, то хотя бы четвертый дан. Третий дан ему присвоили кубинцы несколько лет назад.

Экзамен длился более двух часов, и я, сидя все это время неподвижно, жутко продрог. Сам экзамен мало чем отличался от обычной тренировки. Икэда вызывал по пять-шесть человек сразу, Конно командовал, что надо делать, а я в случае необходимости переводил его слова.

Гранд-Мастер смотрел на очередную группу претендентов не более тридцати секунд, быстро помечал себе что-то, а затем погружался в дрему. Претенденты этого не могли видеть, так как изо всех сил продолжали сдавать экзамен.

Влад тоже вышел сдавать экзамен, поддавшись на уговоры Юрия Ефграфовича, хотя до этих сборов не тренировался лет семь или восемь. Естественно, он путался в движениях ката, хотя было видно, что когда-то он был вполне приличным каратистом.

В
А
Л
Е
Р
И
Й

Сам Юрий Ефграфович вышел в числе последних. Он очень старался, но было заметно, что физические кондиции его подводят. Спина почему-то все время горбилась, что портило впечатление от его техники. Он никак не смотрелся лучше других претендентов на более скромные степени мастерства.

Н
А
Т
А
Р
О
В

Экзамен закончился. Икэда попросил тайм-аут для осмысления увиденного, сказав, что результаты будут оглашены несколько позже.

Гранд-Мастер поступил мудро и великодушно. Он поднял всем квалификацию на одну ступень: обладателям ученических разрядов – на один кю, обладателям данов – на полступени, воспользовавшись тем, что в "Дзёсинмон" существует понятие "хо" – кандидат. То есть обладателям первого дана он присвоил второй дан-хо (кандидат на степень второй дан). Икэда, правда, не мог знать особенностей российского менталитета. Буквально через неделю никто из прошедших экзамен и не вспоминал, что там есть какая-то приставка "хо": просто "второй дан"!

Юрий Ефграфович получил, таким образом, четвертый дан-хо и был этим какое-то время раздосадован. Приставка "хо", как водится, позже где-то затерялась.

По завершении экзамена был запланирован банкет в той столовой, где мы ели все эти дни. Столовая состояла из нескольких смежных залов, и, помимо нас, в ней всегда кто-то находился. Многие организации снимали помещения в спорткомплексе – кинозал и столовую с

баром для проведения семинаров или конференций. В последний день появилось около полусотни раскормленных тетешек в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет.

Не успели сесть за праздничный стол, как из соседнего зала раздалось громкое заывание десятков женских голосов: "Вот кто-тааа с горачки-и-и спустился-и-и..."

– Что там происходит? – спросил Икэда.

– Это работницы пенсионного фонда гуляют, – пояснил Юрий Ефграфович. – Симпозиум.

Я перевел. Икэда необычайно развеселился, повторяя на все лады: "Надо же! Симпозиум! Симпозиум!"

Этот эпизод Гранд-Мастер с удовольствием вспоминал и по прошествии пяти лет, когда речь заходила о его поездках в Москву.

На следующий день начиналась неофициальная программа. В ней значились два дня экскурсий, небольшой турнир с показательным выступлением Икэды и Конно, прощальный ужин.

Икэду решено было перевезти в Москву, вернее, на ту же южную окраину, что и в прошлом году – в гостиницу "Узкое".

Влад на переезд "Мерседеса" почему-то не дал. Хватились, а ехать и не на чем. В результате в мою бывалую "шестерку" с лысой резиной посадили Гранд-Мастера, Конно и Юрия Ефграфовича. Была настоящая пурга, я ехал с зажженными фарами, зад машины на ок-

ружной кольцевой дороге постоянно водило вправо-влево. Один раз я чудом не выехал на встречную, попав в занос. Но все обошлось, довез всех живыми и невредимыми.

В неофициальной программе я не мог участвовать: визовые дела требовали моего присутствия в газете. Юрий Ефграфович был об этом заранее предупрежден, поэтому он через знакомых на эти два дня нашел какую-то студентку четвертого курса частного университета. Та появилась в гостинице вскоре после нашего приезда и буквально с порога заявила, что у нее уже есть опыт работы с японцами и она хочет за труды пятьдесят долларов в день.

Я аккуратно поинтересовался, что же это за опыт.

– Я три дня работала с японцем, провела ему экскурсию в Кремль и по городу! – уверенно ответила девица.

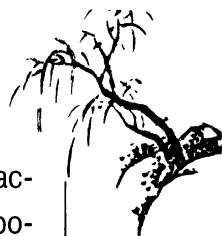
– И это все?!

– Разве этого мало? И вообще я – ученица... – и тут она назвала фамилию преподавателя, руководившего нашей группой стажеров в университете "Токай".

– А! Ну тогда удачи! – сказал я и, попрощавшись, уехал.

Юрий Ефграфович попросил меня приехать на турнир и на прощальный банкет, поэтому с японцами у меня еще предстояли встречи.

Через два дня, уладив свои дела и убедившись, что в ближайшие месяц-два визы в Японию не будет, я приехал на турнир по каратэ.

Тот же зал ЦСКА. Зрителей совсем мало. Гранд-Мастер ограничился пятиминутным выступлением, побросав по-всякому Конно. Затем Конно выполнил ката с бо, но как-то вяло, без огонька.

Оказалось, что в ночь перед турниром состоялась грандиозная попойка, и Конно с утра был попросту болен.

Девница-переводчица держалась незаметно, гонору у нее заметно поубавилось.

– Ну как переводчица? – спросил я Юрия Ефграфовича.

– Да вообще ни хрена не понимает! Икэда говорит что-то, а она молчит. Намучались мы с ней! Я уж на нее устал орать! А с нее как с гуся вода! Представляешь, подошла только что ко мне и говорит: "Я свою работу закончила. С вас за два дня сто долларов"! Я ее чуть не убил!

– Ценить надо хорошие кадры, – не удержался я. – Беречь их, платить вовремя!

– Старик! Да мы на тебя молимся!

Я промолчал.

Прощальный банкет прошел довольно тихо, если не считать подначивания Икэды по поводу моего итальянского галстука. Конно тоже включился в игру.

– А что, Натаров-сан, давайте меняться галстуками!

– Легко! – сказал я, подражая манере речи Влада. Все, включая его, засмеялись.

Мы на самом деле обменялись галстуками. Тогда мы

В
А
Л
Е
Р
И
Й

Н
А
Т
А
Р
О
В

еще не знали, что совсем скоро, через четыре месяца, мы снова встретимся. Но уже в Японии, где мне предстояло три с половиной года журналистской работы. И занятий каратэ "Дзёсинмон".

1994-1997. ТОКИО. Стиль "Дзёсинмон"'''

В марте 1994 года я наконец получил визу в Японию. После отъезда Икэды и Конно я твердо для себя решил, что если доберусь до Токио, то буду заниматься "Дзёсинмон".

С января по март я, чтобы выучить порядок базовых комплексов и ката этого стиля, ходил в спортзал к Тимофею. Он в то время был полон амбициозных планов, стремясь создать на базе своего клуба из пятнадцати человек Всероссийскую ассоциацию, ни больше ни меньше. Меня все эти игры в "федерации" и "ассоциации" мало интересовали. С Тимофеем у меня в то время были вполне дружеские отношения. Его зал находился в центре города, что меня очень устраивало.

За три месяца я получил лишь общее представление об особенностях базовой техники и ката "Дзёсинмон". Было очевидно, что Тимофей, обучавшийся у российского сэнсэя "кубинского каратэ", допускает искажения, и, кроме порядка технических действий, учить что-либо в его зале не имеет смысла.

И вот, спустя одиннадцать лет, я снова в Японии! Свои перипетии с открытием корпункта в Токио я подробно описал в книге "Записки япономена". Первые три месяца у меня ушли на поиски жилья, покупку мебели и вхождение в работу собственного корреспондента "Литературной газеты" в Японии: надо было сразу показать, что

я приехал не зря и как журналист, которому доверили открытие корпункта, чего-то стою.

Буквально на следующий день после прилета я позвонил Конно. Японец поначалу был изумлен. "Как? Натаров-сан! Вы – в Токио?!" Я сказал, что приехал работать, но в свободное время хотел бы заняться каратэ "Дзёсинмон". Конно продиктовал телефон Икэды, добавив, что чуть позже, когда я войду в русло токийской жизни и налажу быт, надо будет непременно встретиться.

Позже я перезвонил Икэде – реакция такая же, как у Конно – изумление: "Не может быть!" В ответ на мое желание встретиться Икэда тут же согласился: "Можно сегодня часов в шесть. Вы знаете станцию Такада-но баба, Натаров-сан?"

– Конечно, не знаю – я же прилетел всего сутки назад. Смешное название, и легко запоминается – Такада-но баба!

Икэда терпеливо объяснил. Все предельно ясно – кольцевая линия Джэй-Ар "Яма-нотэ сэн". Станция Такада-но баба – вторая после знакомой мне еще со времени стажировки станции Синдзюку. Большой выход. Направо. Пять минут пешком до кафе "Ренуар" вверх по улице.

Приезжаю на Такада-но баба в полшестого. На удивление легко нахожу кафе "Ренуар" – с большими витринами, просторное, с уютными креслами и небольшим фонтанчиком посередине. Заказываю кофе, жду. Ровно в шесть появляется Икэда. Он совсем не изменился:

манерами и одеждой все так же напоминает мафиози, но в японских реалиях это сходство делается еще более броским. Икэда не один. Его сопровождает довольно плотный, коротко стриженный японец в маленьких очках. На вид ему лет сорок. В руках он держит объемную спортивную сумку. После короткого ритуала приветствий – Икэда в свойственной ему манере легонько хлопает меня по плечу – усаживаемся за стол. "Это Хацуки – мой ученик. У него свой зал. Кстати, он тоже журналист", – представляет Икэда своего спутника. Тот произносит в ответ дежурную приветственную фразу. Голос у него низкий, хриловатый. Поговорив о том, о сем – как там, в Москве, как Юрий Ефграфович, привез ли я с собой итальянский галстук (хочоchem с Икэдой), переходим к каратэ. "Конно мне сказал, ты хотел бы заниматься "Дзёсинмон"?" – спрашивает Икэда. Я утвердительно киваю. Икэда ненадолго погрузился в раздумья.

"У него хорошая техника каратэ – типичная студенческая манера. Сразу видно – обучался в Японии", – говорит Икэда Хацуки, кивая на меня.

"А, вот как! А я думал, Вы просто переводчик в российском "Дзёсинмоне"! – сказал Хацуки, обращаясь ко мне. Манера речи у Хацуки для восприятия иностранца трудновата. Он говорит бегло, обрывками фраз, перемежает речь множеством восклицаний.

"Давайте так, Натаров-сан! – говорит Икэда. – Вам понадобится какое-то время на акклиматизацию, на

привыкание к японской жизни. После того как Вы почувствуете, что привыкли, можете начать заниматься в моем зале, а также в зале Хацуки. Тренировки в моем зале – в среду и четверг с семи тридцати до девяти тридцати, в субботу – свободная тренировка с четырех до шести. У Хацуки занятия также по вечерам – во вторник и в пятницу”.

Пока Икэда объяснял мне расписание занятий, Хацуки успел на листке бумаги изобразить две схемы – как добраться до зала Икэды и как – до его зала. Сбоку от схем Хацуки начал было писать названия иероглифами, потом остановился, посмотрел на меня:

– А Вы иероглифы читаете?

– Японские газеты читаю. Что-то даже понимаю.

– О! Это здорово! Молодец!

В последующий месяц, как и предсказывал Икэда, мне было не до каратэ. Налаживание быта и вхождение в работу потребовали много усилий. Только в середине мая я достал из стола нарисованную Хацуки схему, сложил в сумку изрядно потрепанное до-ги и поехал в зал к Икэде. От станции Готанда, рядом с которой я снял квартиру, до зала Икэды, расположенного у станции Син-Окубо, двадцать минут езды на электропоезде. Можно поехать и на машине. Но это семь вечера – самый час пик!

Выбираю поезд. Теснота. Сразу вспоминается привычка японцев до последнего момента сидеть на месте, и только после того, как дверь вагона открывается, мол-

ча протискиваться сквозь соплеменников. Никто не ругается, не возмущается – просто, как в водном поло, на поверхности невозмутимые лица, а внизу идет яростная толкотня ногами и локтями.

Пользуясь своими большими по местным меркам габаритами и врожденным страхом японцев перед иностранцами, легко выхожу на станции Син-Окубо. Десять минут пешком по торговой улочке, и я у входа в гостиницу.

"Страда" – гостиница бизнес-класса, чистая, ухоженная, в холле много цветов, играет спокойная музыка. Спортзал находится на подземном этаже – В-2, на один ярус ниже парковки.

Спускаюсь вниз на лифте, переодеваюсь в маленькой раздевалке, кладу вещи в шкаф. Опять я стою перед дилеммой: подпоясываться черным поясом или белым. Пока останавливаю свой выбор на черном.

Несколько ступенек вниз, поклон, и я в зале самого Икэды! Вот так, буднично, как к себе домой, я зашел в зал, о котором мечтают многие тысячи последователей "Дзёсинмон" в России, Америке, на Кубе...

Жена Икэды Микико уже в зале, радостно, как и положено японкам в подобных случаях, приветствует меня.

Зал небольшой, уютный, гладкое деревянное покрытие, стены отделаны деревом. Парадная стена – сёмэн – украшена большим флагом с эмблемой и надписью "Штаб-квартира стиля "Дзёсинмон", Токио".

В зале Икэды, носящем название "Кисэйкай" (дословно – Клуб сильных духом), занимается в общей сложности двенадцать человек. Из них десять – это первый и второй состав национальных сборных стиля "Дзёсинмон". Возраст – от 22 до 28 лет. Отличные физические кондиции. В тренировках явный упор на поединки – кумитэ. И физически, и психологически чувствую себя в зале комфортно. Жаль, что не попал в этот зал, скажем, пятью годами раньше, когда поединки были на пике моего интереса. В тридцать три года уже сложно оставаться в рамках узкой нацеленности на победу в соревнованиях и тренироваться в режиме профессионального спортсмена. Тем более что работа журналиста неизбежно ведет к частым нарушениям спортивного режима.

Икэда появился где-то к середине тренировки, кивнул в ответ на громогласное приветствие прервавших тренировку учеников, сел в уголке за стол, закурил, стал наблюдать. Икэда не переоделся в до-ги и даже не снял бордовый пиджак. Бордовые тона всегда присутствовали в одежде Икэды.

Собственно, за четыре года в Японии я видел Икэду в до-ги лишь во время семинаров. Все остальное время, в ходе повседневных тренировок, он разминочную часть неспеша пил кофе в уютном ресторанчике в фойе гостиницы, а потом перемещался в угол спортзала. В ход тренировок Икэда вмешивался крайне редко.

Тренировка шла своим чередом: множество ударов по лапам – руками, ногами, атакующие связки на макси-

мально возможной скорости, отработка в парах и поединки, поединки. Шла работа на достижение конкретного спортивного результата. Тяжелая, изматывающая работа. После тренировки – ощущение, что опустошен, полностью выжат. Той необычной легкости, которая меня так поразила, когда я только начал заниматься каратэ, не было.

После тренировки все вместе идем в японский ресторанчик, где пьем пиво, лениво переговариваемся. Я довольно легко вписался в группу учеников Икэды: видимо, сказалось то, что Икэда уже успел ко мне привыкнуть, и я не был чужаком, к тому же я был старше по возрасту любого из членов "Кисэйкай".

Солирует Икэда: много рассказывает, подшучивает над присутствующими. Все это проходит легко, непринужденно, но я не могу избавиться от ощущения, что посиделки в кабачке многие годы идут по одному и тому же сценарию, и шутки Икэды всем присутствующим уже хорошо известны. Добредаю до дома только к полуночи.

Со второй тренировки я стал ходить с белым поясом, сказав Икэде, что я готов изучать каратэ с нуля.

– Это правильное решение, Натаров-сан. Наверное, трудно – надеть вновь белый пояс после черного. Хотя в этом и состоит традиция будо – воинских искусств: если приходишь в другой стиль, то бывшие заслуги не в счет.

График тренировок для меня оказался крайне неудобен – среда и четверг, два дня подряд. Через два месяца

понимаю, что надо что-то менять – занятия каратэ мешают работе. В конце концов решил, что мне больше подойдет график вторник-пятница. К тому же, если говорить откровенно, полное невмешательство Икэды в ход тренировок и упор на кумитэ не позволяли сконцентрироваться на особенностях стиля. За три месяца регулярных тренировок в зале Икэды я, конечно, вошел в хорошую форму для поединков, чувствовал себя уверенно в паре с любым из его учеников. Но сам стиль "Дзёсинмон" при этом оставался для меня нераскрытой книгой.

И я начал ходить в зал Хацуки, носивший название "Отитай", расположенный в одноименном токийском районе. Это очень красивое, романтическое название. Дословно оно означает "взаимная любовь". А еще в это время блистал бейсболист из "Гигантов"¹ с такой же фамилией – Отитай, что только добавляло привлекательности этому названию...

Зал находился в пяти минутах ходьбы от кафе "Ренуар", в котором я познакомился с Хацуки. В отличие от зала Икэды это был стандартный спортзал при начальной школе – большой, хорошо освещенный, с прекрасным ровным полом и окнами с раздвижными ставнями. В спортзале Икэды был кондиционер, и в нем приятно заниматься и летом. В зале Хацуки летом было неимоверно душно, пот лил градом после первых двух движений. Каждые пятнадцать минут занятий следовали неболь-

¹ «Гиганты» (по-японски «Кёдзин») – самая популярная бейсбольная команда в Японии.

шие перерывы, во время которых все жадно пили холодный чай. Я садился на пол, вешал на шею маленькое полотенце, приоткрывал полы куртки до-ги – из-под них вырывался пар от красного, разгоряченного тела. Но зимой и осенью в зале "Отиай" было хорошо.

В клуб Хацуки входило двенадцать детей и десять взрослых, это по японским меркам большой клуб. Детская тренировка заканчивалась к половине восьмого вечера, и сразу же зал занимали взрослые. Хацуки вечно ворчал, что детские тренировки его изматывают, что эти шалопаи не хотят заниматься. Однако было видно, что ему нравится тренировать детей.

По вторникам в зале "Отиай" шла отработка базовой техники и ката, в пятницу – кумитэ. К пятнице я уже отправлял материал в газету, впереди были суббота и воскресенье, поэтому тренировки воспринимались мною куда лучше, чем среди недели.

Хацуки олицетворял собой интеллектуальное начало в каратэ: он много и подробно объяснял нюансы техники, присущие стилю "Дзёсинмон", был придирчив к исполнению ката.

Я уже привык к его хриплому голосу и отрывистой манере речи – в этом даже был свой колорит. После тренировки все традиционно перемещались в небольшой ресторанчик, где Хацуки ничего не стоило, не стесняясь посторонних, встать и объяснить какой-нибудь нюанс из техники каратэ "Дзёсинмон". Ресторанчик, конечно, громко сказано. Это было довольно неказистое питей-

ное заведение под названием "Фурусато" («Родная деревня»), где мы усаживались за низкие столики на дзабутоны (подушки для сидения) прямо на татами, а хозяин подавал незатейливую еду.

К пиву он приносил зеленый горох в стручках, из основной пищи японцы почему-то любили заказывать одэн – крупно нарезанные и разваренные до несъедобного состояния редька, картошка, морковка. Посиделки длились обычно часа два – до полуночи. Много курили, неспешно разговаривали. Поначалу это здорово утомляло, но потом появилось ощущение, что смысл посещения тренировки как раз и состоит в том, чтобы после нее неспешно посидеть и поговорить о том, о сем. Хацуки любил рассуждать: "Понимаешь, Натарофу¹ (так в его устах звучала моя фамилия, и без добавления вежливого "сан", что нормально среди однокашников и друзей), смысл занятий боевыми искусствами на каждом возрастном отрезке меняется: вот нам с тобой сейчас за тридцать, и уже нет смысла делать тысячи ударов подряд, как, скажем, в двадцать лет. После многих лет занятий надо сосредоточиться на качестве движений и начать, наконец, получать удовольствие от каратэ".

Собственно, это совпадало с моими внутренними ощущениями.

¹ Фонетический строй японского языка, где преобладают открытые слоги, не позволяет японцам произнести русскую фамилию, заканчивающуюся на «ов», без искажения.

Иногда по пятницам, после ресторана, по призыву Хацуки все перемещались в караоке, и это означало возвращение домой в три часа ночи на такси. Хацуки пел в основном старые японские песни, его хриплый низкий голос выводил: "Уэ-о муйтэ арукоо", популярный японский шлягер шестидесятых годов о том, что надо беззаботно идти вперед и просто смотреть на небо. У японцев, как я мог неоднократно убедиться, хороший музыкальный слух и в подавляющем большинстве они неплохо поют.

Помимо каратэ, Хацуки увлекался подводными видами спорта. Однажды, где-то в конце августа, когда я сидел в углу спортзала с полотенцем на шее и приходил в себя, Хацуки подошел ко мне и сказал:

- Эй, Натарофу, ты с нами на дайвинг поедешь?
- Да я не погружался ни разу в жизни...
- Ну попробуешь! Там инструктор есть – пробное погружение! Будет здорово!
- Хорошо, поехали.

Оказалось, что нырять мы будем на острове Осима и до него надо плыть на пароме несколько часов. Поздно вечером я, Хацуки, его жена и еще трое ребят из нашего клуба погрузились на паром. Все пассажиры легли практически голова к голове на татами, которыми было застелено большое пространство на палубе. "Совсем как в Токае на сборах", – промелькнуло у меня в голове.

Ранним утром мы пришвартовались к острову Осима. Каково же было мое удивление, когда я увидел автомо-

били с номерами токийского района Синагава, такими же, как и на моей служебной машине! Оказалось, что остров Осима, хотя и удален от Токио, географически включен в этот престижный столичный район.

Остров Осима – это потухший вулкан, на месте кратера которого устроен термальный источник – онсэн. Сидишь по пояс в горячей воде на вершине горы – со всех сторон видишь океан.

Погружение, как и говорил Хацуки, оказалось забавным. Сначала японский инструктор с серьезным видом объяснял мне устройство и предназначение маски, показывал, как надевать ласты. На это ушел почти час, строго по правилам. Я терпеливо слушал, кивал, понимая, что любые мои заявления о знакомстве с ластами не ускорят процесса теоретической подготовки.

Сейчас дайвинг у нас в России стал распространенным и модным увлечением, поэтому в описании моих восторгов новичка и радостных ощущений от наблюдения за пестрыми рыбками особого смысла нет. Мы погрузились с инструктором на девятнадцать метров, и эта цифра вызвала у Хацуки восхищение.

– Ух ты! Не испугался! С первого раза, и на девятнадцать метров! Молодец! Еще три таких погружения – и можешь получить лицензию на самостоятельный дайвинг!

Сам Хацуки погружался на тридцать метров.

Я сразу представил российскую среднюю полосу с ее прудами с илистым дном и подумал, что, пожалуй, обойдусь без этой лицензии.

Эта поездка нас с Хацуки сдружила, что никак не сказалось, правда, на моей "карьере" в стиле "Дзёсинмон": ровно год я отходил на занятия с белым ученическим поясом. Мне ни разу не было предложено сдать какой-либо квалификационный экзамен. Меня за глаза называли "нисэ-сиро-оби" – "липовый белый пояс", потому что в поединках я "черным поясом" как минимум не уступал.

Жанр воспоминаний, конечно, позволяет написать, что мне не было равных в поединках, но это не совсем так. Достаточно было взглянуть на поединки тридцатисемилетнего Исидзуки – многократного чемпиона по стилю "Дзёсинмон", чтобы понять: есть высоты, до которых можно не дойти никогда. Исидзука иногда заглядывал по пятницам в зал Хацуки. О его прибытии вещал огромный джип – редкая машина на довольно узких токийских улицах, перекрывавший почти весь вход в школьный двор. Исидзука был тренером внестилевой национальной сборной Японии по кумитэ, но при этом был прост, отзывчив и в ходе тренировок не гнушался вставать в пары даже с начинающими. После тренировок он присоединялся к походам в ресторан, много смеялся, шутил, очень любил отпускать скользкие шуточки.

– Ну что, Натаров-сан, в России, говорят, много красивых девушек? Я обязательно поеду! Хочу познакомиться с какой-нибудь Наташей или лучше сразу с двумя Наташами!

При этом он начинал громко смеяться и толкать меня

в плечо. Ровно через секунду Исидзука мог с серьезным лицом говорить о каратэ.

Уже позже, в 1998 году, когда Исидзука приезжал в Москву на турнир в качестве тренера, ему в последний момент пришлось заменить заболевшего спортсмена и выйти на татами. Бой Исидзука выиграл, но оказалось, что он сломал руку в запястье. Несмотря на боль, он продолжал поединок и даже наносил удары этой рукой. В результате – не просто перелом, но и сильное смещение кости. Организаторы турнира, озабоченные предстоящим банкетом, оставили Исидзуку мне на попечение, и я повез его на своей машине в больницу. Два здоровых медбрата без всякой заморозки вправляли Исидзуке кость. Он скрежетал зубами, обливался холодным потом, но терпел.

На его счастье, на следующий день он вернулся в Токио, где врачи почти полгода восстанавливали подвижность руки. С тех пор Исидзука считает, что он мне обязан, и при каждом моем приезде в Токио находит время для встреч.

Раз в месяц, обычно в последнюю пятницу, тренировки вел Сихан Танака. Когда маленький, сухонький седовласый Танака в черном до-ги появлялся в зале, у всех невольно вырывался тягостный вздох: Танака был большим любителем базовой техники и давал ее в таких количествах, что на следующий день было трудно передвигаться. Он руководствовался простым принципом: каждый из присутствующих на тренировке должен по

очереди на каждом упражнении отсчитать вслух десять раз. Таким образом, десять человек выполняли каждое упражнение сто раз, будь то удар рукой, ногой или какое-нибудь придуманное Танакой приседание с подскоком. Если кто-то опаздывал к началу тренировки – а к этому в Японии относятся с пониманием, то в ряды вставать не торопился: лучше тщательно размяться в углу зала и не нервировать уже изрядно вспотевших товарищей автоматическим увеличением объемов упражнений ровно на десять счетов.

Все эти чрезмерные экзерсисы окупались во второй части тренировки, когда Танака показывал разнообразные хитроумные захваты, заломы и технику выведения противника из равновесия. Помимо каратэ, Танака, несмотря на свои 62 года, три раза в неделю ходил на занятия айкидо и Сёриндзи-кэмпо, знал множество необычных для традиционного каратэ приемов. Их отработка требовала больше интеллектуальных, чем физических усилий, и ради этих новых знаний можно было вытерпеть первую часть тренировки.

Ровно год я отходил на занятия к Хацуки с белым поясом. Честно говоря, меня это не особо заботило, хотя немного удивляло то, что остальные японцы, начавшие с нуля, за прошедший год трижды выходили на квалификационные экзамены ученического уровня.

Как-то во время одной из вечерних посиделок в "Фурсато" эта тема всплыла сама собой. Кто-то из другого клуба каратэ – а ходить в гости на тренировки в другие

клубы того же стиля не возбранялось – спросил у вальяжно развалившегося на татами и неспешно покуривающего Хацуки: "А что Натаров-сан у Вас с белым поясом? Такой сильный боец..."

К тому времени я уже участвовал в нескольких токийских турнирах по каратэ (как в индивидуальном, так и в командном зачетах). В индивидуальном разряде дальше третьего круга пройти ни разу не удалось, но зачастую я выигрывал за счет какого-нибудь эффектного приема, не так часто применяемого японцами в спортивных поединках – удара ногой в голову или броска с обозначением добивающего удара. В командном турнире однажды нам удалось занять третье место. На всех этих соревнованиях моих противников поначалу вводил в заблуждение мой белый пояс, и я этим старался пользоваться, начиная поединки с взрывных атак, которым меня обучили сами же японцы еще в студенческие годы.

Хацуки отреагировал как-то нервно: "Лучше быть сильным белым поясом, чем слабым черным. Натарофу только начал изучать новый стиль, ему надо отшлифовать наши ката, понять их глубинный смысл.

– Сколько ты у нас занимаешься? – спросил Хацуки, поворачиваясь ко мне.

– Ровно год.

– Да?! – Хацуки был явно озадачен. – Уже целый год? И ни разу не сдавал экзамен? Хотя, может сразу на черный? Хм... надо посоветоваться с Сосиханом Икэдой.

Уже во время следующего занятия Хацуки подозвал меня к себе и вручил удостоверение члена Всеяпонской организации каратэ "Дзёсинмон".

– Вот. Я поговорил с Сосиханом. Ты теперь полный член "Дзёсинмон". А экзамен будет через месяц. Сразу на черный пояс вряд ли стоит сдавать. Икэда решил так: ты будешь сдавать всю технику "Дзёсинмон" – с самых простых движений до высших ката в том объеме, который ты уже знаешь, потом кумитэ.

Я сказал: "Осс!" – и поклонился. Предстояло серьезное физическое испытание. В "Дзёсинмон", в отличие от "Вадо-рю", вся базовая техника объединена в формальные технические комплексы, выполнение которых обязательно на экзаменах, что требует большой выносливости. К тому же поединки на экзаменах в "Дзёсинмон", как мне доводилось наблюдать, идут долго и без остановок.

Пришлось целый месяц бегать по утрам кроссы и встречаться с теми японскими журналистами, которые были более умеренны в еде и питье.

Дополнительно я стал ходить в зал Конно. Его манера ведения тренировок мне весьма импонировала: в меру жесткая, но в то же время интеллигентная, внятная речь и подробные разъяснения.

С Конно у меня сложились дружеские отношения, я даже несколько раз был у него дома в гостях, что в Японии считается признаком большого дружеского расположения. В отличие от нас, россиян, японцы предпочи-

тают общение вне дома: в кафе, ресторанах, барах. То ли потому, что Конно был уроженцем Хоккайдо, то ли его высокий интеллектуальный уровень и широкий круг знакомств среди европейцев и американцев – Конно писал и издавал в год по две-три книги и состоял в переписке с двумя десятками писателей из разных стран, но с ним было необыкновенно легко общаться.

Экзамен, как я и предполагал, был физически утомительным. Мое восхождение к черному поясу по стилю "Дзёсинмон" было остановлено в полушаге от цели – на уровне "Сёдан-хо" – "кандидат в черные пояса". И остановил меня не Икэда, а мой непосредственный учитель Хацуки! Ему не понравилось, что центр тяжести в одной из базовых стоек – кокуцу-дати – у меня смещен назад, как это было принято в "Вадорю", а не находится строго по центру, как тому учат в "Дзёсинмон". Так что из "белого пояса" я за один экзамен превратился в "получерного". На смещение центра тяжести в нужном направлении у меня впереди было полгода – до следующего экзамена.

Тренировки продолжались, я носил коричневый пояс, который мне принес Хацуки и вручил с пожеланиями заменить его на черный в ближайшее время.

В ноябре 1995 года в Японию пожаловала российская делегация "Дзёсинмон" во главе с Юрием Ефграфовичем.

Накануне вечером мне позвонил Икэда и попросил оказать возможное содействие по приему моих соотече-

ственников. Эта просьба фактически означала, что в течение недели, сутками напролет, бросив свою основную работу, я должен быть неразлучен со своими "добрыми друзьями" из России.

Международный аэропорт Нарита. Среди встречающих – сам Икэда с супругой и дочерью и я.

А вот и Юрий Ефграфович, в двубортном костюме с золотыми пуговицами и эмблемой "Дзёсинмон" на груди, в темных солнцезащитных очках. Он, как всегда, не улыбаясь, на переносице залегла скорбная морщина. Подобострастно кланяется Икэде и замирает в поклоне до тех пор, пока Икэда не хлопает его по плечу: "Добро пожаловать в Японию, Юри-сан!" Я удостоиваюсь холодно-го, настороженного рукопожатия Юри-сана: "Ну как, все секреты "Дзёсинмона" узнал?"

В составе делегации – неумышляющий Влад, который, собственно, и оплатил эту поездку. Он невероятно приветлив со мной, уже через минуту начинает разговор о том, что ему нужен черный жемчуг, в подарок жене.

Остальные члены делегации – Зураб и Алексей – держатся пока скованно и помалкивают.

Уже по дороге Юрий Ефграфович начинает жаловаться мне на то, как дорого приехать в Японию, какой сейчас невыгодный курс доллара к иене.

Я молча слушаю. Не успев приехать в гостиницу "Страда", Юрий Ефграфович просит Икэду о разговоре с глазу на глаз. Икэда предлагает перенести разговор на один из следующих дней, но российский представитель

настаивает. Делать нечего, садимся вдвоем за столик в ближайшем к гостинице кафе.

Юрий Ефграфович после витиеватых благодарственных слов переходит к делу.

"Одна из главных целей моего визита – предупредить Вас, Сосихан, об опасности". Я перевожу. Икэда откидывается назад на кресле и удивленно произносит: "О!" Юрий Ефграфович делает скорбно-трагическое лицо и продолжает.

– Вам известен мастер каратэ Хигаонна, который сейчас преподаёт каратэ в Америке?

– Да, конечно, – отвечает Икэда. – Мы с ним в дружеских отношениях.

– Так вот, Хигаонна попал под полный контроль и зависимость от еврейской диаспоры, вынужден преподавать каратэ в синагогах. Я боюсь, Гранд-Мастер, что Вас может постигнуть та же участь.

Я, не выдержав, фыркаю. Потом, справившись с собой, дословно перевожу.

Икэда в недоумении.

– И кто же мне угрожает? – подчеркнуто вежливо спрашивает он.

– Я как-то говорил Вам об агентах Линдера, в частности о Тимофее. Так вот они будут активизировать действия против Вас. Я прошу Вас быть внимательным при рассмотрении любых предложений от Тимофея!

Тимофей действительно уже дважды появлялся в Японии – оба раза дней на десять. После этого он пытал-

ся максимально воспользоваться плодами своих визитов: выпускал видеокассеты, размещал на своем сайте в интернете свои фотографии рядом с Икэдой и другими японскими мастерами каратэ, давал пространные интервью в специализированных спортивных изданиях, мелькал по телевизору. Тимофей в целях рекламы – действительно, с подачи пресловутого Линдера – написал небольшую работу, на тридцати страницах, о телохранителях в России и защитил ее как диссертацию в одном из маленьких частных университетов США. После этого Тимофей стал себя величать доктором юридических наук. Вот так, после заочного института – и сразу доктор! Активность Тимофея здорово нервировала Юрия Ефграфовича.

Икэда погрузился в задумчивость и помолчал минут пять.

– Я Вас понял, Юри-сан. Давайте теперь поговорим о каратэ, о Вашей программе пребывания.

Когда Юрий Ефграфович, наконец, пошел отдыхать к себе в номер, Икэда спросил у меня:

– Что Вы думаете по поводу обеспокоенности Юрисана? Как мне лучше себя вести? Вы ведь как русский, наверное, лучше меня поняли скрытый смысл заявления Юрия. Я неплохо отношусь к Тимофею. Для меня любой, кто искренне интересуется каратэ, – желанный гость.

– Если откровенно, то все сказанное Юри-саном – полный бред. Думаю, что Юрий очень боится утратить

монополию на стиль "Дзёсинмон" в России и видит здесь опасность, прежде всего со стороны Тимофея.

– Ну, теперь понятно, – облегченно вздохнул Икэда. – Хотя, если у Юри-сана есть мания, я бы на его месте опасался в первую очередь Вас, Натаров-сан!

Икэда, хлопнув меня по плечу, громко рассмеялся.

– Ну что Вы, – немного смутился я. – Я в эти интриги лезть не собираюсь. Я просто занимаюсь каратэ, и все.

– А зачем Вы занимаетесь? – испытующе посмотрев на меня, спросил Икэда.

А правда, зачем? И я ответил то, что сразу пришло в голову.

– Просто я никак не могу бросить: привык.

Икэда внимательно посмотрел на меня. "Да вы самурай, Натаров-сан", – произнес он, усмехнувшись.

Формальным поводом для посещения российской делегацией Японии было проведение семинара по энергетической гимнастике сэйтай, начальные элементы которой Икэда показывал во время своего последнего приезда в Москву.

Двое суток с шести утра до восьми вечера лишь с небольшими перерывами на обед Икэда читал лекции и проводил практические занятия по сэйтай. Я пытался совместить собственно занятия с переводом, требовавшим большого умственного напряжения. Коктейль из сугубо медицинских терминов и дзэнских философских понятий переваривался мною с трудом, а разъяснить все доходчиво нашим согражданам, вопросительно

вскидывавшим на меня головы после каждой фразы Икэды, граничило с невозможным.

Наконец семинар закончился, и наступила черед неформальных встреч.

Ко мне подошел Влад и загадочно произнес:

– У меня есть для японцев сюрприз.

– Какой?

– В России стали продавать диски с русскими песнями для караоке-машин. Они подходят к японской технике, так что сегодня попоем! Только японцам пока не говори!

В Японии действительно редкий праздник обходится без песен в караоке.

Как и следовало ожидать, после посиделок в ресторане в честь завершения семинара по сэйтай и прибытия русских гостей наступил момент, когда Икэда предложил попеть песни.

– А русские могут спеть а капелла – и все вместе! Например, "Катюшу"! – сказал немного язвительно Икэда.

– Э, нет! – возразил Влад, доставая из пакета диск с русскими песнями.

Сказать, что японцы были ошеломлены – ничего не сказать. Вместо ожидаемого развлечения "Иностранцы мучительно поют песни на своем языке" получилось ровно наоборот: радостные иностранцы чувствовали себя вольготно, громко пели, и остановить их было невозможно. Оставалось только вежливо улыбаться и механически хлопать в такт мелодии.

Когда на следующий вечер, но уже в другом заведении и в более узком составе Влад попытался, заметив в углу аппарат для караоке, вновь попеть, вдруг выяснилось, что диск установить невозможно.

– Как невозможно? – вскипел Влад. – Только вчера пели!

– Понимаете, диски устанавливает в машину специально обученный этому человек. Он приезжает раз в день, все меняет, запирает отсек для дисков на ключ и уезжает. Сейчас поздно, он дома, отдыхает, – стали увещевать Влада.

– Ну так пусть приедет! Мы ему заплатим!

– Это невозможно! Он уже отдыхает!

Влад так и не понял, почему для японца отдых важнее дополнительного заработка. Он помрачнел, спрятал диск, матерно выругался и в дальнейшем к караоке интереса не проявлял, сосредоточившись на поисках украшений из черного жемчуга.

Деньги на черный жемчуг нашлись, баулы других членов делегации также наполнились многочисленными свертками. И вдруг выяснилось, что в предпоследний вечер пребывания японцы никуда русских не пригласили и что придется ужинать за свой счет. Опять начались громкие стенания, что в Японии все дорого, что курс иены невыгодный. Ну не оставлять же соотечественников голодными! Я угостил всех ужином в японском ресторане, не переставая при этом удивляться собственному идиотизму. Почти

неделю перевожу им с утра до ночи, да еще и ужином за свой счет кормлю!

Под дружеские похлопывания и заверения, что в Москве сочтемся и там я проблем знать не буду, российская делегация, наконец, отбыла в аэропорт Нарита. Последняя ночь выдалась особенно тяжелой: после прощального ужина, затянувшегося до полуночи, Икэда поддался на уговоры Юрия Ефграфовича подняться к нему в номер и выпить по рюмочке. Рюмочек было выпито гораздо больше, беседа плавно перетекала с каратэ на достоинства русских и японских девушек, под мой перевод. Остальные члены делегации дремали, сидя на кроватях. Только в шесть утра Икэда вспомнил, что русским надо сегодня улетать.

– Пойдемте позавтракаем на прощанье, вам ведь еще надо собраться в дорогу, – сказал он, и все медленно потянулись за японцем. Солнце уже взошло, на улице было непривычно тихо: ни машин, ни пешеходов.

В работающем круглосуточно ресторане "Дэнниз"¹ Икэда заказал себе и всем рамэн (лапша с бульоном), и сам с большим удовольствием, со свистом и хлюпанием втягивал в себя содержимое огромной тарелки.

Осололевшие от бессонной ночи русские лениво и без аппетита тыкали палочками в лапшу. В моей голове

¹ Сеть недорогих придорожных ресторанов, как правило, с бесплатной парковкой.

раздавался мерный гул, во рту пересохло, нестерпимо хотелось спать.

– Чего только не сделаешь ради "Дзёсинмона", да, Натаров-сан? – пошутил Икэда. Я в ответ буркнул что-то нечленораздельное, думая лишь о том, что когда-то это все должно закончиться.

В обычное рабочее русло мне удалось вернуться лишь спустя неделю.

Накануне католического Рождества, которое у японцев ассоциируется лишь с большими распродажами и украшением улиц на европейский манер, Хацуки объявил о проведении заключительной тренировки 1995 года, которая пройдет в зале Икэды.

Эта тренировка началась раньше обычного – в пять часов вечера. Я имел неосторожность прийти к началу и осознал свою оплошность слишком поздно. Первые два часа те, кто пришел вовремя, занимались в режиме обычной тренировки базовой техникой. К семи вечера потихоньку стали подходить те, кто составляет костяк национальной сборной "Дзёсинмон". Они плавно включились во вторую часть тренировки – отработку в парах техники поединков. К девяти вечера, когда после четырех часов занятий я еле двигался, и казалось, что через несколько минут тренировка закончится, появился Икэда.

– Так! – произнес он после традиционной церемонии приветствий и поклонов. – Думаю, надо еще полчаса потренироваться.

После этого начались свободные поединки, и продолжались они без остановки целый час. В самом конце, оказавшись в одной паре с техничным, но весьма агрессивным в атаке членом сборной команды по фамилии Вада, я пропустил удар ногой в голову. Самое обидное, что я видел всю траекторию удара, как в замедленной съемке, но среагировать не было сил.

Рождество и Новый год я встречал с огромным синяком под правым глазом. Пришлось отменить все посещения праздничных приемов и фуршетов: для журналиста-международника вид у меня был непрезентабельный.

До лета 1996 года я продолжал регулярно тренироваться, постоянно помня о пропущенном ударе. Честно сказать, я здорово завелся и решил, что в 35 лет еще смогу доказать себе и японцам, что в поединках меня рано списывать со счетов.

И такая возможность мне представилась в начале августа, на 27-м чемпионате Японии по стилю каратэ "Дзёсинмон". Формально я мог принимать участие в национальном чемпионате, поскольку был полноправным членом организации, но с другой стороны, я был иностранцем. Хацуки долго переговаривался с Икэдой, и в итоге я был допущен к соревнованиям.

О формуле Всеяпонских чемпионатов по стилю каратэ "Дзёсинмон" надо сказать особо, поскольку она отличается от общепринятой в других стилях.

В течение одного дня проводятся поочередно сорев-

нования для детей, школьников, юношей, женщин и взрослых мужчин (старше 18 лет).

Взрослые мужчины, по спортивной классификации подпадающие под группу "иппан-сэнсю" (взрослые спортсмены), могут принять участие в трех видах соревнований: кодзин кумитэ (личные поединки), сивари (разбивание досок) и ката. Разумеется, в командных соревнованиях по кумитэ и ката. Согласно регламенту, абсолютным чемпионом объявляется тот спортсмен, который сумел победить во всех трех видах соревнований. За предшествующие 26 чемпионатов это не удалось сделать никому.

Турниры проводились по "олимпийской" системе – с выбыванием.

Рассказывая об особенностях Всеяпонских чемпионатов по стилю "Дзёсинмон", Хацуки особо подчеркнул, что если вдруг чемпионом Японии становится "коричневый пояс", то ему без экзамена присваивается черный.

– Давай, Натарофу, выиграешь чемпионат – и экзамен сдавать не надо!

– Ладно, выиграю, – легко пообещал я, и мы с Хацуки рассмеялись.

– Между нами говоря, не все обрадовались, когда узнали, что иностранец допущен к соревнованиям. Это же национальный чемпионат! А вдруг и правда, выиграешь? Иностранец – чемпион Японии. Такого еще в "Дзёсинмоне" не было!

В августе, как обычно в Японии, было очень жарко. Уже в семь утра столбики термометров поднимались до отметки 30 градусов по Цельсию, а ночью не опускались ниже 27.

Всеяпонский чемпионат по традиции проводился в Олимпийском спорткомплексе в парке Ёёги. Майка, шорты, сандалии, сумка с до-ги через плечо – сажусь на электричку и еду до станции Харадзюку. Десять минут пешком – и я у входа в спорткомплекс. Регистрируюсь, получаю согласно жеребьевке номер 42.

Всего – 68 участников. Смотрю сетку: вот я – Натаров Барэрий (Токио), 35 лет, сёдан-хо¹. Первый бой с двадцатитрехлетним спортсменом с острова Кюсю, черный пояс второй дан. Вожу пальцем по сетке дальше и вижу, что легких соперников не предвидится, если, конечно, пройду первого. Здесь и парень из зала Икэды, в прошлом году входивший в национальную команду, и двадцатипятилетний "черный пояс" с Хоккайдо. Посмотрев возраст участников чемпионата, я обнаружил лишь двоих старше себя.

После регистрации наступает самое изматывающее и неприятное время – ожидание начала соревнований. Можно прождать своего выхода несколько часов, а спустя пять минут, проиграв в первом же бою, спокойно складывать вещи и ехать домой.

Переодеваюсь, сажусь на трибуну, смотрю детские

¹ Дословно «кандидат в черные пояса», предшествует первой мастерской степени – «сёдан».

соревнования. Решаю особо не разминаться. Внутренне готов к тому, что иностранца дальше второго-третьего круга судьи не пропустят. А чтобы дойти до финала – нужно выиграть шесть боев подряд. Волнуюсь? Конечно. Но внутри все сильнее поднимается волна холодной решимости доказать, что я кое-чему в каратэ научился. Решаю тактически построить поединки на контратаках в голову, и на этом сразу успокаиваюсь. Будь что будет.

Первый бой провожу довольно скованно, но мои контратаки оказываются эффективными. Победа. Через две минуты – второй поединок. Неожиданно для самого себя включаю удары ногами и достаю противника – круговой удар ногой в голову – иппон (чистая победа). Третий и четвертый поединки тоже выигрываю на удивление легко. Во время пятого вдруг чувствую резкий упадок сил и с огромным трудом сохраняю до конца боя минимальное преимущество. Я – в полуфинале.

Все произошло быстро, буквально за час. Спортсмены были разбиты на четыре группы, и бои велись одновременно на четырех татами.

Теперь остались только победители своих групп. Кроме меня – крепкий парень с острова Кюсю, ученик брата Икэды, тоже с коричневым поясом, и два "черных пояса" – один из Токио, второй из префектуры Сидзуока. Два полуфиналиста с коричневыми поясами, большая редкость. Ко мне подходит Хацуки. В знак одобрения поднимает большой палец вверх.

– Давай, Натарофу! Еще два боя!

Мне по жребию достается токиец, сухощавый, подвижный и очень техничный парень. Но встретимся мы с ним на татами только через четыре часа. Таков регламент соревнований: все полуфинальные и финальные поединки во всех разделах – от детских до взрослых – для зрелищности вынесены в отдельную вечернюю часть. Снова несколько часов томительного ожидания.

Прямо в до-ги и сандалиях выхожу на улицу. После кондиционированного спортзала липкая жара ощущается особенно неприятно. Возвращаюсь, покупаю стакан лимонного напитка. Есть не хочется. Состояние полной отрешенности. О предстоящем поединке даже не думаю – просто сижу на трибуне и наблюдаю за соревнованиями по ката.

В полудреме провожу три с лишним часа. И вдруг осознаю, что до выхода на Центральный татами остается совсем немного времени. Делаю совсем легкую разминку, нахожу взглядом своего противника. Он явно волнуется, и это меня окончательно успокаивает.

К середине боя счет равный: 1-1. Японец очень верткий, пытается работать на контратаках. В один из моментов мне удастся его перехитрить, и я наношу удар в голову. Уже в момент соприкосновения понимаю, что не рассчитал, и удар получился слишком сильным. В ту секунду, когда боковой арбитр вскинул флажок, сигнализируя о моей результативной атаке, у моего противника будто

подломились ноги, и он лег на татами. Вместо ожидаемого вадза-ари (полпобеды), я получаю предупреждение. Через три минуты японец как ни в чем ни бывало встает. Его задача – проманеврировать оставшиеся тридцать секунд. При равном счете полученное мною предупреждение означает, что японец практически в финале. Последние тридцать секунд непрерывно атакую, стараясь работать в корпус. Буквально на последней секунде мне удается найти брешь в защите японца и после отвлекающего удара в верхнюю секцию нанести четкий, акцентированный удар в корпус. Тут же раздается гонг об окончании боя. Два боковых судьи показывают, что не видели, было ли мое действие результативным, но главный судья на татами четко показывает в мою сторону – вадза-ари. Я – в финале. Приношу извинения своему сопернику, пожимаем друг другу руки, я виновато улыбаюсь. Чувствую некий неприятный осадок оттого, что эта победа, в отличие от предыдущих, оказалась не столь убедительной.

Между тем крепкий парень с коричневым поясом с острова Кюсю легко выигрывает свой бой и тоже выходит в финал.

Через пять минут мы стоим напротив друг друга на татами. Слышу подбадривающие крики с трибун: "Натарофу, гамбарэ!" (Натаров, держись!)

Мой противник настроен очень решительно, сразу бросается атаковать.

Чувствую резкую боль с левой стороны челюсти, меня

отбрасывает вправо, я с трудом удерживаю равновесие. В своей излюбленной взрывной манере японец провел серию ударов в голову, и от одного мне уйти не удалось. Проигрываю 0-1. После команды продолжать японец точно также устремляется вперед, но на этот раз я сразу же жестко контратакую: 1-1.

Понимаю, что в обмене ударами руками выиграть сложно, спонтанно решаю провести атаку из полузабытого арсенала стиля "Сэнз": подсечка, двойка руками и "вертушка" из связки круговых ударов ногами в голову – маваси-урамаваси. Было видно, что японец не ожидал такого хода и с огромным трудом ушел от атаки, оказавшись почти на самом краю татами. Не останавливаясь, наношу удар рукой в корпус, японец пытается контратаковать, но я из-под своей руки наношу, будто на упражнениях по базовой технике, прямой удар ногой маэ-гэри.

Этот удар застает моего противника на встречном движении, и его аж подбрасывает вверх и выносит за границу татами. Японец явно сломлен, он уже не бросается вперед, много маневрирует. Мне удастся провести еще одну результативную атаку руками. Стоящий рядом с татами Хацуки кричит, что осталось тридцать секунд. Вместо того чтобы удерживать преимущество, я перехожу в атаку и... пропускаю удар. Мой перевес становится минимальным. Осталось пятнадцать секунд. Смотрю в глаза своему противнику, снова ожидая от него решительных действий, и вдруг отчетливо понимаю, что он

атаковать больше не будет – он смирился с поражением. Гонг.

Победа. Эмоций – никаких. Полная опустошенность и чувство огромной усталости. Есть сильное желание принять душ, переодеться и на время забыть о каратэ. Но впереди – церемония награждения. Иду на трибуны. По пути кто-то радостно хлопает меня по плечу, кто-то из японцев призывает вместе сфотографироваться. Остановливаясь, вымучиваю улыбку.

Из рук Икэды получаю кубок и диплом. Диктор торжественно объявляет меня чемпионом Японии в разделе "личные поединки". Далее следует сообщение, что согласно регламенту соревнований мне присваивается "черный пояс" по каратэ "Дзёсинмон" без экзаменов. Информация о том, что иностранец впервые в истории стиля выигрывает Всеяпонский чемпионат, вызывает неоднозначную реакцию: я вижу, как некоторые члены руководства "Дзёсинмон" аплодируют, но большинство – скорбно молчат и с недоумением смотрят в мою сторону: как такое могло произойти?

Радостный Хацуки призывает меня скорее переодеться, потому что ресторан уже заказан. "Праздничный ужин для Чемпиона!" – громко произносит он и довольно смеется.

От Олимпийского стадиона выдвигается праздничная процессия: впереди – улыбающийся Хацуки, за ним я, в шортах, майке, сандалиях, с сумкой через плечо, с кубком и большим дипломом в руках. За мной идет

группа из двадцати японцев, в основном из нашего клуба "Отиай", на все лады восхищающихся моей победой. Встречные японцы с любопытством рассматривают мои трофеи, и некоторые из них не выдерживают и спрашивают моих спутников, кто этот великий иностранец. Те охотно отвечают, что это новый чемпион по каратэ.

В табачном дыму и бесконечном гомоне с трудом высиживаю три часа в ресторане, даже произношу какой-то тост во славу моего Сэнсэя – Хацуки. Один из японцев в обычной для них манере пытается меня подначивать: "Натаров-сан! А какую песню Вы мысленно пели, выходя на финальный бой?" Делаю дурашливое выражение лица и говорю: "Я пел детскую песенку про слоника – Дзоо-сан, дзоо-сан! Охана-га нагай но нэ! – Слоник, слоник, у тебя длинный хобот!" Все начинают громко смеяться и хором петь эту детсадовскую песенку. От предложения потом попеть в караоке вежливо отказываюсь, ссылаясь на усталость.

В полупустом вагоне электропоезда сидящий рядом со мной японец тшится прочитать текст на дипломе, который я держу за края, согнув в трубочку. Он сопит мне почти в ухо, и так и сяк нагибая голову. Я не выдерживаю, распрямляю края диплома, при этом смотрю японцу прямо в глаза. Через мгновение он, как будто дотронувшись до оголенного электропровода, отпрыгивает к другому краю сиденья и всю оставшуюся дорогу упорно смотрит в окно.

Через две недели, когда тренировки вошли в обычное русло, в зале "Отиай" неожиданно для меня появился сам Икэда. Хацуки, похоже, об этом визите знал, потому что, когда Икэда стал вручать мне диплом о присвоении черного пояса, Хацуки достал из пакета пояс, на котором уже были вышиты мое имя и название клуба "Отиай". От Икэды я получил также личный подарок – протекторы на руки для поединков, с его автографом. Японцы зацокали языками, наперебой восхищаясь этим подарком, и Хацуки произнес: "Насколько я знаю, Сосихан Икэда никому таких подарков в Японии не делал!" На что Икэда лишь коротко кивнул.

На одну из следующих тренировок Хацуки привел в зал корреспондента журнала "Каратэ", который больше часа расспрашивал меня о прошедшем чемпионате и моих занятиях восточными единоборствами.

Выход этого номера журнала совпал с очередным приездом в Японию делегации российского "Дзёсинмона".

Еще в аэропорту Юрий Ефграфович отвел меня в сторону и со значением произнес: "Мне надо будет с тобой кое-что подробно обсудить!"

Обсуждение состоялось в тот же вечер в номере Юрия Ефграфовича. Было сильно накурено, на столе стояли тарелки с российской колбасой и консервами, полупустая бутылка водки. В креслах в напряженных позах застыли Алексей и Зураб.

– Ты, я слышал, делаешь успехи! Даже выиграл какой-

то небольшой турнир, – подчеркнуто безразлично произнес Юрий Ефграфович.

– Вообще-то этот турнир назывался "Чемпионат Японии", – саркастически заметил я.

– Ну да, да, – поморщился Юрий Ефграфович. – У меня к тебе конкретное предложение. Когда ты вернешься в Москву, я тебя возьму к себе старшим инструктором – наравне с лучшими мастерами, – и он посмотрел на Зураба и Алексея. – Я тебе присвою третий дан¹, буду платить двести долларов в месяц. Что скажешь?

Сказать, что меня это предложение, высказанное в столь незатейливой форме, покорило – ничего не сказать. Все-таки в Японии я находился не как гастарбайтер, а как собственный корреспондент солидного издания, и каратэ всегда было для меня пусть серьезным, но увлечением. Кроме того, я хорошо помнил историю моих взаимоотношений с представителями российского "Дзёсинмона" и не испытывал ни малейшей потребности вливаться в его ряды.

Я довольно резко ответил, что первый дан, полученный от Икэды за победу на Всеяпонском чемпионате, меня вполне устраивает, что я состою в японской организации "Дзёсинмон" и предложение Юрия Ефграфовича мне неинтересно.

¹ По сути, максимально высокая мастерская степень, которую можно получить, благодаря занятиям каратэ. Более высокие степени, как правило, присваиваются за вклад в развитие каратэ – проведение семинаров и обучение учеников, показательные выступления и другие способы пропаганды каратэ.

– Как знаешь, – произнес он с угрожающими интонациями. – Жалеть будешь, когда в Москву вернешься.

– Посмотрим, – пожал плечами я.

Уже много времени спустя я узнал, что из той нашей беседы Юрий Ефграфович вынес твердую уверенность в том, что я намерен по приезду в Москву создать и возглавить альтернативную всероссийскую федерацию "Дзёсинмон".

В сентябре со мною стало твориться что-то неладное. У меня вдруг начались проблемы с дыханием – ощущения резкой нехватки воздуха, душераздирающий кашель, который невозможно было остановить часами, бессонные ночи.

До японской больницы, находящейся в трехстах метрах от дома, я шел, задыхаясь и останавливаясь через каждые десять шагов, почти час.

Японский врач, сделав рентген, посадил меня под капельницу. Через полчаса мне стало гораздо легче.

– У Вас, Натаров-сан, накопился стресс, усталость. Надо больше отдыхать. Я Вам ставлю диагноз астматический бронхит, но, думаю, все пройдет.

Обнадеженный словами врача, я, получив кулек с лекарствами, бодро зашагал домой. Вечером, как ни в чем не бывало поехал на тренировку, но после разминки меня прихватило так, что пришлось использовать выписанный врачом на случай обострений ингалятор.

Лучше не становилось. С утра я, бросив все дела, уезжал к океану, где старался унять приступы кашля.

Через две недели я вновь оказался под капельницей. Промучившись месяц, я приехал к Икэда и рассказал о своем недуге.

– Возможно, это стресс, – задумчиво сказал Икэда. – Но в каратэ такое бывает в результате ударов тоже. Во время последних соревнований Вы пропускали какие-нибудь удары?

– Да, – сказал я, вспоминая, как болело все тело на следующий день после соревнований.

– Попробуйте регулярно позаниматься сэйтай¹. Мориваки-сэнсэй ведет занятия каждую субботу в моем зале с трех до пяти. А еще мой Вам совет: не меняйте своего образа жизни и не признавайте себя больным. Делайте все то, что Вы делали до того, как почувствовали недомогание: ходите на тренировки – в меру сил бегайте, плавайте, пейте сакэ, пойте в караоке.

И с этими словами Икэда увлек меня с собой в китайский ресторан, где мы пили спиртовую настойку на корне женьшеня, а потом до утра пели в караоке. И я в третий раз оказался под капельницей в больнице.

От тренировок я решил пока воздержаться, но на сэйтай стал ходить регулярно. Эти комплексы несложных на первый взгляд упражнений при многократных повторениях давали поразительный эффект: создавалось впечатление, что пот выходит не с поверхности кожи, а откуда-то изнутри. Дыхание нормализовалось, кашель исчез.

¹ Японская энергетическая гимнастика.

К марту я забыл про лекарства и начал бегать кроссы, через месяц доведя продолжительность бега до часа.

Тренироваться я стал очень аккуратно, делая упор на совершенствование ката. По субботам после занятий сэйтай в зале Икэды два часа отводилось под свободные тренировки, и на них, в отличие от плановых тренировок, Икэда охотно правил технику ката, чем я, зная о своем скором отъезде в Москву, не преминул воспользоваться.

К середине мая определилась дата моего отъезда. А ровно за сутки до этого было намечено проведение очередного, 28-го чемпионата Японии по каратэ "Дзёсинмон".

– Давай, Натарофу, перед отъездом поучаствуй! – предложил Хацуки.

Честно говоря, эта идея у меня энтузиазма не вызвала. Почти год я был занят только тем, чтобы вернуться к нормальной, здоровой жизни. Более того, за сутки до отъезда психологически настроиться на соревнования крайне сложно.

Каждую последующую тренировку Хацуки начинал с дежурного вопроса: "Ну что, Натарофу, надумал?"

И я в конце концов согласился, решив, что уже сам выход на татами будет для меня символом победы над недугом.

Формула турнира по кумитэ также претерпела изменения. Если в прошлом году бой шел до трех очков – "сёбу-санбон", то в этом – до одного – "сёбу иппон". Совер-

шенно другая тактика, более жесткий и травмоопасный характер поединка, близкого к реальному.

Икэда решил вернуться к истокам каратэ. "В поединке нельзя убить человека трижды. Бой до трех очков – это бессмыслица". И 28-й чемпионат превратился в парад травм.

В первом круге жребий свел меня с крепким японцем из города Кагосима. Буквально на первой же минуте поединка он нанес мне сильный удар в переносицу. Дикая боль, слезы заливают лицо. Японцу дают вадза-ари (полпобеды). Только судья объявил продолжение боя, как у меня из носа прямо на белоснежное до-ги полилась кровь. Если бы я, как мой противник в прошлогоднем полуфинале, сразу после удара упал, японец получил бы предупреждение. Но я не упал, а кровь пошла уже после оценки судей технического действия.

Меня отвели в сторону, насовали в нос ватных тампонов. Я жестом показал, что готов продолжать. С кровавыми тампонами в носу я, наверно, являл собой жуткое зрелище. Чувствую, что готов буквально разорвать своего противника. Бросаюсь в атаку, идет жесткий обмен ударами, в пылу боя выскакиваю за пределы татами – дзёгай. По регламенту боя по правилам сёбу-иппон это серьезная промашка – два выхода за ковер автоматически давали противнику полпобеды.

Ближе к концу боя я сумел поймать противника встречным прямым ударом в подбородок. Счет сравнялся. И вновь у меня из носа потекла кровь.

Через две минуты бой возобновляется. Противник бросается в атаку, я, отступая, пытаюсь поймать его на подсечку, и в это время судья останавливает бой. Я смотрю на флажок бокового судьи, показывающего на мою правую ногу. Ступня находится за татами – второй дзё-гай, и полпобеды присуждается противнику. Главный судья медленно и, как мне кажется, сочувственно глядя в мою сторону, объявляет, что по сумме победа присуждается японцу. Тот подходит ко мне, произносит слова извинения. Мыжимаем друг другу руки.

Для меня турнир закончился, можно переодеваться. На мое до-ги страшно смотреть – все в больших пятнах крови. Настроения смотреть чем закончатся соревнования, нет. Но все же, переодевшись, досиживаю до полуфинала, где мой недавний противник проиграл, пропустив удар ногой в голову.

Почему-то вспомнились слова Икэды о балансе во всем – мир янь и инь: добро – зло, мужчина – женщина... Победа – поражение, мысленно добавляю я. Баланс восстановлен. Можно ехать домой.

Подходит Хацуки. Протягивает мне бумажный свиток.
– Вот, Натарофу, возьми.

Я разворачиваю. Это официальное разрешение на открытие представительства клуба каратэ "Отиай" в Москве. Я молча кланяюсь Хацуки. Он улыбается и кланяется в ответ.

– В будущем году увидимся, Натарофу! Не бросай каратэ!

На следующее утро улетаю домой, в Москву. Распухший нос болит, настроение отвратительное. Но что-то мне подсказывает, что в Японию я еще приеду, и не раз.

1998-... МОСКВА. "Конно-дзюку каратэ-до" (вместо послесловия)

Москва. Ноябрь 2000 года. За окном мерзкий дождь, временами переходящий в снег. Прошло больше трех лет с тех пор, как я вернулся в Россию.

Предчувствие меня не обмануло: уже трижды, каждый год на две недели, я ездил в Японию. В штампе въездной визы неизменно значится: "Для занятий спортом".

К большой радости Хацуки в 1998 году я открыл в Москве представительство его клуба, и три раза в неделю веду тренировки по каратэ и сэйтай.

Я бы с удовольствием и подробно написал о том, как мы тренируемся, какие у меня замечательные ученики, как мы все вместе здорово съездили в Японию, потренировались в залах Икэды и Хацуки, как к нам приезжал Конно. Он также дал нашему клубу статус своего официального представительства – "Конно-дзюку Каратэ-до". Но я не буду этого делать по одной простой причине: это – настоящее и отчасти – будущее, а писать, пожалуй, можно только о прошлом и уже пережитом.

Москва, май-ноябрь 2000 года

1979 год. Главное – растяжка!
Постановка удара маваси-гэри
в домашних условиях.

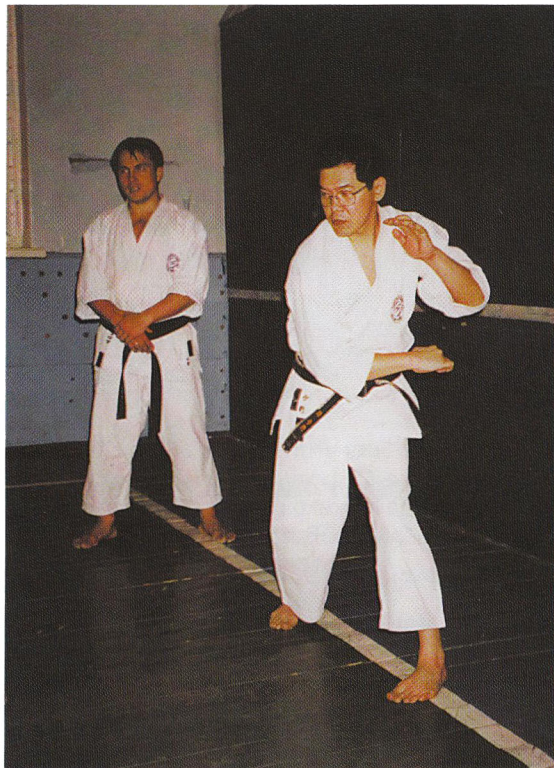
Клуб каратэ университета «Токай». В нижнем ряду второй справа – сэнсэй, шутиливо занес над его головой кулак – сэмпай, слева от него – Набэсима, в верхнем ряду в очках – Ода. Автор притаился в нижнем левом углу.

1996 год. Фрагмент финального поединка 27-го Чемпионата Японии по каратэ «Дзёсинмон». В атаке Натарофу-сан (слева).

1997 год. На 28-м Чемпионате Японии по каратэ «Дзёсинмон». Бой проигран, на до-ги – пятна крови, но настроение неплохое! Слева – Хацуки-сэнсэй.

2000 год. Москва.
Конно-сэнсэй
проводит тренировку
в нашем клубе.

2000 год. Токио. Первый выезд членов нашего клуба «Отиай-Москва» в Японию. В нижнем ряду второй слева – Конно-сэнсэй, третий слева – Хацуки-сэнсэй, посередине – сихан Танака.

1997 год. Последняя тренировка в клубе «Отиай». В нижнем ряду слева направо: Вада Ай (дочь Сосихана Икэды), Хацуки-сэнсэй, Сосихан Икэда, автор, Икэда Микико и члены национальной сборной каратэ «Дзёсинмон» – Отоси и Ёсикава.

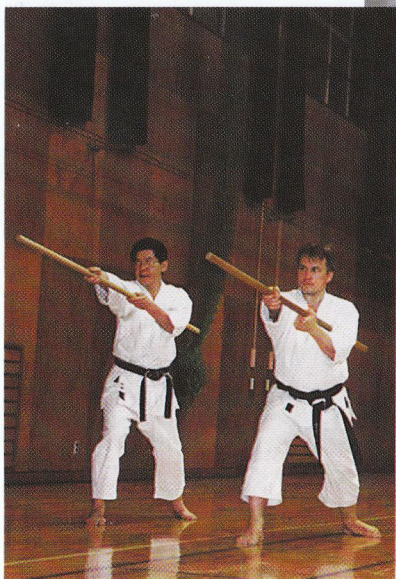
Фото из японского журнала
«Каратэ-до» №5, 1997.

きになってゆくという。
今日の場で演武されている形は、常心門
の「真」の部分に当たり、起点であると考え
えると、またその奥深さを伺い知れて興味
深い。

この日、稽古に集まった門人の数は約20
名。だが今日に限って、皆が常合支部へと
足を運ぶ理由が、羽月先生の入塾以上にも
あった。実はこの常合支部に35歳以上の

「ロシアの常心門空手はどちらかと言うとフルコンタクトに近い」というナタロフ。

1999 год. Токио. Индивидуальная тренировка в зале Конно-сэнсэй. Автор берет уроки бо-дзюцу.

НАТАРОВ Валерий Алексеевич – родился в Москве в 1961 году, окончил Институт стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ, профессиональный японовед. В течение ряда лет работал собственным корреспондентом «Литературной газеты» в Японии, автор более 200 публикаций в российской и зарубежной прессе.

Написал книги «Записки японома-на», «Японская энергетическая гимнастика» и «Осс!».

Обладатель черных поясов по трем стилям каратэ-до: «Вадо-рю», «Дзесинмон» и «Конно-дзюку». Победитель Всеяпонского чемпионата Дзесинмон в разделе «кумитэ» (1996 г.) В 2001 году основал «Исследовательский центр окинавских боевых искусств «Кьян» (www.shorinryu.ru), ведет практические занятия по каратэ в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.

В настоящее время Натаров В.А. работает Директором по связям с общественностью Института экономики переходного периода.

ISBN 5-98560-001-7

9 785985 600018 >